

Мысли и воспоминанія поляка.

I.

Мое дѣтство.—Паскевичъ и Библиковъ.—Арестъ моего отца.—Поступленіе въ корпусъ.—Выпускъ въ офицеры.—Пріѣздъ въ Муромъ.—Знакомство съ полковыми товарищами.—Условія ихъ жизни.—Семейство Т.—Характеристика русскаго купечества.—П. Г. Губонинъ и его жена Марина Севастьяновна.—Инженеръ К.—Положеніе сельскаго духовенства.—Преслѣдованіе старообрядцевъ и униатовъ.—Разница между православнымъ и католическимъ духовенствомъ.—Разбойникъ Ланцевъ и его похищенія.—Русское барство.—Характеристика ихъ отношеній къ крѣпостнымъ.—Польскіе магнаты и хлопы.—Закрѣпощеніе Екатериною II Малороссіи.

Въ человѣкъ уже отживающій. Разстояніе, которое я прошелъ, такъ велико, что мысль объ итогѣ невольно закрадывается въ голову. Волосы посѣдѣли, болѣзни разныя обступили, и нѣтъ-нѣтъ скоро развернется зіяющая пропасть, въ которую всѣмъ въ свое время придется провалиться и въ которую мнѣ еще ужасно провалиться не хочется. Обидно умирать, не оставивъ хотя небольшому кругу друзей слѣдовъ того, что на своемъ вѣку человѣкъ видѣлъ, что слышалъ, въ чемъ принималъ непосредственное участіе. Быть можетъ, это окажется для чего-нибудь и полезнымъ. И прожитое — что-нибудь да стоитъ. Кромѣ того, дѣло старое, дѣло болтливое, и вотъ я рѣшился оглянуться назадъ, лѣтъ такъ за пятьдесятъ и записать свои воспоминанія. Пятьдесятъ лѣтъ! Страхъ, какъ давно! Спросишь кого-нибудь изъ тогдашнихъ о прожитомъ, — всѣ стали какіе-то забывчивые, безпамятные. Пожалуй, еще помнятъ факты, но какъ они принимались, какъ понимались, но ощущенія этого волновавшаго прошедшаго, трепетъ прош-

лыхъ надеждъ,—куда все дѣвалось? Годъ за годомъ, и, растерывая воспоминанія, оставляя тупѣть впечатлѣнія, пожалуй, дойдешь до того, что станешь себя спрашивать: да полно, было ли что-нибудь?.. Говорятъ, забвеніе въ порядкѣ вещей, въ законѣ природы; поль-вѣка, мало ли воды утекло? Вѣрно. Къ тому же и половодье было не маленькое, и мнѣ упрямо такъ кажется, что то, что оно смыло, было лучше того, что оно оставило. Я же изъ этого прошлаго помню очень многое.

Большая часть воспоминаній, которыя мнѣ приходилось читать, грѣшатъ тѣмъ, что личность рассказчика, поневолѣ, получаетъ нѣсколько непропорціонально сильное освѣщеніе. Нужно большое искусство для избѣжанія этого недостатка. По возможности, въ такихъ случаяхъ, я старался быть краткимъ и сжатымъ, понимая, что объективный характеръ воспоминаній болѣе всего увеличиваетъ интересъ описываемаго. И такъ, я начинаю.

Я родился въ 1838 году, въ г. Борисовѣ, Минской губерніи, въ самой глухой, въ то время, мѣстности Полѣсья, несмотря на славу, прибрѣтенную г. Борисовомъ въ 1812 году. У села Студянки, въ 6-ти верстахъ отъ Борисова, переправлялась черезъ р. Березину армія Наполеона, вмѣстѣ со своимъ полководцемъ, возвращаясь изъ-подъ Москвы.

Отецъ мой происходилъ изъ старинной польской шляхты и по тому времени былъ человѣкъ образованный, начитанный, прекрасно зналъ латинскій языкъ и былъ хорошій юристъ. Мать моя хорошо насъ воспитывала, несмотря на то, что дѣтей у нея было много, и прекрасно вела хозяйство. Средства къ жизни мы имѣли достаточныя.

Дѣтство мое прошло при условіяхъ очень тяжелыхъ и оставило во мнѣ одни лишь грустныя воспоминанія. Время тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ для польскаго и литовскаго края было временемъ постоянныхъ политическихъ процессовъ, арестовъ и ссылокъ, и это продолжалось болѣе двадцати лѣтъ.

Паскевичъ и Бибииковъ управляли безпощадно, вселяя во всѣхъ, даже въ самыхъ смѣлыхъ людяхъ, страхъ и трепетъ. Никто, ложась спать, не былъ увѣренъ, что его ночью не схватятъ и не увезутъ въ ссылку. Въ каждомъ польскомъ домѣ все было подготовлено на случай внезапнаго ареста. Съ именами этихъ двухъ правителей края было связано несчастье каждой польской семьи и это, можно сказать, безъ преувеличенія ¹⁾).

¹⁾ Люди, окружавшіе этихъ двухъ сатраповъ, были въ одно и то же время и судьи и палачи; они съ радостью исполняли всякое насилие. Это до такой степени притупило въ нихъ всякое человѣческое чувство, что они забывали, что и у нихъ также были свои семьи: отцы, матери, братья и сестры.

Мнѣ еще не минуло и пяти лѣтъ, какъ, сначала отецъ мой, а затѣмъ мать были арестованы и отвезены въ Вильно на перекладныхъ. Мать вернулась скоро, отецъ мѣсяцевъ пять спустя. Я очень хорошо помню день возвращенія моего отца. Онъ пріѣхалъ утромъ, когда мы сидѣли за чаемъ. Блѣдный, истомленный, обросшій бородою, онъ вошелъ, снялъ шубу и, не говоря ни слова, направился въ комнату, гдѣ у насъ былъ маленькій алтарь у иконы Остробрамской Божьей Матери, палъ на колѣни и зарыдалъ. Мы всѣ также плакали. Мнѣ уже 65 лѣтъ, но этой минуты я забыть не могу и, вѣроятно, не забуду до гроба. Въ чемъ обвиняли моихъ родителей, я тогда не зналъ и мнѣ не говорили, но впослѣдствіи мать рассказала намъ, что они арестованы были по доносу борисовскаго городничаго, ренегата, оклеветавшаго ихъ, будто они находились въ сношеніяхъ съ какимъ-то эмиссаромъ, котораго они, какъ оказалось на слѣдствіи, и въ глаза никогда не видѣли. Городничій былъ сердитъ на моихъ родителей и мстилъ имъ за то, что они нѣсколько разъ пріютили въ своемъ домѣ жену его, которую онъ тиранилъ и выгонялъ вонъ отъ себя.

Впрочемъ, то было время, когда не только городничій, всесильный въ то время представитель власти, но и самый маленькій чиновникъ могъ погубить человѣка.

Домъ, въ которомъ мы жили, находился неподалеку отъ почтовой станціи. Почти ежедневно приходилось видѣть намъ по нѣсколько почтовыхъ кибитокъ, запряженныхъ паромъ, на которыхъ обыкновенно сидѣли по срединѣ какой-нибудь статскій въ кандалахъ, а по бокамъ два вооруженныхъ жандарма. Намъ при этомъ объясняли, что это „москали везутъ поляковъ въ Сибирь“, и, къ сожалѣнію, это была правда. Естественно, что въ мою душу рано начало закрадываться нерасположеніе и страхъ ко всему русскому.

Такія печальныя условія жизни и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, въ то ужасное время, были явленіями обычными, и благодаря, имъ воспитаніе польскаго юношества въ дѣтства, какъ-будто нарочно и систематически направлялось къ тому, чтобы озлобить и создать изъ подрастающей польской молодежи непримиримаго врага Россіи.

Для польскаго народа и для большинства населенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи такая система управленія имѣла самыя роковыя послѣдствія, и наступило время сказать, что огромную долю вины въ послѣдующихъ несчастіяхъ этихъ окраинъ должна принять на себя тогдашняя администрація края, озлоблявшая безъ толку и безъ пользы противъ Россіи польскую интеллигенцію и народъ. Гоненія на языкъ, на вѣру, обращеніе посредствомъ кнута и ссылокъ массы народа въ православіе—вѣдь это не забудется никогда.

Кто сѣтъ вѣтеръ, тотъ веминуемо пожнетъ бурю, которая когда-нибудь скажетъ правду объ этихъ сѣятеляхъ.

Что я не сгущаю красокъ и пишу лишь сущую правду, рекомендую прочесть „Записки полковника Ломачевского“ („Вѣстникъ Европы“ 1863 г.), бывшего въ то время начальникомъ минскаго губернскаго жандармскаго управленія. Въ запискахъ этихъ подробно изложенъ рядъ фактовъ того страшнаго террора и тѣхъ инквизиціонныхъ и безправныхъ порядковъ, которые практиковались администраціей края при генераль-губернаторѣ Бибииковѣ. Факты, сообщенные г. Ломачевскимъ, должны вызвать не только краску стыда, но и угрызенія совѣсти у каждаго честнаго русскаго человѣка.

Поляковъ обвиняютъ въ отсутствіи терпѣнія, въ неумѣнн сдерживать себя, въ крайней горячности. Я утверждаю, что наступитъ время и оно уже недалеко, когда исторію стануть писать не чиновники, умѣющіе искусно подтасовывать факты, а люди честные, и тогда терпѣніе поляковъ войдетъ въ поговорку и будетъ служить примѣромъ. Столько страданій, столько ужасовъ, сколько вынесъ польскій народъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ и за это время только два раза серьезно запротестовалъ противъ такой исторической несправедливости и грубаго насилія—это ли еще не доказательство сверхъ-терпѣнія?! Если такое терпѣливое отношеніе къ своей участи есть заслуга, то поляки этимъ качествомъ похвалиться имѣютъ полное право.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, меня отдали въ Брестскій кадетскій корпусъ. Ближайшая причина, побудившая родителей моихъ избрать для меня военную карьеру, заключалась въ желаніи избавить меня отъ необходимости служить простымъ рядовымъ, такъ какъ по закону, существовавшему въ то время (конскрипція), который императоръ Николай I считалъ къ тому же привилегіей, оставленной полякамъ, старшіе сыновья польскихъ дворянъ, а я былъ таковымъ, обязаны были служить въ военной службѣ, начиная съ рядоваго, съ правомъ, впрочемъ, выслуги, что при тогдашнихъ строгихъ военныхъ порядкахъ было крайне тяжело.

О томъ, какъ насъ учили и воспитывали въ корпусѣ, я подробно изложилъ въ моихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1895 г. въ іюнѣ и въ ноябрѣ, и повторять этого не буду, считаю, однако, нужнымъ прибавить, что проведенное мною время въ корпусѣ, особенно въ періодъ пребыванія Брестскаго корпуса въ Москвѣ¹⁾, подъ влияніемъ, съ одной стороны, милыхъ и добрыхъ

¹⁾ Совпавшій съ воцареніемъ императора Александра II-го и коренными реформами.

товарищей, а съ другой,—прекрасныхъ, думанныхъ и образованныхъ преподавателей, — подѣйствовало на меня до такой степени благотворно, что инстинктивный страхъ и злоба ко всему русскому уступило мѣсто твердому желанію поближе и обстоятельнѣе познакомиться съ русской жизнью, съ русской исторіей и литературой. Такой переворотъ во взглядахъ случился, впрочемъ, не съ однимъ мною.

Насъ, поляковъ, въ Брестскомъ корпусѣ было болѣе половины всего состава. Сначала мы держались въ сторонѣ отъ товарищей русскихъ, но къ концу моего пребыванія въ корпусѣ мы жили дружно и согласно. Между нами водворились миръ и уваженіе къ національнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что исторія Брестскаго корпуса, какъ воспитательнаго заведенія, можетъ служить образцомъ, какъ слѣдуетъ воспитывать польское юношество, чтобы въ результатѣ явилась полная гармонія между двумя братскими народами и разъ навсегда закончилась вражда, стоящая и жертвъ, и страданій ¹⁾. Теперешнимъ школамъ въ Польшѣ и Литвѣ съ ихъ безсердечнымъ направленіемъ и руссофильскими тенденціями, дошедшими до озлобленія противъ всего польскаго, не достигнуть этого никогда. Отъ такихъ школъ, гдѣ идутъ еще глупыя и безцѣльныя пререканія на счетъ того, на какомъ языкѣ дѣти должны молиться, ничего хорошаго не выйдетъ. Ту „заразу“, которую этимъ путемъ хотятъ искоренять — сугубо распространяютъ.

Вѣчная благодарность воспитателямъ Брестскаго корпуса отъ русскихъ и польскихъ ихъ воспитанниковъ!!

Я вышелъ изъ корпуса съ полнымъ сознаніемъ того, что въ несчастіяхъ польскаго народа ни русское образованное общество, ни даже русскій народъ никакой активной и сознательной роли не принимали. Они были въ полномъ невѣдѣніи того, изъ-за чего существуетъ вражда, кто правъ, кто виноватъ. Исторіи этихъ отношеній они не знали и знать не интересовались. И общество, и народъ въ польско-русскихъ отношеніяхъ ограничились лишь тѣмъ, что повторили съ чужихъ голосовъ сказки, что поляки бунтовщики и поджигатели, но въ то же самое время не только злобы, но даже особой неприязни къ полякамъ не имѣли. Несмотря на десятки тысячъ брошюръ, въ родѣ такихъ, напр., какъ „Русская правда и польская

¹⁾ Конечно, это было явленіе случайное, такъ какъ такая система воспитанія не лежала въ программѣ корпуснаго воспитанія, а лишь явилась слѣдствіемъ вліянія того счастливаго времени, когда высшее начальство опускало руки и мало обращало вниманія на то, что творилось въ сферѣ преобразования умственнаго развитія молодежи кадетскихъ корпусовъ.

кривда“, „Польскій катехизисъ“ и т. п., распространяемыхъ среди народа,—въ сознаніи русскихъ озлобленія къ полякамъ не привито. Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, въ разнаго рода анекдотахъ, въ сценическихъ представленіяхъ осмѣиваются жидъ, нѣмецъ, англичанинъ, даже французъ,—но полякъ никогда, или очень рѣдко. Это фактъ, чрезвычайно характерный и интересный. Народъ живетъ чутьемъ и чутьемъ доискивается правды ¹⁾).

Я провель среди русскаго народа, безвыѣздно, въ самыхъ его центрахъ, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, я не забылъ ни своего языка, ни вѣры, ни своихъ обычаевъ, сохранилъ привязанность къ моей родинѣ и въ этомъ направленіи воспиталъ своихъ дѣтей. Ни мое польское происхожденіе, котораго я никогда не скрывалъ, ни моя религія, ни мои взгляды, которые я откровенно высказывалъ, — не мѣшали мнѣ въ моихъ отношеніяхъ къ русскому обществу. Мое происхожденіе не препятствовало мнѣ занимать выборныя должности и въ городѣ и въ земствѣ. Десять лѣтъ къ ряду, по выбору дворянства, я состоялъ директоромъ тюремнаго комитета. И все это время ни юлить, ни увертываться мнѣ не приходилось. Однимъ словомъ, проведенное мною время среди русскаго общества я считаю счастливѣйшимъ періодомъ въ своей жизни и теперь, на старости лѣтъ, вернувшись на родину и ознакомившись съ тѣмъ, какъ на родинѣ жилось моимъ соотечественникамъ, въ теченіе этихъ пятидесяти лѣтъ, я прихожу въ ужасъ при одной мысли о томъ, сколько мнѣ пришлось бы выстрадать, если бы это время я провель на родинѣ. Говорятъ, на міру и смерть красна, но если бы это была смерть, — это была цѣлая система издѣвательствъ надъ тѣмъ, что человѣку дорого и что онъ привыкъ считать за святыню.

Когда предъ выпускомъ изъ корпуса насъ опрашивали, кто куда желаетъ выйти, я просилъ назначить меня въ такой полкъ, который стоялъ въ центральной Россіи. Просьбу мою удовлетворили, и я былъ назначенъ въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ на широкихъ квартирахъ ²⁾, въ г. Муромѣ и въ Муромскомъ и Меленковскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи, на родинѣ Ильи Муромца и Соловья разбойника.

Въ Муромѣ, гдѣ находился штабъ полка, я пріѣхалъ осенью 1859 года. Первое время, пока я ознакомился съ городомъ и съ полковыми товарищами, я ходилъ, какъ потерянный. Послѣ кадет-

¹⁾ Насъ душили чиновники, большинство которыхъ были пѣмцы. Теперь Россія на своей шкурѣ испробовала, до чего довела ее эта мерзкая клика.

²⁾ Полкъ, расквартированный по деревнямъ какого-либо уѣзда съ полковымъ штабомъ въ уѣздномъ городѣ—считался на широкихъ квартирахъ.

скаго корпуса, гдѣ жизнь можно было изучать только по книгамъ и при томъ съ лучшей ея стороны, дѣйствительность сразу разнилась отъ того, что я полагалъ встрѣтить. Я не нашелъ ничего, о чемъ я мечталъ, и не удивительно, если принять въ соображеніе, замкнутую жизнь въ корпусѣ. И люди, и обстановка ихъ жизни совсѣмъ не подходили къ тому, что я видѣлъ до сего времени. Все это было для меня ново и совсѣмъ незнакомо. Даже языкъ населенія былъ какъ будто не тотъ, какимъ меня научили говорить въ корпусѣ.

Скоро, однако, я ознакомился съ полковыми товарищами и вошелъ въ колею полковой жизни. Штабные офицеры нашего полка были, большею частью, „старой службы служивые люди“, стараго закала, но, тѣмъ не менѣе, люди очень хорошіе. Жизнь, которую они вели, мнѣ, однако, не нравилась. Безпрестанные званые обѣды, вечера, выѣзды къ окрестнымъ помѣщикамъ, и все одна и та же толчея шла постоянно, неизмѣнно съ утра до вечера и съ вечера до утра. И это дѣлалось серьезно, не шумя, объ этомъ заботились, говорили, будто такъ и должно быть, будто въ этомъ состояла жизнь. Я спрашивалъ моихъ сослуживцевъ— „и это все?“ Мнѣ отвѣчали— „чего же тебѣ еще нужно? Развѣ мало? А вотъ обожди, скоро упекутъ тебя въ деревню, тамъ будетъ другое, но врядъ ли тебѣ это понравится“.

Ни въ городѣ, ни въ полку не было библіотеки, а отъ частныхъ лицъ достать книгъ было невозможно, ихъ тоже ни у кого не было. Изъ числа десяти штабныхъ офицеровъ одинъ только выписывалъ газету, а къ полковому командиру какимъ-то чудомъ затесался журналъ „Атеней“ за 1858 г., издаваемый Коршемъ. Это объясняется тѣмъ, что старые офицеры читать не любили, какъ, вообще, не любило въ то время читать и все образованное русское общество, молодые же офицеры, любившіе читать, при штабѣ не состояли, а распредѣлены были по ротамъ, по деревнямъ.

И мнѣ не долго пришлось пожить въ Муромѣ. Меня командировали въ село Бутылицы, Меленковского уѣзда, гдѣ была расположена та рота, въ которую меня зачислили.

Бутылицы—сплошь были заселены старообрядцами. Въ селѣ была православная церковь, но она, даже въ большіе праздники,—пустовала.

Хотя то время было самымъ тяжелымъ временемъ гоненій на старообрядцевъ всѣхъ толковъ, крестьяне села Бутылицы не испытывали этого. За извѣстную мзду съ души приходскому священнику и консисторіи—старообрядцы села числились по спискамъ всѣ православными и аттестовались примѣрными исполнителями обрядовъ православной церкви. Батюшка разсуждалъ такъ: „и имъ спокойно, и мнѣ

хорошо; начнемъ съ ними канителиться,—съ голоду помремъ“. И по моему батюшка разсуждалъ правильно.

Здѣсь, въ Бутылицахъ, я впервые узналъ о старообрядцахъ. Въ корпусѣ намъ твердили, что русскій народъ весь исповѣдуетъ православіе. Тутъ такъ же я узналъ и о гоненіяхъ на сектантовъ, до того я былъ увѣренъ, что въ Россіи полная свобода совѣсти. Отъ Спиридона Пафнутаева, главнаго начетчика бутылицкихъ старообрядцевъ, я услышалъ, что гоненія на старообрядцевъ—ужасны, и впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что это правда. Пафнутаевъ мнѣ разсказывалъ, что гоненія особенно усилились съ конца царствованія императора Александра I-го. Въ началѣ своего царствованія императоръ обнаруживалъ полную вѣротерпимость. Онъ говорилъ духовоборамъ: „я вашъ заступникъ“. Въ послѣдніе же годы его царствованія, когда вошелъ въ силу Фотій, начались гоненія противъ всѣхъ, кто хотѣлъ вѣрить по своему. Этотъ ограниченный фанатикъ, сынъ деревенскаго дьячка, властно вошелъ во дворецъ и подчинилъ себѣ волю умнѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка своего времени. Пользуясь набожностью царя, онъ отуманилъ его, заговорилъ о соблазнахъ, объ искушеніяхъ, заставлялъ кланяться себѣ въ ноги: „не человѣку, но Богу въ лицѣ человѣка“¹⁾).

Ротнымъ командиромъ нашей роты былъ выслуженный изъ рядовыхъ, польскій дворянинъ, сданный по конскрипціи капитанъ Оома Матвѣевичъ К*. Солдаты его любили. Онъ былъ изъ числа тѣхъ отцовъ командировъ, про которыхъ сложилась пѣсня: „онъ за дѣло хвалить и за дѣло бьетъ“ и, вѣроятно, умѣлъ сохранить равновѣсіе между тѣмъ и другимъ, что въ то драчливое время, когда и хвалили-то кулакомъ, мало кому удавалось. Старшій офицеръ, послѣ ротнаго командира, шт.-кап. I*, высокій статный мужчина, любилъ франтовато одѣваться, на всѣхъ почти пальцахъ носилъ кольца, и ходокъ былъ по женскимъ дѣламъ. Разсказы его о своихъ похожденіяхъ въ крымскую войну и о томъ, какъ онъ нажилъ тамъ деньги, были до того циничны, что они возмущали меня. Онъ напр., разсказывалъ, что, завѣдуя похороннымъ паркомъ какого-то отряда подъ Севастополемъ, имѣлъ лишь въ наличности нѣсколько гробовъ и нѣсколько савановъ, между тѣмъ, какъ казна отпускала на cadaго умершаго на похороны значительную сумму. Какъ онъ обходился этимъ количествомъ гробовъ и савановъ—это уже его тайна. Разсказывалъ онъ и много другихъ и своихъ и чужихъ продѣлокъ, практиковавшихся въ то безцеремонное время, но не стоитъ объ этомъ и вспоминать. Обижен-

¹⁾ Начетчикъ Пафнутаевъ былъ очень умный старикъ, всѣ его уважали и слушали, тѣмъ не менѣе къ концу моего пребыванія въ Бутылицахъ, по доносу мѣстнаго исправника консисторіи, онъ былъ сначала заключенъ въ тюрьму въ с. Меленкахъ, а потомъ сосланъ въ какой-то монастырь,—гдѣ вскорѣ умеръ.

ный солдатъ давно уже покрылъ славой этотъ позоръ своего начальства.

Кромѣ этого печальнаго героя крымской войны, были еще въ ротѣ два субалтерна, оба недавно вышедшіе изъ корпуса, чрезвычайно добрые и милые юноши.

Нашъ ротный командиръ любилъ очень много говорить и, само собою разумѣется, что намъ приходилось его слушать. Разказы его, какъ челоѡка бывалаго, могли бы быть очень интересны, но онъ ихъ такъ скучно передавалъ, такъ мямлилъ и тянулъ, что мы, наконецъ, теряли терпѣніе и рѣшились какимъ-нибудь образомъ отъ этихъ его нескончаемыхъ повѣствованій избавиться. Онъ былъ очень тученъ и боялся удара. Мы этимъ воспользовались и просили нашего баталіоннаго доктора, которому онъ вѣрилъ, чтобы докторъ посовѣтовалъ ему, для сохраненія его здоровья какъ можно раньше ложиться спать и какъ можно меньше говорить. Какъ ему ни было трудно исполнить совѣты доктора, онъ исполнялъ ихъ съ полною аккуратностію и этимъ хотъ отчасти избавилъ насъ отъ обязанности слушать его разказы, часто за полночь.

Въ томъ, что ротный командиръ рано ложился спать, была еще и другая для насъ выгода.

По сосѣдству съ селомъ Бутылицы жило очень много помѣщиковъ, къ которымъ мы ѣздили въ гости. Чаше всѣхъ, однако, мы бывали въ семействѣ Т., людей зажиточныхъ, съ привлекательнымъ магнитомъ въ видѣ трехъ очень хорошенькихъ дочерей. За старшей изъ нихъ нашъ ротный ухаживалъ. Нѣкоторое время, повидимому, онъ охотно видѣлъ насъ въ своей компаніи, когда мы бывали, но скоро однако, надо полагать, струсилъ и, боясь, чтобы кто-нибудь изъ насъ не подпустилъ ему, какъ говорили тогда въ полку, брандера, всякій разъ какъ собирался въ гости къ Т., чтобы избавиться отъ нашей компаніи, давалъ намъ различныя порученія по службѣ.

Въ то счастливое время военная служба особенно для офицеровъ, даже въ лѣтнее время, была не трудная, а зимою мы ровно ничего не дѣлали, и тѣмъ не менѣе нашему ротному командиру удавалось изобрѣтать для насъ разныя служебныя порученія, такъ что мы не могли по цѣлымъ недѣлямъ бывать у Т., и вотъ, какъ только по совѣту доктора ротный сталъ рано ложиться спать, наши служебныя командировки кончились, и мы, почти ежедневно, стали снова ѣздить къ Т.

Что касается меня, то ротный командиръ К* напрасно боялся моей конкуренціи его сердечнымъ дѣламъ. Я былъ еще такъ молодъ, мечталъ о поступленіи въ военную академію, хотѣлъ учиться, что мнѣ и въ голову не приходили не только матримоніальныя затѣи,

но даже и легкія ухаживанія. Если я бывалъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, посѣщалъ семьи священниковъ, зажиточныхъ крестьянъ, присутствовалъ на престольныхъ праздникахъ ближайшихъ деревень, проживалъ по нѣсколько дней въ окрестныхъ монастыряхъ,—ездѣ я искалъ другаго интереса. Мнѣ хотѣлось ознакомиться съ бытомъ русскихъ помѣщиковъ и духовенства и съ настоящею мужицкою жизнью, о чемъ я никакого понятія не имѣлъ. Мнѣ любопытно было все это знать, чтобы имѣть возможность сравнить эту жизнь съ жизнью крестьянъ польскаго и литовскаго края, а главное съ отношеніями пановъ къ хлопамъ, о чемъ мнѣ приходилось читать и слышать всевозможные ужасы и безобразіе, щедро распространяемые въ русскомъ обществѣ. Отзвѣы эти поражали меня и будоражили мою совѣсть и мое національное самолюбіе. Я ставилъ себѣ такой вопросъ: неужели въ самомъ дѣлѣ польское культурное общество пало такъ низко, неужели оно стояло ниже русскаго общества и дѣйствительно заслуживало той исторической кары, которая постигла его? Или, быть можетъ, русское общественное мнѣніе, имѣя полный просторъ для самыхъ чудовищныхъ инсинуацій и измышленій, никѣмъ не оспариваемыхъ, не заботясь о провѣркѣ фактовъ, слагалось во вредъ полякамъ только подъ вліяніемъ политическаго озлобленія, а слѣдовательно было преувеличено. Последнее предположеніе было тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что мнѣ, до нѣкоторой степени, было уже въ то время извѣстно, что русскій, даже образованный человѣкъ, относясь снисходительно ко всему, что происходитъ у него дома, какъ бы это безобразно ни было, какъ будто русскому человѣку все прощительно, все можно и все-то онъ дѣлаетъ хорошо, въ то же время чрезмерно строго и сурово относится къ другой національности, какъ будто русскому народу дана кѣмъ-то особая привилегія—все дурное у себя считать хорошимъ, а, по крайней мѣрѣ, осуждая же дурное у другихъ,—забывать, что совершенно такое же зло и еще въ большей степени было у себя. Такая строгая и несправедливая оцѣнка всегда особенно ярко выражалась, если это касалось поляковъ.

Возражать голословно на нападки русскаго общества, на общественные недостатки и грѣхи польскаго культурнаго общества не достигало бы цѣли, и поэтому я рѣшилъ употребить все свое умѣніе, всѣ свои молодыя силы на то, чтобы, ознакомившись съ русскою жизнью, во всѣхъ ея общественныхъ слояхъ ¹⁾, дать себѣ добросовѣстные отвѣты на тѣ обвиненія, которыя беспокоили мою совѣсть и мучили мое самолюбіе.

¹⁾ И сравнивая жизнь русскаго культурнаго общества съ такою же жизнью въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ характерѣ русскаго купечества того времени было два пятна: невѣжество и недостатокъ честности. Огромное большинство купцовъ не обладало даже элементарными началами образованія. Я знавалъ такихъ, и это гораздо позднѣе описываемаго мною времени, которые совсѣмъ не знали грамотѣ и вели свои счета на биркахъ.

Обмѣръ и обвѣсъ былъ повсемѣстенъ. О торговлѣ на европейскій ладъ и понятія не имѣли. Банковъ не существовало. Не только въ дѣлахъ торговыхъ, но и вообще во всѣхъ вопросахъ житейскихъ и нравственныхъ, тогдашнее купечество было очень снисходительно въ своихъ сужденіяхъ и расположено было восхищаться ловкостью человѣка, хотя бы не всегда честнаго, особенно, если онъ при этомъ наживалъ деньги. Я не имѣю намѣренія утверждать, что эти отрицательныя свойства русскаго купечества составляютъ особенность русскаго характера; въ настоящее время немислимо уже допустить возможность такого, напр., факта, какой былъ въ 1860 г., когда императоръ Александръ II не принялъ хлѣба и соли отъ нижегородскаго ярмарочнаго купечества за то, что при продажѣ огромной партіи холстины калмыцкимъ инородцамъ холстъ этотъ, для увеличенія его вѣса, былъ пропитанъ не клейстеромъ (аппретурой), а толстымъ слоемъ известки, отчего, при носкѣ, на тѣлѣ образовывалась сначала сыпь, а затѣмъ язвы ¹⁾.

Купечество того времени, почти все, придерживалось старинны, даже въ одеждѣ. Петръ Ивановичъ Губонинъ, котораго знала не только вся Россія, но и вся финансовая Европа, строитель самыхъ большихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, статскій совѣтникъ, никогда не носилъ, даже представляясь государю, другаго костюма, какъ длиннополый купеческій кафтанъ, что, вѣстать сказать, придавало ему какое-то спокойное достоинство, составлявшее пріятный контрастъ съ тѣми его прихлебателями, которые были всегда одѣты по послѣдней модѣ и отъ самыхъ дорогихъ портныхъ; это не мѣшало, однако, Губонину и его женѣ Маринѣ Севастьяновнѣ въ грошъ ихъ не ставить. Губонинъ былъ человѣкъ высокоумный и подчасъ дерзкій. Я помню такой случай. На одномъ танцевальномъ вечерѣ у Губонина, которые онъ часто устраивалъ въ своихъ Московскихъ палатахъ, въ Татарской, для служащей у него молодежи, и Марина Севастьяновна, женщина простая, но умная, также недолюбливающая оравы прихлебателей своего мужа, которыхъ она безъ церемоніи называла или „наши молодцы“, или „наши полотеры“, замѣтивъ, что одинъ изъ нихъ, нѣкто К*, не танцуетъ, обратилась къ нему съ такимъ предложеніемъ: „а ты,

¹⁾ Калмыки, киргизы, и вообще среднеазиатскіе народы полотна, ситцы и др. подобные товары покупали въ то время на вѣсъ, а не на аршинны.

голубчикъ, если не хочешь плясать, потѣшилъ бы меня и Петрушу и прошелся бы на четверинкахъ по залѣ“. К*, несмотря на то, что былъ въ мундирѣ и съ ученымъ знакомъ на груди, исполнилъ просьбу М. С. и при общемъ „браво“ гостей прошелся на четверинкахъ изъ одного конца обширнаго Губонинскаго зала въ другой. Сдѣлалъ это онъ не даромъ. Черезъ нѣкоторое время К* получилъ высшее назначеніе на одной изъ губонинскихъ дорогъ. И съ тѣхъ поръ этотъ жалкій человѣчекъ все шагалъ выше и выше, потершись двадцать лѣтъ около тугой мошны Губонина, сталъ ворочать милліонами, сдѣлался вершителемъ судебъ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ и считался способнѣйшимъ желѣзнодорожнымъ дѣльцомъ, пока, наконецъ, не довелъ управляемыхъ имъ дорогъ до разоренія, а самъ при этомъ нагрѣлъ руки, доведя свое состояніе свѣше милліона рублей.

Вообще купцы любили окружать себя всякаго рода прихвостнями изъ разныхъ сферъ общества до генераловъ включительно. Дѣлали они это не изъ какихъ-либо расчетовъ, а просто изъ удовольствія видѣть у себя чиновныхъ и титулованныхъ гостей и тѣмъ возвысить свое значеніе среди собратьевъ. Они кормили и поили ихъ до отвала и изрѣдка снабжали деньгами, конечно безъ надежды получить ихъ обратно.

Въ Муромѣ я знавалъ купца П*. Большую часть года проживалъ онъ въ большомъ торговомъ селѣ Рождествено, неподалеку отъ Мурома. Это былъ человѣкъ почти неграмотный, но чрезвычайно богатый. На счетъ происхожденія его богатства ходили разные слухи, но я повторять ихъ не буду. Домъ П. въ селѣ Рождественѣ выглядѣлъ прямо дворцомъ. Зданія въ нѣсколько этажей изъ краснаго кирпича, со складами и службами, составляли почти цѣлый кварталъ. Въ обширномъ этомъ домѣ всѣ полы были паркетные; дворцовыхъ размѣровъ, громадный залъ въ два свѣта съ хорами, въ немъ роскошный плафонъ очень художественной работы какого-то ссыльнаго поляка, огромныя зеркала, дорогіе канделябры, малахитовыя столы, два фортепіано Эрара, очень дорогая мебель и тяжелыя драпировки. Войдя въ эти роскошныя комнаты, сразу видно было, что онѣ не предназначались для повседневнаго жилья. Строгая симметричность, какой-то особенный отпечатокъ неодушевленности, свойственный нежилымъ помѣщеніямъ, показывали, что все стоитъ точно такъ, какъ было установлено драпировщиками и мебельщиками. Эти парадныя комнаты открывались для торжественныхъ случаевъ; въ пріѣздъ губернатора, въ именины хозяевъ и вообще не больше трехъ-четыреухъ разъ въ году, въ остальное же время хозяева съ семьей жили въ нижнемъ этажѣ, въ грязныхъ комнатахъ, пропитанныхъ запахомъ постной кухни, меблированныхъ крайне простою и дешевой мебелью.

Во Владимірской и Ярославской губерніяхъ такихъ купеческихъ палатъ можно было встрѣтить чуть ли не въ каждомъ большомъ селѣ.

Въ то время, когда дворянству и купечеству жилось привольно и въ довольствѣ, православное духовенство и особенно сельское, чувствовало себя скверно и странно, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ было сплошное православное населеніе.

Я бывалъ въ семьяхъ многихъ священниковъ и повсюду встрѣчалъ жизнь, граничащую съ нищетою. Только тамъ духовенству жилось нѣсколько лучше, гдѣ большинство населенія въ приходѣ было старообрядческое. Въ то время все великорусское населеніе официально числилось православнымъ, сектантовъ и старообрядцевъ не полагалось, а между тѣмъ ихъ было много и, чтобы духовенство не притѣсняло исповѣдующихъ „старую вѣру“, не заставляло ихъ ходить въ церкви, крестить дѣтей, вѣнчаться, говѣть и хоронить по православному обряду—за все за это ему платили. Выкупъ этотъ, говоря по совѣсти, не былъ особенно великъ, но для деревенскаго бѣднаго священника, обремененнаго семьей, такая помощь была чуть ли не кладомъ. На однихъ православныхъ прихожанъ надежда была очень плохая, свое духовенство они обезпечивали крайне скупо.

Несмотря на возможность старообрядцамъ откупаться за сохраненіе своей вѣры, гоненіе на нихъ въ описываемое мною время было ужасное; оно совпало съ гоненіемъ на уніатовъ, не желающихъ возсоединиться съ православіемъ. Мало кому изъ русскихъ извѣстна эта печальная уніатская исторія безумнаго своеволія и насилія надъ совѣстью и церковно-полицейскихъ безобразій. Много пролилось крови и слезъ, много было перенесено ужасныхъ мукъ. Потрясающія драмы разыгрывались подъ бѣдной кровлей бѣлорускаго мужика.

Громадное большинство „упорствующихъ“ не исповѣдывалось, не крестилось, жили безъ брака и хоронили своихъ покойниковъ безъ участія духовенства болѣе сорока лѣтъ, такъ какъ ксендзы отказывались преподавать требы, боясь строгаго наказанія, а уніатскихъ поповъ не было.

Послѣ перваго указа императора Николая I въ 1835 г. о возсоединеніи уніатовъ съ православіемъ, гоненія на упорствующихъ, которыя были одинаково жестоки какъ и послѣ втораго указа 1862—1863 г., но они какъ-то скоро прекратились, а по крайней мѣрѣ смягчились. Происходило это оттого, что тогдашнее духовенство православное Западнаго края, бывшее раньше уніатское и возсоединившееся съ православіемъ больше по принужденію, чѣмъ по доброй волѣ, по развитію своему стояло несравненно выше русскаго православнаго духовенства и естественно не желало принимать активнаго участія

въ преслѣдованіяхъ бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, несмотря на безпощадное къ нимъ отношеніе виленскаго митрополита Іосифа Симашко, главнаго инициатора воссоединенія уніи съ православіемъ. Кромѣ того, литовскіе чиновники того времени, почти сплошь поляки-католики, исполняли по отношенію уніатовъ распоряженія церковно-полицейскаго высшаго начальства со всевозможными послабленіями и снисхожденіемъ.

Съ 1863 г., когда стали обращать уніатовъ въ православіе, въ Царствѣ Польскомъ гоненія на упорствующихъ дошли, благодаря поддержкѣ духовенства, выписаннаго въ Польшу изъ Россіи, и русскихъ чиновниковъ—до полнаго ужаса и смягчены они были только благодаря нынѣ царствующему государю.

И со старообрядцами тоже не церемонились. Ихъ преслѣдовали едва-ли не хуже, чѣмъ уніатовъ, преслѣдовали безъ отдыха и безъ всякой жалости. У нихъ заступниковъ не было, развѣ только деньги. До восьмидесятаго года тюрьмы были ими переполнены. Въ Москвѣ, въ преображенской тюрьмѣ, содержащихся за „вѣру“ (такъ обыкновенно отвѣчали старовѣры, когда ихъ опрашивали, за что они заключены), было до тысячи человѣкъ. Я не преувеличиваю. Мнѣ это извѣстно было хорошо, такъ какъ мнѣ неоднократно приходилось занимать караулы въ этой тюрьмѣ и въ качествѣ начальника караула производить арестованнымъ перекличку.

И администрація, и духовенство пользовались при каждомъ удобномъ случаѣ несчастнымъ положеніемъ сектантовъ, и тѣ и другіе наживались.

Вотъ совершенно достовѣрный фактъ.

Смотритель одной тюрьмы, гдѣ также содержались старовѣры, носящій громкую фамилію, замѣтивъ вѣроятно, что во время моихъ дежурствъ въ этой тюрьмѣ я неоднократно выражалъ сочувствіе несчастнымъ заключеннымъ, страдающимъ за привязанность къ вѣрѣ отцовъ—сдѣлалъ мнѣ однажды предложеніе не препятствовать пропуску въ камеры тюрьмы для совершенія требъ и моленій старообрядческаго архіерея, за что предлагалъ мнѣ въ видѣ подарка золотые часы.

Я подарка не принялъ, но свое согласіе на пропускъ далъ, не находя по совѣсти въ своемъ поступкѣ ничего предосудительнаго, и если бы я за это отвѣчалъ передъ закономъ, то передъ Богомъ не только бы не отвѣтилъ, но Онъ, я вѣрю, зачислилъ бы мнѣ это въ заслугу.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ знакомиться съ русской литературой, всѣ безусловно нападали на взяточничество и на взятки. Не похвалю и я такого порядка. Но, когда только посредствомъ взятки

въ то темное и безправное время можно было человѣку честному добиться правды и облегченія невинному его страданій, я благословляю существованіе этого способа обороны.

Несомнѣнно, взятка дѣлала много зла, но по тому времени она неизмѣримо больше дѣлала для безправнаго общества и добра. Какъ ужасно было бы существованіе общества при томъ строѣ русской жизни, какой былъ до реформъ императора Александра II, если бы никто не хотѣлъ дѣлать уступокъ, если бы и служители администраціи, и представители закона и служители церкви твердо и неуклонно исполняли волю властей, хотя бы это было даже противно ихъ совѣсти.

Это въ конецъ убило бы въ людяхъ все доброе, все честное.

Когда жизнь регламентируется не только закономъ, но и произволомъ высшихъ и низшихъ органовъ правительства, и каждый человѣкъ на каждомъ шагу можетъ быть лишенъ чести и свободы по усмотрѣнію какого-либо самодура,—существованіе взятки было спасительно, и русскому человѣку особенно пенять на это зло не слѣдовало. Взятка выручала его на каждомъ шагу, и въ то ужасное время она была его конституціей, единственной его защитницей.

Часто она выручаетъ насъ и теперь, и вотъ относительно не совсѣмъ отдаленный примѣръ.

Лѣтъ 15 тому назадъ я поѣхалъ на лѣто съ семьей изъ Саратова, гдѣ я служилъ, въ одну изъ губерній Сѣверо-Западнаго края. Для обученія моей малолѣтней дочери, я пригласилъ гувернантку-польку, съ дипломомъ, окончившую курсъ педагогическихъ курсовъ гимназіи, считая, что имѣю на это право, да мнѣ и въ голову не приходило, что можетъ быть въ русскомъ государствѣ такой уголъ, а не то цѣлый край, гдѣ, по усмотрѣнію генераль-губернатора, гувернатку-польку держать въ польской семьѣ воспрещается, а равно воспрещается учить по польскимъ учебникамъ, изданнымъ при этомъ въ Россіи подъ строгой цензурой.

Гувернантка оказалась вполне свѣдущая и съ прекрасными педагогическими приѣмами, такъ что дочь моя въ короткій промежутокъ времени подъ ея руководствомъ сдѣлала большіе успѣхи, между прочимъ и въ знаніи русскаго языка.

Въ одинъ прекрасный день, совершенно неожиданно является ко мнѣ въ усадьбу становой съ урядникомъ, но безъ понятыхъ. Спрашиваетъ меня, гувернантку, всю прислугу, дѣлаютъ обыскъ въ учебной комнатѣ, отбираютъ польскіе учебники и въ концѣ-концовъ объявляютъ мнѣ, что на основаніи распоряженія генераль-губернатора Оржевскаго я долженъ немедленно удалить отъ себя гувернантку, польскіе же учебники подлежатъ конфискаціи. За неисполненіе же

обязательнаго распоряженія генераль-губернатора я и гувернантка будемъ привлечены къ „законной“ административной отвѣтственности.

Когда я немного оправился отъ поразившей меня неожиданности, въ моей головѣ родилась мысль, не мистификація ли это, не самозванецъ ли этотъ становой, не хочетъ ли онъ меня напугать и этимъ путемъ сорвать съ меня обывательскую дань? Но, къ счастью, становой оказался Щедринскій; милый, пріятный, изъ образованныхъ, бывшій полякъ, но лѣтъ пять передъ тѣмъ обратившійся въ исконно-русскаго человѣка. Когда онъ замѣтилъ, что я сомнѣваюсь, онъ вѣжливо вынулъ изъ портфеля какую-то печатную бумаженку и показалъ мнѣ циркуляръ генераль-губернатора; мнѣ ничего больше не оставалось, какъ покориться этому специальному закону для польскихъ гражданъ Западнаго края. Но когда я сталъ излагать передъ становымъ трудность моего положенія въ присканіи для дочери моей новой гувернантки русскаго происхожденія, онъ меня скоро понялъ и вошелъ въ мое положеніе. За 50 р. становому и 10 р. уряднику дѣло съ гувернанткой окончилось къ общему удовольствію, и до конца моего пребыванія въ усадьбѣ вопроса этого не возникало, и съ становымъ и урядникомъ я былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и не разъ пользовался ихъ помощью и протекціей.

Тамъ, гдѣ могутъ существовать такія дикія стѣсненія, тамъ всегда люди будутъ изыскивать и способы, какъ ихъ обойти, и всегда найдутся сомнительные исполнители такихъ генераль-губернаторскихъ фантазій. Объ этомъ генераль-губернаторы должны помнить.

Еще на школьной скамейкѣ я слышалъ, приходилось и читать, что большинство православнаго духовенства, особенно низшаго, требуетъ деньги съ прихожанъ, отказываясь, зачастую, совершать требы, пока не будетъ уплачена требуемая сумма. Мои православные товарищи по корпусу, не стѣняясь, говорили: „Попъ деретъ и съ живаго и съ мертваго“.

Долгое время этому я не вѣрилъ, можетъ быть, потому, что мнѣ ничего подобнаго не приходилось слышать о духовенствѣ католическомъ, а по крайней мѣрѣ о томъ, которое было у насъ въ Литвѣ. Напротивъ, мнѣ было извѣстно, что оно, какъ среди интеллигенціи края, такъ и среди простаго народа, пользовалось всегда высокимъ почтеніемъ, что, конечно, не могло быть, если бы это духовенство притѣсняло народъ поборами.

Къ прискорбію, я впослѣдствіи убѣдился, что всѣ эти рассказы о православномъ духовенствѣ нисколько не были преувеличены. Доискиваясь причинъ такого ненормальнаго явленія, я пришелъ къ заключенію, что это иначе и быть не могло и что измѣнить такой порядокъ можетъ только коренная реформа духовенства. Матеріальное

положеніе большинства православныхъ священниковъ и остальнаго приходскаго клира и ихъ семей въ описываемое мною время было по истинѣ ужасающее. Нищенское ихъ существованіе, въ сравненіи съ духовенствомъ католическимъ, поражало меня. А между тѣмъ, жить надо было и, прилично сану, воспитывать дѣтей и, въ то же время, оплачивать благочинныхъ, консисторію и т. п. Трудно себѣ представить, какимъ униженіямъ подвергался священникъ, чтобы доставить себѣ и семьѣ своей скудное пропитаніе и необходимыя средства на воспитаніе дѣтей. Я самъ неоднократно видѣлъ, какъ крестьянину, во время обхода священника съ крестомъ на праздникахъ, или во время престольнаго праздника, жаль было каждой горсти ржи, каждого яйца, которыя надо было ему дать. Иные запирали двери передъ нимъ, какъ бы не находясь дома.

Это меня поразило до крайности, тѣмъ болѣе, что я постоянно слышалъ, что русскій крестьянинъ религіозенъ, и самъ видѣлъ, какъ онъ истово крестится передъ каждымъ образомъ, соблюдаетъ посты, посѣщаетъ церкви; но фактъ остается фактомъ, что своихъ духовныхъ пастырей онъ почитаетъ гораздо меньше, чѣмъ полякъ, литвинъ и жмудинъ.

Такое непочтеніе къ своему духовенству русскаго крестьянина я готовъ объяснить развѣ тѣмъ, что сельское православное духовенство, обремененное въ большинствѣ семьями, было такъ же бѣдно, какъ его паства, что сказать о католическихъ ксендзахъ нельзя, особенно въ описываемое мною время.

Я шатался по чисто русскимъ губерніямъ много лѣтъ, прожилъ долго на Волгѣ и нигдѣ не встрѣчалъ вполнѣ зажиточнаго православнаго сельскаго священника. Несмотря на вѣчную работу около дома и пашни, это была сплошь—бѣдность.

Я хорошо зналъ одного сельскаго священника о. Симеона, приходъ котораго былъ близко г. Нерехты, Костромской губерніи. Хотя это было очень давно, но я и до сихъ поръ еще не забылъ его низенькій домикъ, перешедшій къ нему отъ его тестя, выговорившаго себѣ уголь въ кухнѣ. О. Симеонъ былъ очень высокаго роста, обстоятельство, повидимому, ничтожное, составляло, однако, крупное пособіе всей его жизни. Когда онъ учился въ семинаріи и проглатывалъ уже премудрость богословскаго класса, его едва не забили въ солдаты: то было время, когда на учившуюся семинарскую молодежь сами епархіальные архіереи смотрѣли, какъ на рекрутовъ, пригодныхъ для гвардіи, и семинарскіе классы чуть совсѣмъ не превратились въ рекрутскія присутствія. Въ архивѣ Костромской консисторіи я видѣлъ донесеніе архіерея губернатору въ 1855 г., что изъ числа окончившихъ курсъ семинаріи въ 1855 году можетъ быть взято

въ военную службу 22 человекъ, аттестованныхъ архіереємъ похвально.

О. Симеонъ уже стоялъ передъ архіереємъ и былъ бы отправленъ подъ мѣрку, если бы придерживался чарки и буянилъ, но кроткій нравъ и „смиренство“, засвидѣтельствованные ректоромъ, спасли его отъ лямки и ранца. Когда онъ вышелъ изъ семинаріи, ему задали задачу, съ трудомъ разрѣшимую, искать невѣсты съ мѣстомъ, разумѣется,—священническимъ. Искать онъ долго, ходя пѣшкомъ и присаживаясь на облучкѣ у проѣзжихъ мужиковъ, выпрашивалъ и прислушивался и дознался объ одной такой, которая была и безобразна, и перестарокъ, и всѣми женихами была обойдена, и успѣла уже обогрѣться на свое долгое дѣвичество и сдѣлалась капризною. Тѣмъ не менѣе, сочетался онъ съ нею бракомъ на тестевъ счетъ и вскорѣ поталкиваемый кулаками въ спину и съ трудомъ изгибаясь услышалъ надъ своею головою великое слово „аксіось“.

Мужики того села, гдѣ священствовалъ о. Симеонъ, хвастались передъ сосѣдями, что о. Симеонъ „попъ смирный, курицы не обидитъ, не взыскателенъ“, что была совершенная правда. Онъ самъ ничего отъ мужиковъ не требовалъ, а прихожане забыли его со всѣмъ. Я жилъ около полугода въ этомъ селѣ и, зная бѣдность о. Симеона, часто упрекалъ крестьянъ, что они забываютъ своего батюшку, но они отвѣчали мнѣ: „когда батюшка самъ ѣсть не проситъ, значить—сытъ, намъ напрашиваться нечего“, а когда я передалъ объ этомъ о. Симеону, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— „Я по евангельскому слову живу, не заботясь о завтрашнемъ днѣ“.

На немъ былъ всегда одинъ и тотъ же нанковый, подержанный подрысникъ, подпоясанный широкимъ соловецкимъ ремнемъ, съ желѣзной петлей, подареннымъ ему проходившимъ богомольцемъ, котораго онъ накормилъ щами и кашей. Поверхъ подрысника носилъ онъ рясу изъ самой грубой домотканной крестьянской сермяги. О. Симеонъ былъ человекъ молчаливый, съ угловатыми манерами, съ робкимъ взглядомъ и въ высшей степени тихій и смиренный. Я бывалъ у него почти ежедневно и любилъ за его безхитростную и почти евангельскую жизнь. Если бы такому человеку дать немного больше образованія и обезпечить его существованіе способомъ менѣе оскорбительнымъ, чѣмъ выпрашивать чуть ли не каждый кусокъ хлѣба, каждую копѣйку,—какой бы это былъ полезный и достойный служитель христіанской церкви, какой бы это былъ разумный учитель темнаго народа. Но никто объ этомъ не позаботился.

Съ о. Симеономъ я часто ѣздилъ по базарамъ и ярмаркамъ. Покупалъ онъ очень немного, — четвертку чаю, да фунтъ сахара и только всего и то на случай „наѣзда“ о. благочиннаго. Товарищи

знали, что не отъ скупости, а отъ „неизглаголанной“ скудости у о. Симеона и сермяжная ряса на плечахъ, и въ домѣ бѣдно, и часто за душой нѣтъ ни гроша, и вздыхали, когда заходила о немъ рѣчь. Чѣмъ онъ жилъ, онъ и самъ на этотъ мудреный вопросъ не стѣмѣлъ бы отвѣтить. Одно было всѣмъ извѣстно, что умудрилъ его Господь Богъ на слесарное дѣло и къ „механикѣ“ онъ имѣлъ склонность. Въ Нерехтѣ часы поправлялъ и чистилъ и разъ цѣлый органъ исправилъ у одного помѣщика. Для мужиковъ чинилъ ружья и исправлялъ вѣтряныя мельницы. Слесарныя работы и починка часовъ увеличивали временно количество мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, но бѣды и нужды далеко не предотвращали.

Сколько такихъ полунищихъ служителей церкви было въ то время на Руси!

А что стоили такимъ бѣднымъ сельскимъ священникамъ проѣзды архіереевъ по епархіи. Нужно было убоготворить и о. протодіакона, и о. иподіакона, и лакея келейника, и пѣвчихъ. Архіерейскій поваръ и тотъ въ каждую поѣздку привозилъ домой не малое количество ассигнацій, собранныхъ отъ сельскихъ попадей.

Кромѣ бѣдности, положеніе сельскаго духовенства ухудшалось еще отношеніями къ нему помѣщиковъ, которые, въ то еще время, не отличали „поповъ“ отъ крѣпостныхъ, несмотря на то, что изъ числа сельскаго духовенства я знавалъ пастырей достойныхъ полного уваженія. Ихъ отношенія къ своимъ прихожанамъ были добрыя, они старались честно исполнять свои обязанности и, несмотря на крайнюю скудость своихъ средствъ, давали своимъ дѣтямъ хорошее образованіе, такъ что многіе изъ нихъ играютъ выдающуюся роль и въ наукѣ, и на поприщѣ государственной службы.

Чтобы закончить мой очеркъ о положеніи сельскаго православнаго духовенства въ Россіи въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, я позволю себѣ воспроизвести чрезвычайно яркую и въ то же время правдивую картину, характеризующую бытъ этого духовенства, нарисованную А. И. Левитовымъ въ его автобіографіи „Мое дѣтство“.

Вотъ что онъ тамъ пишетъ:

На другой день, послѣ выдержанія мною экзамена въ семинаріи, мы съ отцомъ (отецъ А. И. Левитова былъ сельскій священникъ) встали еще до свѣту, и онъ, собираясь въ дорогу, сталъ говорить мнѣ съ искренними слезами, такъ что всего его лихорадка била, чтобы я какъ можно старался учиться получше. „Богъ дастъ, — говорилъ отецъ, — окончишь курсъ, поступишь въ попы, такъ, по крайности, поможешь сестрамъ въ честное замужество выйти. Не кончишь — шабашъ! Сестры твои шинки откроютъ, мы съ матерью побираться

пойдемъ, потому мы къ тому времени всѣ жили изъ себя повымо-таемъ“.

Потомъ я проводилъ отца до заставы. Было холодно и дождь лилъ, какъ изъ ведра. Около заставы стоялъ кабакъ, мы вошли въ него. Тамъ горѣла тускло сальная свѣча и сидѣли мужики съ красными задумчивыми лицами. Отецъ вынулъ изъ-за пазухи кошель и всѣ деньги высыпалъ мнѣ. Въ кошелькѣ оказалось три серебряныхъ цѣлковыхъ и гривенъ шесть мѣдныхъ.

— Вотъ,—говорить,—тебѣ до Рождества. Кормись. А за квартиру самъ заплачу, когда за тобой приѣду брать тебя на Рождество.

Я сталъ говорить ему, чтобы онъ взялъ у меня цѣлковый, но онъ отказался отъ рубля и отсчиталъ себѣ только три гривенника, изъ которыхъ одинъ тутъ же и пропилъ. Я спросилъ его: „какъ же ты съ двугривеннымъ полтора ста верстъ пройдешь? Что ѣсть будешь?—Ничего, какъ-нибудь пройду. Притворюсь дежурнымъ изъ консисторіи, попадѣи, надо полагать, кормить будутъ... Дай-ка мнѣ еще гривенникъ, я выпью“. Я далъ ему гривенникъ, и онъ выпилъ. Выпивши, обнялъ онъ меня, заплакалъ и, рыдая, сказалъ: „Несчастные мы! Несчастіе насъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого... Всю жизнь, всю жизнь-жизненскую майся безъ отдыха. Отовсюду за тобой голодъ и холодъ, насмѣшки паскудныя, брань мерзкая и ничего не подѣлаешь, никакими средствами не выльзешь... Кабы не вы, ребята,—засѣлъ бы я въ любомъ кабакѣ и поколѣлъ бы тамъ.—Ну, прощай! Да будетъ воля Господня! Смотри же, другъ, учись, старайся! Выручай!..“

Отецъ пошелъ...

Если провести параллель между сельскимъ духовенствомъ въ Россіи католическимъ и православнымъ, то въ описываемое время разница выйдетъ очень большая въ пользу духовенства католическаго. Польскіе и литовскіе ксендзы были по большей части все люди зажиточные и прекрасно образованные. Они умѣло вели свои дѣла по управленію приходами и оказывали большія услуги дѣлу образованія юношества. Доминиканцы и ніоры имѣли образцовыя школы, даже базилианскія школы, принадлежащія уніатскому духовенству, стояли на высотѣ въ дѣлѣ воспитанія юношества. Изъ соображеній политическихъ, всѣ эти школы давно уже закрыты и культура края отъ этого много потеряла. Ничего подобнаго мы не видимъ въ періодъ того же времени среди духовенства православнаго, монашесвующаго¹⁾. Естественно, за такіе полезные труды католическаго

¹⁾ Обиліе монастырей и монаховъ въ Россіи—хоть отбавляй. Монашествующее духовенство живетъ и богато, и привольно, но нужно отдать ему справедли-

духовенства и интеллигенція края и помѣщики, а въ свою очередь и крестьяне не только не игнорировали католическаго и уніатскаго духовенства, но относились къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Даже новое, православное духовенство, перешедши, послѣ 1835 г., изъ уніи въ православіе, будучи высокообразованно и сохраняя съ мѣстнымъ населеніемъ прежнюю связь, часто даже родственную, пользовалось по-прежнему общимъ уваженіемъ всего народонаселенія. Прихожане и помѣщики, несмотря на разницу религіи, не закрывали передъ ними дверей своихъ жилищъ, а, напротивъ, рады были подѣлиться и съ ними, чѣмъ кто могъ. Впослѣдствіи, въ приходахъ, бывшихъ уніатскими, весь мѣстный клиръ замѣненъ былъ духовенствомъ изъ Вѣликороссіи, и какія теперь существуютъ отношенія—я не знаю, но думаю, что уже не прежнія.

Здѣсь совершенно будетъ у мѣста сказать нѣсколько словъ о значеніи уніи. До уничтоженія уніи въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ не было костела, а была только уніатская церковь и гдѣ народонаселеніе было смѣшанное, въ праздники всѣ, и католики и уніаты, шли въ уніатскій храмъ, забывая разницу вѣроисповѣданія. Здѣсь крестили цѣлыя поколѣнія дѣтей и католиковъ, и уніатовъ, исповѣдывали, вѣнчали, хоронили, слушали обѣдню и усердно молились одному Богу. И, наоборотъ, уніаты шли въ костелъ, гдѣ не было уніатской церкви. Правда, крестьяне чувствовали разницу между католической и уніатской вѣрой, но какъ-то поверхностно: первую они называли „панской вірой“, вторую „вірой хлопской“, но догматической разницы для нихъ не существовало. Всѣ требы, всѣ таинства, какъ для католиковъ, такъ и для уніатовъ были священны, исполнялъ ли ихъ ксендзъ въ костелѣ, или попъ въ церкви. Обращались туда, куда было ближе и кому было удобнѣе. Распѣвали гимны, кто по-польски, кто по-бѣлорусски, всѣ на одинъ мотивъ—выходило и гармонично и всѣмъ понятно. Массы легко усваивали это пѣніе, это было не трудно подъ аккомпаниментъ органа. Эти общія пѣснопѣнія были главнымъ проводникомъ возвышенныхъ началъ христіанскаго единенія. Унія для идеи религіознаго братства была великимъ двигателемъ. Съ обращеніемъ уніатскихъ церквей въ православныя, эти общенародныя пѣнія были запрещены въ церквахъ, католики перестали посѣщать церковную службу православную, какъ совершенно уже чуждую для нихъ, уніа-

вость, что оно имѣетъ самое ничтожное вліяніе на общественную жизнь. Быть можетъ, были ихъ просвѣтительныя заслуги огромны, но теперь онѣ уже давно были поросли. Теперь православные монастыри не содержатъ даже школы грамотности, не обучаютъ крестьянъ вѣрѣ. Крестьяне тоже не знаютъ молитвъ, однимъ словомъ, монастыри ни духовной, ни матеріальной цѣны для народа не представляютъ по крайней мѣрѣ такъ было въ то время, о которомъ я говорю.

тамъ же посѣщеніе костеловъ, куда они охотно шли, было строго запрещено.

Уничтоженіе уніи создало много хлопотъ для поляковъ и вызвало рядъ новыхъ чрезвычайно чувствительныхъ притѣсненій и при томъ совершенно незаконныхъ. Возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ дало право православному духовенству требовать, чтобы дѣти тѣхъ католическихъ родителей, которые были крещены уніатскими священниками, хотя бы даже за долго до акта возсоединенія — числились бы православными, а такихъ было очень много. Не было никакихъ средствъ избавиться отъ такого насилія. Всѣ власти края были, въ этомъ случаѣ, на сторонѣ этой драконовской мѣры. Я знавалъ много такихъ польскихъ семей, гдѣ всѣ дѣти были католики и только одинъ, потому что его крестилъ уніатскій священникъ, долженъ быть, волею-неволею, православнымъ и что за симъ слѣдовало—русскимъ. Въ то время было вѣщо въ родѣ аксіомы, что всякій православный долженъ непремѣнно считать себя русскимъ; а, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не полякомъ. И, вслѣдствіе этого, выходила въ семьяхъ путаница и религіозная, и національная, тѣмъ болѣе непріятная, что давала право вмѣшиваться въ дѣло семьи и духовенству, и полиціи. Послѣдствія этого были иногда крайне прискорбны. Очень часто бывали случаи, что родители уклонялись исполнять требованія духовенства и полиціи, и за симъ слѣдовала ссылка или тюрьма. Въ доказательство того, до чего доходило преслѣдованіе въ этихъ случаяхъ, я приведу фактъ, бывшій даже здѣсь, въ Петербургѣ, лѣтъ тому тридцать. Одна очень почтенная польская семья уніатскаго вѣроисповѣданія, не присоединившаяся къ православію, но, вѣроятно, числящаяся по спискамъ у полиціи православною, похоронила взрослую свою дочь по католическому обряду и на католическомъ кладбищѣ. Спустя года два послѣ похоронъ, по доносу минской консисторіи семья эта должна была, по настоянію властей, перенести покойницу на православное кладбище, а тотъ католическій священникъ, который хоронилъ, лишенъ былъ прихода. И всѣ эти безобразныя требованія исполнялись безъ протеста, протестовать и жаловаться и некому и некуда.

Уніатскій вопросъ, забытый было въ концѣ пятидесятихъ годовъ, обострился при виленскомъ диктаторѣ Муравьевѣ. Вновь за унію пошли аресты и ссылки. Достаточно было самой пустой придирки, напр., такой, что кто-нибудь, будучи католикомъ, часто посѣщаль до возсоединенія уніатскую церковь, или былъ въ родствен-ныхъ отношеніяхъ съ уніатскимъ священникомъ, чтобы заставляли его принимать православіе, которое, говоря безъ преувеличенія, сдѣлалось для населенія Западнаго края прямо страшилищемъ; тѣмъ болѣе,

что Муравьевъ сдѣлалъ распоряженіе провѣрить все населеніе—по метрикамъ и, создалъ для этой цѣли особую комиссію, которая и до сихъ поръ, кажется, еще не упразднена.

Случались и курьезы, но тѣмъ не менѣе съ плачевнымъ концомъ, другаго конца не полагалось. Въ 1864 г., по распоряженію Муравьева, сослана была въ Казань за участіе въ манифестаціи г-жа С. Мужъ проживалъ въ то время въ Сибири, гдѣ имѣлъ аптеку. Онъ числился православнымъ, такъ какъ происходилъ изъ уніатской семьи, хотя и его семья и семья его жены были издревне поляки. Узнавъ, что жена его сослана, онъ поѣхалъ въ Вильно хлопотать за жену. Рассчитывая на свое православіе, какъ на серьезный козырь, онъ подалъ Муравьеву прошеніе объ освобожденіи жены и отдачѣ ея ему на поруки. На бѣду С. онъ по паспорту и по метрической выписи значился по имени Фердинандомъ, и такимъ именемъ подписалъ свое прошеніе Муравьеву. Муравьевъ считалъ, что всѣ православные должны быть русскими и потому, принимая отъ С. прошеніе, онъ его спросилъ: „какой же вы русскій, когда вы Фердинандъ“, и, не разговаривая больше, приказалъ навести справки о благонадежности С. Когда по справкамъ оказалось, что вся семья С. польская, дѣти имѣютъ польскія имена, вся семья говоритъ по-польски. — Муравьевъ вмѣсто отдачи г. С. его жены на поруки приказалъ заключить самого С. въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ 5 мѣсяцевъ, аптека его пошла прахомъ, что разорило его въ конецъ. Вотъ какими мѣрами воздѣйствія насаждали православіе и увеличивали русскую народность въ Западномъ краѣ.

Теперь уніатскаго вопроса въ Западномъ краѣ пока не существуетъ, но я увѣренъ, что онъ еще всплыветъ на поверхность. Еще много есть людей, официально признанныхъ православными, въ тайнѣ исповѣдующихъ католичество, за невозможностью придерживаться уніи. Если уничтоженіе уніи и такое жестокое глумленіе надъ совѣстью двухмилліоннаго населенія нужно было для какихъ-то политическихъ цѣлей, и что быть можетъ до нѣкоторой степени и достигнуто, то зато на долгое время посѣяна—рознь, между людьми—одного и того же племени, что въ жизни народовъ важнѣе всѣхъ политическихъ соображеній.

Въ русскомъ обществѣ сложилось убѣжденіе, принимаемое большинствомъ за непреложную истину, что въ Россіи православное духовенство вѣротерпимѣе духовенства католическаго. Если этотъ фактъ разсматривать съ точки зрѣнія уставовъ каноническихъ—вопросъ выйдетъ слишкомъ сложный и моему разсужденію не подлежащій, ссылка на инквизицію въ доказательство невѣротерпимости католическаго духовенства выйдетъ также не къ дѣлу, такъ какъ, если не

такая постоянно дѣйствующая, то не менѣ жестокая инквизиція существовала и въ Россіи. Исторія про это знаетъ. Впрочемъ, я беру времена не столь отдаленныя; съ точки зрѣнія обыденныхъ житейскихъ отношеній православное духовенство, въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы православной религіи въ государственномъ значеніи существенно не страдаютъ, быть можетъ, вѣротерпимѣе и, по крайней мѣрѣ, снисходительнѣе и уступчивѣе католическаго. Происходитъ это оттого, что въ большинствѣ случаевъ русское духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ ограничивалось лишь соблюденіемъ формальныхъ обрядовъ и церемоній, предписываемыхъ церковью и, кромѣ того, оно пользовалось несравненно лучшимъ положеніемъ въ государствѣ, нежели духовенство католическое, что и сама религія православная лучше обезпечена отъ какихъ бы то ни было посягательствъ на нее, къ ея услугамъ и полиція, и всѣ другіе органы правительства. Что можно священнику православному, того нельзя ксендзу, даже и тогда, когда онъ станетъ въ защиту коренныхъ основъ своей религіи. Исторія съ виленскимъ епископомъ Звѣрвичемъ въ концѣ прошлаго вѣка вполне оправдываетъ это мое заключеніе, а вѣдь онъ только исполнялъ свою обязанность и присягу, данную имъ передъ государемъ и церковью ¹⁾. Католическое духовенство обвиняютъ въ томъ, что оно, независимо исполненія своихъ религіозныхъ обязанностей, вмѣшивается въ частную жизнь своихъ прихожанъ, вноситъ въ религію политику и на этой почвѣ дѣйствуетъ совѣтами и увѣщаніями. Главный же пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что католическое духовенство всѣми мѣрами старается разстраивать браки католиковъ съ православными. Кому извѣстны законоположенія и административныя мѣры по этому вопросу во всѣхъ случаяхъ въ пользу православія и въ ущербъ католичества, того не должны удивлять отношенія католическаго духовенства къ такимъ бракамъ и обвиненіе его безусловно несправедливо. Не нужно издавать такихъ законовъ, которые ставили бы кого-либо въ ложное положеніе и „заставляли дѣйствовать“ противъ совѣсти. Неужели можно требовать отъ католическаго ксендза, чтобы онъ поступалъ въ такихъ случаяхъ индифферентно, когда своимъ вліяніемъ онъ можетъ не допустить до смѣшаннаго брака, ставящаго католиковъ въ какое-то ненормальное, приниженное положеніе. Виноватъ тутъ не ксендзъ, который только исполняетъ свои обязанности, а законъ, ради какихъ-то проблемати-

¹⁾ Въ 1899 г. епископа Звѣрвичя сослали въ Тверь за то, что онъ издалъ распоряженіе по епархіи, чтобы родители не посылали дѣтей-католиковъ въ церковно-приходскія школы, такъ какъ въ этихъ школахъ не разрѣшалось преподавать законъ Божій католическаго обряда, и дѣти, посѣщающія эти школы, совершенно не обучались религіи.

ческих политических выгодъ, нарушающій равенство не только христіанскихъ религій, но и равенство гражданъ. Уничтожьте оскорбительный законъ при смѣшанныхъ бракахъ для католиковъ, и ксендзъ противодѣйствовать этимъ бракамъ не только не будетъ, но не будетъ имѣть къ тому никакого основанія.

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ исторіею борьбы православія съ расколомъ хваленая вѣротерпимость православнаго духовенства окажется прямо таки мифомъ. Въ настоящее время, когда во всемъ образованномъ мірѣ свобода совѣсти признана основнымъ закономъ гражданственности повсюду у насъ, въ Россіи, на миссіонерскихъ съѣздахъ даже въ послѣднее время лучшіе представители православнаго духовенства рекомендовали отнимать дѣтей у ихъ родителей—раскольниковъ, если они не воспитываютъ ихъ въ вѣрѣ православной и случаи отбиранія дѣтей бывали неоднократно.

Будучи въ теченіе десяти лѣтъ директоромъ царичевской тюрьмы, въ Саратовской губ. (отъ 1879—1889 г.), я былъ свидѣтелемъ, какъ сотнями проходили черезъ эту тюрьму сектанты, высылаемые на Кавказъ по доносамъ священниковъ. Гдѣ же тутъ вѣротерпимость?

При этомъ удобномъ случаѣ я не могу не высказать нѣкоторыхъ моихъ соображеній, основанныхъ на многолѣтнемъ близкомъ знакомствѣ съ русскимъ народомъ.

Существовало убѣжденіе, что истинно-русскій человѣкъ долженъ быть непременно православный. Въ настоящее время взглядъ такой уже устарѣлъ не только среди интеллигенціи, но и среди народа. Теперь мы видимъ, что секты даже съ протестантскимъ направленіемъ быстро распространяются, очевидно, что неразрывности связи между русскою народностью и православіемъ не существуетъ уже въ народномъ сознаніи. И признаніе свободы совѣсти законодательствомъ стоитъ на очереди. Никакой законъ, никакія кары не заставятъ меня вѣрить такъ, какъ я вѣрить не хочу.

Нѣтъ тѣхъ мрачныхъ красокъ, которыя можно было бы изъять, дѣлая характеристику временъ крѣпостничества. Воспоминанія о томъ, что я видѣлъ, приводили меня въ ужасъ. Нѣтъ того горя, нѣтъ тѣхъ страданій, нѣтъ такого беззаконія, которыя не преслѣдовали русскій народъ, благодаря ужаснымъ условіямъ крѣпостной жизни. Въ моихъ воспоминаніяхъ эти мрачныя картины повседневныхъ страданій лишь изрѣдка смягчались присутствіемъ среди народа характеровъ цѣльных, сильныхъ и вѣрующихъ въ лучшее будущее, на созерцаніи которыхъ отдыхало сердце, измученное зрѣлищемъ горя, слезъ, страданій и вѣчнаго издѣвательства надъ человѣкомъ. Общее впечатлѣніе всего того, что я видѣлъ, было такое, что казалось, что на всей землѣ русской не было угла, гдѣ не слышно было бы стоновъ и не видно

было слезъ. Дѣти и тѣ никогда не веселились. Большинство представляли людей загнанныхъ, забытыхъ, кроткихъ, безсловесныхъ, терпѣливо выносящихъ всѣ невзгоды, обиды и поношенія. Обезличенные и обездоленные, они съ покорностью старались вымолить себѣ у судьбы и у людей право, если не на счастье, то хотя бы на самое горемычное существованіе и одними лишь стопами протестовали противъ рушащихся на нихъ неправдъ и всякаго рода поношеній.

Въ противоположность этимъ кроткимъ страдальцамъ рисуется передо мною рядъ личностей, которыя подъ влияніемъ тѣхъ же горестныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ доходили до мрачнаго ожесточенія. Это натуры страстныя, хищныя, крутыя, глубоко сосредоточенныя, за каждую обиду старавшіяся отплатить вдесятеро. Въ старину изъ такихъ людей составляли полчища понизовой вольницы, они избирали своими товарищами темный лѣсъ, да булатный мечъ. Въ описываемое мною время такіе люди бродяжничали, подчасъ разбойничали, заливая свою горькую участь зеленымъ виномъ. Въ то время типомъ этихъ послѣднихъ былъ извѣстный на всю Россію „разбойникъ“ Ланцовъ, въ своемъ родѣ Ринальдо-Ринальдини, личность этическая, воспѣтая въ народныхъ пѣсняхъ, слышанныхъ мною еще въ прошломъ году.

Я лично зналъ Ланцова и неоднократно бесѣдовалъ съ нимъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ содержался въ московскомъ бутырскомъ тюремномъ замкѣ, въ такъ называемой сѣверной пугачевской башнѣ, закованный въ ручные и ножные кандалы. Меня очень интересовалъ Ланцовъ, и я, будучи въ караулѣ, подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ со мною откровененъ. Ланцовъ въ сравнительно короткий срокъ совершилъ девятнадцать убійствъ, десять разъ бѣгалъ изъ тюрьмы и съ этаповъ, въ томъ числѣ три раза изъ пугачевской башни. Прогнанный четыре раза „сквозь строй“, одинъ разъ черезъ четыре тысячи человекъ (это не выдумки), въ 1861 году онъ ожидалъ еще такого же наказанія въ пятый разъ. Когда я входилъ къ Ланцову въ башню (мы входили къ нему всегда безъ оружія, такъ какъ былъ случай, что вопедшаго къ нему солдата онъ убилъ его собственнымъ оружіемъ и бѣжалъ), мнѣ всегда припоминалась извѣстная надпись на воротахъ Дантова ада: „Нѣтъ для тебя больше надежды“.

Ланцовъ былъ крѣпостной извѣстнаго въ свое время крѣпостника и собственника музыкальнаго хора, съ которымъ онъ ѣздилъ даже за границу,—князя Юрія Александровича Голицына, изъ села Самлыковъ, Тамбовской губ., изъ сектантовъ, хорошо грамотный, что на то время было рѣдкостью. Изъ его рассказовъ я заключилъ, что въ юности онъ былъ малый смирный и работающій. Отецъ его занимался

скотоводствомъ и поручалъ сыну сопровождать гурты по скотогоннымъ трактамъ на ярмарки. На 21 году управляющій имѣніемъ безъ всякаго основанія сдалъ Ланцова въ солдаты, несмотря на то, что отецъ давалъ за него значительный выкупъ. Это его озлобило. Когда же онъ уже былъ въ полку, онъ случайно узналъ, что, по сдачѣ его въ солдаты, тотъ же управляющій пристроилъ къ себѣ въ любовницы его красавицу-сестру. Не долго думая, онъ бѣжитъ изъ полка и на двадцатый день изъ царства польскаго, гдѣ стоялъ его полкъ, приходитъ въ г. Козловъ.

Тутъ я повторю его подлинный разсказъ:

„Всю дорогу отъ злости я скрежеталъ зубами и била меня лихорадка. Въ Козловѣ я немного успокоился—отъ Козлова до нашего села было 120 верстъ. Я вышелъ вечеромъ изъ города, шелъ мелкій снѣгъ, и свѣтилъ блѣдный мѣсяцъ. Близость родины, чудная ночь зажгли въ моемъ сердцѣ любовь къ Богу и къ людямъ. Я началъ молиться, но какой-то холодный, неумолимый голосъ говорилъ мнѣ: „О чемъ ты молишь? Сколько ни молись—пощадь тебѣ у людей не будетъ.“ Я пересталъ молиться и шелъ. Шелъ, и съ каждымъ шагомъ страшно горѣвшую кровь мою охватывало непреодолимое желаніе мести.

— На третью ночь по выходѣ изъ Козлова, не заходя въ свое село, въ барской усадьбѣ, я убилъ управляющаго и мою сестру, найдя ихъ въ одной постели... Съ тѣхъ поръ двѣнадцать уже лѣтъ я мыкаюсь по острогамъ, совершаю преступленіе за преступленіемъ, и скоро наступитъ мой конецъ—умереть подъ палками. Скорѣй бы! Душа моя черна, но ихъ еще чернѣе—закончилъ онъ и утеръ слезу рукавомъ арестантской сорочки.

Ланцовъ и сотни ему подобныхъ—это продуктъ того „горя злощастія“, которое народъ воспѣваетъ во множествѣ пѣсенъ и былинъ, олицетворяя въ видѣ чудовища, которое преслѣдуетъ людей отъ колыбели до могилы и отъ котораго некуда схорониться „доброму молодцу“ ни въ „пескахъ сыпучихъ“, ни въ „лѣсахъ дремучихъ“.

Самымъ страшнымъ бичемъ въ то ужасное время былъ не столько помѣщикъ, сколько „свой братъ—мужикъ“, облеченный властью бурмистра или приказчика. Это были люди вымуштрованные, прошедшіе сквозь огонь и воду и потерявшіе совѣсть. Вѣрныя и жестокіе, какъ псы, готовые продать своего роднаго отца, они были незамѣнимыми людьми тамъ, гдѣ нужно было караулить, ловить, не пускать и вообще исполнять какой угодно безчеловѣчный приказъ, и чѣмъ онъ былъ труднѣе, жесточе, тѣмъ больше онъ приходился по вкусу ихъ дикой натурѣ. Эти собачьи качества, эта собачья выдержка, неумолимость и при томъ, по большей части, безотчетная вѣрность помо-

гали имъ зачастую дѣлать хорошую карьеру у богатыхъ господъ: они получали вольныя, богатѣли въ то время, когда „свой братъ“, загрызаемый ими безъ всякой пощады, смотрѣлъ на нихъ, какъ на изверговъ. Много разъ приходилось мнѣ видѣть ихъ звѣрства и жестокости надъ крестьянами, исполняемыя съ жестокимъ хладнокровіемъ и безъ всякаго милосердія. Сколько такихъ бурмистровъ играли, а, быть можетъ, играютъ и теперь выдающуюся роль съ спокойною совѣстью, какъ будто нѣтъ на нихъ ни сучка, ни задоринки. Какъ жаль, что у насъ мало знаютъ и совѣтъ не интересуются прошлымъ, даже общественныхъ дѣятелей. А такой аттестатъ былъ бы очень полезенъ. Онъ оберегалъ бы общество отъ многихъ мерзостей и отъ опасныхъ людей.

Жизнь въ русской деревнѣ была для меня тогда новостью. Поселившись въ деревнѣ, я не зналъ ни обычаевъ, ни порядковъ крестьянскихъ, а между тѣмъ жизнь эта показалась мнѣ въ высшей степени интересной. Я сталъ приглядываться, изучать, скоро какъ-то свылся съ крестьянскимъ обиходомъ и сдѣлался, на сколько это было возможно, своимъ человекомъ. Теперь такія мои отношенія къ крестьянамъ обратили бы на меня вниманіе урядника и причинили бы мнѣ много хлопотъ, въ то же время урядниковъ еще, слава Богу, не было, да и о какихъ-либо агитаторахъ никто и не помышлялъ. Воспоминанія о проведенной мною жизни среди русскихъ крестьянъ, несмотря на грустные и тоскливыя картины прошлаго, на грубость нравовъ, на жестокость и произволъ всякихъ властей, тѣмъ не менѣе и до сихъ норъ остались отрадными. Въ ушахъ моихъ и до сихъ поръ раздается неразборчивый гулъ рабочаго деревенскаго дня. Припоминаю эти жестокіе, сѣверные, владимірскіе морозы и визгливыя метели; время отъ времени пролетитъ лихая помѣщичья тройка, неистово позвякивая валдайскимъ колокольчикомъ и громахъ безчисленными бубенчиками, за тройкой прорыщутъ сельскіе ребятишки въ отцовскихъ тулупахъ и мохнатыхъ шапкахъ. Вижу, вижу и теперь, какъ мрачно рисуются растрепанныя массы крышъ изъ почернѣвшей гнилой соломы, развалившіяся закоптѣлыя избы съ маленькими окнами и безобразно заваленныя сѣрымъ прѣлымъ навозомъ. Въ одной изъ такихъ избъ я имѣлъ свое мѣстожительство. Кругомъ вижу людей загнанныхъ, забытыхъ, кроткихъ, терпѣливо выносящихъ обиды и надругательства. Въ эту страшную стужу вижу деревенскихъ пропойцевъ въ рваныхъ зипунишкахъ, идущихъ въ кабакъ или изъ кабака. Бывало, и я изъ любопытства заглядывалъ въ эти кабаки. Тамъ можно было насмотрѣться на разнообразныя виды русскаго мужицкаго горя, заглушаемаго водкою, шумомъ и гамомъ, неистовыми взвизгиваніями, бѣшеною пляскою трепака и

подчасъ кровавою потасовкою въ смутномъ чаду похмѣлья. И по сердцу же былъ русскому мужику кабакъ! Тамъ только онъ былъ свободенъ, тамъ онъ забывалъ и барина, и бурмистра, и свою горемычную долю.

Знаемъ уже, кто такой былъ бурмистръ, а кто же такой былъ русскій баринъ?

Всматриваясь въ длинную исторію русскаго барства, приходимъ къ убѣжденію, что въ однообразныхъ равнинахъ Великороссіи, въ однообразнѣйшихъ, все подводящихъ подъ одинъ знаменатель условіяхъ естественныхъ, экономическихъ и политическихъ не было возможности самостоятельно выдѣлиться изъ этого однообразія чему-нибудь такому, въ смыслѣ привилегированности, чтобы хоть капельку равнялось въ прочности привилегированнымъ, исторически сложившимся установленіямъ стараго европейскаго міра. Только казенное право ограждало барству его привилегированное положеніе, безъ этого казеннаго огражденія ему не было никакихъ резоновъ стоять выше даже мужика. Русскому барину не было надобности развивать въ должной мѣрѣ тотъ запасъ эгоизма, которымъ долженъ жить человѣкъ; ему не съ кѣмъ было воевать за свое привилегированное положеніе, потому что у него и враговъ-то не было никакихъ. За высокою и сильной оградой своихъ казенныхъ правъ онъ сидѣлъ одинъ, точно въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи, и отъ ничегонедѣланія положительно сходилъ съ ума. Даже отъ времени такъ называемыхъ „настоящихъ баръ“ въ назиданіе потомству, не осталось рѣшительно ничего. Изъ отрывочныхъ разсказовъ о прошломъ, которые уцѣлѣли въ воспоминаніи старожиловъ, и изъ того, что я самъ видѣлъ, мало можно поразсказать хорошаго, хотя и въ хорошихъ людяхъ недостатка не было. Но зато цѣлые томы можно писать о разнообразныхъ звѣрствахъ, возводимыхъ на степень удовольствія, о безчинствахъ противъ слабыхъ и безсильныхъ, тоже дѣлаемыхъ больше на потѣху и развлеченіе, но не похожихъ на удовольствія здоровыхъ людей. Чтобы пороть и этимъ наслаждаться, надобно быть больнымъ, чтобы приклеить спящему попу бороду къ столу, надо быть пьянымъ и совсѣмъ некультурнымъ человѣкомъ; вывалить становаго въ дегтю и пуху и потомъ заплатить ему,—затѣя человѣка мало того что не трезваго, но и грубаго. Цѣлая литература исписана по поводу такихъ затѣй, перечислять ихъ почти невозможно. Не вдаваясь въ слишкомъ подробныя воспоминанія старо-барскаго житія-бытія, приходишь къ убѣжденію, что мозгъ, умъ, воля и сердце плохо и нездорово работали у людей, обитавшихъ въ этихъ обширныхъ, блистательныхъ барскихъ дворцахъ и помѣщичьихъ хоромахъ.

Въ русскомъ обществѣ сложилось убѣжденіе, что польскіе и ли-

товскіе паны несравненно хуже обращались съ хлопами, чѣмъ русскіе помѣщики съ своими крестьянами. Цѣлые томы исписаны объ ужасныхъ гоненіяхъ, чинимыхъ магнатами въ Украинѣ и Малороссіи, и это, къ несчастію, совершенная правда. Исторія, однако, указываетъ на громадную разницу въ причинахъ, которыя вызывали эти расправы. И по совѣсти и ради исторической правды причины эти слѣдуетъ взять въ соображеніе. Во всякомъ случаѣ, эти безобразія и ужасы не были ради потѣхи и удовольствія подъ пьяную руку. Магнаты и хлопы украинскіе—то были враги политическіе и религіозные, кто одолѣвалъ, тотъ и чинилъ расправы огнемъ и мечемъ и всевозможными иными способами. Та и другая сторона были безжалостные хищники, были волки. Тутъ обѣ стороны были виноваты, это была борьба не на жизнь, а на смерть, она и кончилась смертью.

А русскій баринъ? Засѣкалъ безправнаго мужика на смерть ради скуки, ради потѣхи; билъ направо и налево, колобродилъ и распутствовалъ, не подвергая себя никакой опасности. Вѣдь у русскаго барина не было никакой причины, ни религіозной, ни политической—стать во враждебныя отношенія къ мужику, такъ какъ и мужикъ не думалъ съ нимъ враждовать. Бунты Остраницы, Наливайки, гайдамацкія движенія, Гонты и Желѣзняка, возстаніе Хмѣльницкаго,—то была борьба политическая и религіозная, за которую исторія осудила безобразные порядки польскаго государства. Движеніе Пугачева и Разина и многихъ другихъ—это были протесты черни противъ самоуправства и безчеловѣчнаго обращенія барина. Такою постановкою вопроса я вовсе не хочу защищать польскихъ пановъ и магнатовъ, какія бы ни были причины, тѣмъ, кто страдалъ отъ этого было не легче, но я констатирую только разницу причинъ и положеніе сторонъ и чтобы быть справедливымъ — этого забывать не слѣдуетъ.

Послѣ присоединенія польскихъ областей къ Россіи и послѣ закрѣпощенія Екатериной II-й крестьянъ этихъ провинцій къ помѣщикамъ, разницы въ обращеніи этихъ послѣднихъ къ мужикамъ по сравненію съ русскимъ помѣщикомъ не было никакой. Оба, къ стыду челоуѣчества, охулки на руки не клали. И я позволю себѣ примѣнить къ нимъ обоимъ одну польскую пословицу:

Wart Pас Раfаса і Раfас Раса (по-русски—„оба хороши“).

II.

Выступленіе изъ села Бутылицъ въ Муромъ.—Нашъ полковой командиръ.—Его бесѣда съ крестьянами по поводу солдатскаго пайка.—Характеристика старыхъ и молодыхъ офицеровъ.—Кончина императора Николая.—Начало реформъ.—Одушевленіе общества.—Вліяніе реформъ на войска.—Измѣненія въ полковой жизни.—Грамотность въ войскахъ.—Городъ Муромъ и его обыватели.—Пріемы помѣщиковъ.—Рѣчи о крестьянской реформѣ.—Современная русская женщина.—Дворянскій клубъ.—Походъ въ Москву.

Съ наступленіемъ весны рота наша, въ томъ числѣ и я, покинули село Бутылицы и широкія деревенскія квартиры, гдѣ мнѣ жилось хорошо, и перешли въ Муромъ для весеннихъ военныхъ упражненій.

Послѣ Крымской кампаніи, которая воочію доказала, что прежняя система выправокъ въ арміи ни къ чему не годилась, что для того, чтобы побѣждать, даже съ такой образцовой, по храбрости, арміей, какъ наша, недостаточно было умѣть ходить церемоніальнымъ маршемъ на плацъ-парадахъ и соблюдать при этомъ идеальное равненіе, что условія войны, благодаря новымъ вооруженіямъ, измѣнились въ основаніи. Вслѣдствіе этого, началась коренная военная реформа. И обмундированіе, и вооруженіе, и всѣ тактическія условія прежняго строя мало-по-малу измѣнились. Фронтковыя ученія, бывшія до сихъ поръ жесточайшею мукою, сдѣлались похожими больше на развлеченіе и въ періодъ моей службы въ полку мало уже обращали вниманія на равненіе, на церемоніальные марши, а учили солдатъ стрѣльбѣ изъ новыхъ ружей, учили грамотѣ и заботились о развитіи солдатъ. Розги, шпирютены все рѣже касались солдатскаго тѣла, при чемъ кормили солдатъ лучше, меньше обкрадывало ихъ начальство и обращались съ ними человѣчнѣе. Всему этому Россія обязана гуманнымъ взглядамъ императора Александра II.

Полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь начать свою службу, былъ одинъ изъ блестящихъ полковъ русской арміи. Полковымъ командиромъ былъ нѣкто М*, полякъ по происхожденію. Командуя Охотскимъ полкомъ, въ Крымскую кампанію онъ оказывалъ чудеса храбрости. М* былъ, по натурѣ своей, чрезвычайно подвижной, онъ постоянно кипятился, кричалъ, но, въ общемъ, былъ человѣкъ хорошій. Съ офицерами онъ иногда воевалъ и, главнымъ образомъ, изъ-за формы одежды и дисциплины.

„Форма одежды и дисциплина, господа,—говорилъ онъ:—давали направленіе великимъ событіямъ. Не будь этого, былъ бы хаосъ, и мы никогда и ничего не сдѣлаемъ, если не будемъ держаться этого принципа“.

Пріѣхалъ полковникъ М* къ намъ въ село для провѣрки ротныхъ ученій. Мужички, у которыхъ солдаты нашей роты стояли на

квартирахъ и пользовались ихъ хлѣбомъ и приваркомъ, пришли къ полковому командиру просить о выдачѣ имъ солдатскаго пайка. Обыкновенно, этотъ паекъ, 1 п. 32 ф. на человѣка, мужики „прощали“, но въ чью пользу этотъ прощенный паекъ поступалъ, мнѣ неизвѣстно, хотя, навѣрное, знаю, что въ пользу солдатъ не шло ни копѣйки. На этотъ разъ мужики „прощать“ пайка не „пожелали“ и собрались кучкой у воротъ той хаты, гдѣ остановился полковой командиръ. Выйдя изъ избы и поглядывая полугрозно полудобродушно изъ-подъ нависшихъ бровей на стоявшихъ у воротъ мужиковъ, онъ подошелъ къ нимъ и крикнулъ свое обычное военное привѣтствіе: „здорово, ребята!“

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство!—гаркнули мужички.

— Зачѣмъ я вамъ нуженъ, братцы? — спросилъ онъ, обращаясь къ мужикамъ.

— Да мы къ вамъ, ваше сіятельство, какъ, значить, наслышаны о вашей милости.

— Ладно! Ладно. Знаю, что наслышаны... О пайкѣ?

— Такъ точно... Объ чемъ же больше... Знамо, объ немъ.

Мужики всѣ вразъ что-то заговорили, стараясь возможно почтительно и опредѣленно объяснить полковнику, въ чемъ дѣло.

— Смирно!—крикнулъ, вдругъ, полковникъ командирскимъ голосомъ:—Слушать командиры! Объясняй, когда команда будетъ! Отойди къ сторонѣ.

Мужики совершенно растерялись при такомъ оборотѣ дѣла и поспѣшили сбиться въ кучу.

— Кто у васъ тутъ старшій?

Вышелъ сѣдой старикъ.

— Доложи.

— Мы, ваше сіятельство, какъ значитса,—началъ свою рѣчь старикъ,—какъ мы изволили вамъ докладывать, выходить, что ежели...

— У ротнаго были?

— Это, значить, у Оомы Матвѣевича?

— Ну, да!

— Были-съ... Ну, только упирается, послалъ къ вашей милости, говорить, что это дѣло ему не подстать; а вашей милости въ самый разъ.

— „Нашей милости“. Бѣлоручки! — выкрикивалъ полковникъ, — нашей милости солдатскіе пайки, а имъ, великія дѣла! Наполеоны! Ступайте къ нему, — крикнулъ полковникъ, сверкая глазами, — кругомъ—маршъ!

Паекъ мужикамъ возвратили.

Такія сцены повторялись часто, касалось ли это пайка, отвода

квартиръ, поставки подводъ подъ полковое имущество, отпуска дѣрвной дровъ и т. п. и только не въ одномъ нашемъ полку. Полковые командиры были въ то время почти всѣ на одинъ манеръ. Грубоватые по наружности, въ копцѣ-концовъ, люди добродушные и доступные и всегда, до извѣстной степени, честные.

Когда мы вернулись съ просторныхъ квартиръ въ Муромъ, насъ, офицеровъ, въ Муромѣ собралось до семидесяти человѣкъ.

Наше общество состояло изъ офицеровъ двухъ поколѣній: стараго, произведенныхъ въ офицеры за долго до Крымской кампаніи, въ числѣ ихъ было нѣсколько выслуженныхъ изъ солдатъ и произведенныхъ изъ юнкеровъ, и молодаго, произведенныхъ послѣ кампаніи, это были все изъ кадетскихъ корпусовъ временъ либеральныхъ, шестидесятихъ годовъ. Въ числѣ первыхъ были люди, до извѣстной степени, образованные и съ хорошимъ воспитаніемъ, но съ замашками „моншеровъ“, какъ тогда ихъ называли. Этотъ типъ въ литературѣ извѣстенъ, началъ его первый выводить на сцену Чужбинскій, знатокъ военного быта. Поступали они на службу, какъ поступала, въ былыя времена, большая часть нашей братіи—дворянъ, безъ опредѣленной цѣли, безъ яснаго сознанія объ избираемомъ поприщѣ. Жилось имъ безъ всякихъ тревогъ, и жизнь ихъ не была богата приключеніями. Средствъ къ жизни было у нихъ достаточно, и потому въ ихъ жизни не было ни бурь, ни катастрофъ, ничего такого, что называется драмою, что зовется борьбою. Боролись они, порою, только съ кредиторами. Это были все славные, добрые ребята. Когда нужно было, умѣли храбро и весело сражаться въ бою, умѣли лихо пообѣдать, по-барски, здорово выпить въ веселый часъ, но только хорошимъ виномъ, пропитывать до разсвѣта. И приростали они къ полку всѣми живыми силами души своей, всѣмъ существомъ своимъ и службу считали дѣломъ святымъ. Свободное время,—а его было черезчуръ много,—проводили они исключительно въ игрѣ. Начинали ералашемъ, кончали штоссомъ. И какъ играли! На совѣсти упрека ни малѣйшаго, понтировали и хладнокровно и умно, не пускали брандеровъ не въ пору и не жались, какъ аптекаря. И въ выигрышѣ и въ проигрышѣ—виновата была лишь судьба, проигравшійся до нитки давалъ зарокъ никогда не брать карты въ руки, но, выспавшись и успокоившись физически и нравственно, онъ уже снова хлопоталъ о восстановленіи своихъ фондовъ. Приглашался полковой портной, Берко Надельбергъ—общій офицерскій кредиторъ, дѣлался заемъ у казначея, или у квартирмейстера, словомъ, пускались въ ходъ всѣ политико-экономическія мѣры, имѣющія практическое приложение къ офицерской, наполненной финансовыми кризисами, жизни. А къ вечеру онъ уже первый усаживался за покрытый зеленымъ сукномъ столикъ.

Несмотря на то, что съ солдатами подчасъ они обращались жестоко, такое уже было время,—солдаты ихъ любили.

И куда бы ихъ судьба ни занесла, въ глухіе ли городишки Малороссіи и Литвы, въ Польшу ли, въ Бессарабію, не говоря уже о центральной Россіи, вездѣ ихъ любили, всюду они были желанными гостями, своими людьми, всегда вѣжливые, деликатные, умѣющіе оберегать и свою честь, и честь своего мундира, и защищать честь другихъ. Удали и шалостей было много, но никто не слышалъ ни грязныхъ скандаловъ, ни грубыхъ придирокъ, ни дуэлей изъ-за пустяковъ. Прибытіе полка въ городъ на стоянку сопровождалось всегда общей радостью, выходъ его изъ города—общей печалью. Что это были за хорошія и счастливыя времена! Въ свои отношенія они не вносили ни официальнаго тона, ни политики, ни религіозной нетерпимости. Даже въ Польшѣ, наканунѣ возстанія въ 1862 году, полки, выступавшіе оттуда, народонаселеніе провожало обѣдами, пикниками, продолжавшимися часто по недѣлѣ, а солдатъ кормили до-отвала.

Интрижки офицеровъ съ прекраснымъ полкомъ отличались джентельменствомъ и благородствомъ, и я не знаю случая, когда бы такая интрижка окончилась позоромъ, до этого ни одинъ офицеръ допустить не имѣлъ права. Если были случаи противнаго, то очень рѣдко.

Это молодое поколѣніе офицеровъ радикально разнилось отъ офицеровъ николаевской эпохи. Старые офицеры отдавались службѣ всѣмъ своимъ существомъ, молодежь же службу въ полку считала лишь переходной стадіей. Каждый изъ нихъ думалъ, тѣмъ или инымъ путемъ, рано или поздно вырваться изъ полка и сдѣлать или военную карьеру въ генеральномъ штабѣ, или перейти въ гражданскую и даже частную службу, лишь бы на хорошіе оклады. Военная служба была въ то время не въ почетѣ.

Прежней службы военные были люди цѣльные, съ крѣпко сложившимися убѣжденіями, съ яснымъ и опредѣленнымъ, хотя съ весьма ограниченнымъ міросозерцаніемъ, съ ясными, твердо установившимися, не скажу—принципами, но формами общественной жизни. Отдавъ дань молодости, побаловавшись байронствомъ и онѣгинско-печоринскимъ разочарованіемъ, они, войдя въ зрѣлые годы, обыкновенно откладывали въ сторону эту напускную фанаберію, сущность которой большинство не понимало, а увлекалось ею, какъ модною канителью, вполне добросовѣстно отдавались тому дѣлу, на которое ихъ судьба и долгъ поставили. Служить въ военной службѣ обязывали честь и долгъ cadaго дворянина, ну и служили до старости.

Крымская кампанія, результатами которой всѣ были недовольны, радикально измѣнила направленіе мыслей всѣхъ, даже людей самыхъ

простодушныхъ. Какъ-будто всѣхъ пришло, какъ-будто въ чемъ-то усумнились, отъ чего-то пришли въ ужасъ и негодованіе и, какъ заблудшіе, искали свѣта и правды. Налетѣлъ шквалъ и низвергнулъ всѣхъ старыхъ боговъ, которымъ такъ долго поклонялись.

Россія проснулась... Величавый обликъ грознаго императора, державшаго въ своей мощной длани всю необъятную Русь, неожиданно въ полномъ развитіи истинно-царственной мощи отошелъ въ вѣчность, будучи не въ силахъ перенести того погрома, который обнаружилъ немощность и мертвенность духа горячо любимой имъ Россіи.

Съ водареніемъ императора Александра II начался періодъ реформъ, общество заволновалось, засуетилось; появилось новое слово „прогрессъ“, которымъ объясняли все, которое прикладывали ко всему. Небывалое одушевленіе овладѣло всѣми. Всѣ устремились сбросить съ себя все старое, ветхое и облечься въ новое, спитое съ иголочки, хотя не всегда по мѣркѣ, и какъ готовое—на одинъ ростъ. Преемственная духовная связь между прежними поколѣніями, между отцами и дѣтьми разомъ оборвалась.

Началось очень хорошее время, какъ легко жилось и дышалось! Многіе и донинѣ еще вспоминаютъ о томъ времени, какъ о чемъ-то прекрасномъ.

Въ военной средѣ прогрессъ этотъ коснулся прежде всего молодежи, старыхъ же героевъ Крымской войны, подъ вліяніемъ того же направленія, стали увольнять со службы и, въ крайнемъ случаѣ, терпѣть до поры, до времени. Къ нимъ относились съ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ къ жалкимъ обломкамъ сгнившаго прошлаго. Не щадили никого, былъ ли это генералъ, ничѣмъ себя не запятнавшій, или мелкій по чину офицеръ. Справедливости никто не ждалъ. На бульварахъ и улицахъ Москвы и Петербурга ежеминутно можно было встрѣтить отставныхъ и раненыхъ офицеровъ, протягивающихъ руку съ злорадствомъ, съ просьбою, чаще всего на французскомъ языкѣ: „Donnez moi quelque chose pour manger et boire“, или „Подайте бѣдному офицеру на хлѣбъ“. Бывали случаи, что протягивали руку къ общественной помощи и генералы. Стыдно вспомнить объ этомъ, но это такъ было.

Борьба новаго со старымъ началась раньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, ломкой въ военномъ вѣдомствѣ. Требованія коренныхъ измѣненій въ военной жизни сдѣлались повсемѣстны. Прежняя система обращенія съ солдатами, система розогъ, шпицрутеновъ, фухтелей была осуждена безповоротно. Бывали случаи, что офицеры отказывались производить приговоры по суду, если нужно было наказывать солдатъ розгами и „гонять“ сквозь строй, а если исполняли, то со всевозможными послабленіями. Мнѣ самому пришлось, на основаніи приказа по полку,

исполнять приговоръ суда и наказать 250 ударами розогъ какого-то мелкаго полковаго воришку. Я не отказался отъ исполненія, но сдѣлалъ распоряженіе бить по полубубку и при томъ дано было только 50 ударовъ, такъ какъ солдаты, производящіе экзекуцію, вели счетъ розгамъ съ большими пропусками. Во время экзекуціи въ Москвѣ надъ рядовымъ Паршинымъ, которому по суду назначено было 300 ударовъ шпиретенами, офицеры, производившіе экзекуцію, несмотря на протесты полковаго аудитора, ходили сзади солдатъ и приказывали бить легче. За такое гуманное отношеніе солдаты боготворили молодыхъ офицеровъ, и дисциплина въ полку отъ такого обращенія нисколько не страдала. Мой денщикъ Яковъ Поповъ, котораго я принялъ къ себѣ въ услуженіе на третій день послѣ учиненія надъ нимъ жестокой экзекуціи, за какую-то пустую провинность и котораго всѣ старые офицеры считали отъявленнымъ негодяемъ, подъ вліяніемъ гуманнаго съ нимъ обращенія былъ лучшимъ денщикомъ въ пѣломъ полку, и когда я вышелъ въ отставку и онъ одновременно окончилъ свой срокъ службы, оставался при мнѣ еще 9 лѣтъ, до самой своей кончины. Это былъ до того честный и привязанный солдатъ, что забыть его невозможно. Волосы ставали на головѣ, слушая его рассказы о старой, Николаевской службѣ. Не мудрено, что служба эта изъ людей дѣлала озвѣрѣвшихъ истукановъ.

Эти новыя вѣянія проникали въ полковую жизнь безъ всякаго протеста со стороны стараго поколѣнія офицеровъ. Эти герои Крымской войны, не умѣвшіе покрыть себя славой, не по своей, впрочемъ, винѣ, чувствовали, что пѣсенка ихъ спѣта. Свое паденіе они переносили молча, съ достоинствомъ, не понимая хорошенько, что вокругъ нихъ творилось, но сохраняя въ душѣ своей глубокое уваженіе и любовь къ этой старой службѣ и ея порядкамъ. Мнѣ пришлось быть заочнымъ свидѣтелемъ такого безпредѣльнаго уваженія къ погибающему прошлому.

Идя походомъ по Владимірской губерніи, рота наша остановилась на дневку въ имѣніи генерала Л*, уволеннаго въ числѣ многихъ другихъ генераловъ въ отставку, послѣ Крымской войны. Генераль пригласилъ насъ, офицеровъ, къ себѣ обѣдать. Во время обѣда одинъ изъ насъ позволилъ себѣ критически, правда рѣзко, отнестись къ прежнимъ порядкамъ въ арміи. Боже, что вышло! Генераль плакалъ, кричалъ, гналъ насъ изъ своего дома; жена и дѣти, даже лакей—всѣ плакали вмѣстѣ съ нимъ, и все это выходило такъ чистосердечно, такъ естественно, что всѣ мы почувствовали стыдъ и укоръ за причиненную ему глубокую обиду. Только наша искренняя и безхитростная просьба къ генералу прости нашего опрометчиваго товарища успокоила генерала Л* и его почтенную семью. Когда началась

ломка, сколько такихъ людей, какъ этотъ генераль Л*, падали, какъ мухи осенью.

Полковая жизнь начала устраиваться по-новому. Попойки прекратились, картежная игра сдѣлалась рѣже, время проводили въ товарищескихъ бесѣдахъ, въ спорахъ, въ чтеніи. Того беззавѣтнаго служенія знамени, того закрѣпощенія себя всѣми живыми силами души своей къ полку уже не было. Стали интересоваться всѣмъ, что интересовало общество, что было общей злобой дня. Быть только полковымъ офицеромъ, жить въ узкой сферѣ полковыхъ интересовъ не удовлетворяло уже никого. Начали серьезно учиться, чтобы выбиться изъ полковой колени, и кто былъ поэнергичнѣе, трудолюбивѣе и умнѣе, тотъ выдвигался на новое поприще и дѣлалъ карьеру. Въ мое трехлѣтнее пребываніе въ полку около 20 офицеровъ оставило его. Но пока удавалось достигнуть этого, нужно было служить. Въ такомъ собирательномъ учрежденіи, какъ полкъ, жить особнякомъ нельзя, это ставило бы каждого въ положеніе лишняго человѣка, поэтому заставляло офицеровъ собираться въ тѣсныя товарищескія кружки. Кружки такіе, на сколько я помню, организовались въ полкахъ повсюду, вскорѣ послѣ окончанія Крымской войны. Когда начался періодъ реформъ и новыхъ идеаловъ, интересъ къ нимъ проникъ и въ военныя сферы и выразился въ формѣ полнаго сочувствія всѣмъ идеямъ, въ основѣ которыхъ лежалъ принципъ абсолютной свободы. Весь матеріалъ для образованія такихъ воззрѣній черпался нами, конечно, не изъ жизни, не изъ общенія съ другими въ общемъ трудѣ надъ какими-либо социальными задачами, такъ какъ ни такой жизни, ни такихъ задачъ у насъ не существовало, а изъ книгъ, изъ теорій, надъ практическимъ смысломъ которыхъ мы тогда еще мало разсуждали. Бюхнеръ, Молешотъ, Дарвинъ, Штраусъ, Реванъ, Верплъ, Милль, Смайльсъ, Спенсеръ, Лассаль и т. п. были настольными нашими книгами, на которыя тратились послѣднія деньги изъ ничтожнаго офицерскаго жалованья. Все это читалось, читалось усердно, но понималось мало, потому что читалось безъ всякой системы, безъ всякой подготовки. Номера „Колокола“ и другихъ заграничныхъ изданій мы или выписывали на общія средства кружка, или доставали отъ постороннихъ лицъ, что было въ то время вовсе не трудно. Такимъ образомъ, чтеніе этихъ и другихъ имъ подобныхъ книгъ дѣлало свое дѣло и создавало въ молодыхъ умахъ разнообразныя воззрѣнія и убѣжденія на различные вопросы.

Въ этомъ хаосѣ всяческихъ убѣжденій не только въ офицерскихъ кружкахъ, но во всемъ русскомъ обществѣ не послѣднее мѣсто занимали и убѣжденія политическія. Но что это были за убѣжденія, чего хотѣли, никто себѣ яснаго отчета дать не умѣлъ. Освобожденіе

крестьянъ—было закончено. Реформа земская и судебная уже назрѣвали, оставались намѣченными какіе-то политическіе вопросы, но какіе, никто ясно формулировать не могъ. Пѣли и кричали много, но о чемъ „пѣли“, кому „пѣли“—не знали. Свобода и только. Пѣли и „Дубинушку“ съ подобающимъ текстомъ, пѣли и „Соловья“ съ инымъ текстомъ, въ которомъ говорилось „передъ кпутомъ не трусь“, но ничего опредѣленнаго ни въ одной пѣснѣ не выражалось.

Такое, однако, направленіе умовъ военной молодежи въ первые годы царствованія императора Александра II никакого вреднаго значенія не имѣло, это были только рефлексы общаго одушевленія послѣ тяжелаго николаевского режима, которое естественно не могло не выразиться въ разпыхъ теоретическихъ химерахъ. Переходное время всегда и вездѣ имѣло такой характеръ. Время борьбы новаго со старымъ характерно тѣмъ, что во всѣхъ понятіяхъ проявляется шаткость, колебаніе изъ стороны въ сторону. И люди въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются не твердыми путеводными началами, а становятся рабами случайностей, и оттого часто дѣлаютъ ошибки, и, что всего хуже, вредятъ и дѣлу и себѣ.

Тѣмъ не менѣе, однако, военная молодежь того времени не заслуживаетъ упрека въ томъ, чтобы она не исполняла своихъ обязанностей, напротивъ, ея увлеченія новыми вѣяніями послужили мощнымъ двигателемъ для созданія цѣлаго поколѣнія грамотныхъ солдатъ, надъ развитіемъ котораго эта молодежь занималась со всѣмъ рвеніемъ, со всею страстностью честныхъ людей. Молодежь эта доказала, что ея увлеченія разпыми химерическими теоріями не были бесполезны. Неуклонное стремленіе военного министра графа Милютина, посредствомъ развитія солдата, положить основаніе для распространенія грамотности среди населенія Россіи встрѣчено было воепною молодежью съ полнымъ сознаніемъ необходимости содѣйствовать всѣми силами этимъ возвышеннымъ начинаніямъ графа Милютина. И она со славою исполнила свой долгъ.

Вотъ въ какое общество офицеровъ я попалъ по возвращеніи изъ села Бутылицъ въ Муромъ. Скоро я пристроился къ кружку молодежи, состоящему изъ моихъ одноклассниковъ, которые готовились въ разныя военныя академіи, что было также и моимъ желаніемъ. Такимъ образомъ, это были все люди, желающіе учиться, а не бить баклуши и пользоваться жизнью по-старому.

Кружокъ этотъ былъ для меня симпатиченъ еще и потому, что всѣ, сколько насъ было, мы избрали своею спеціальностью изученіе исторіи. Какъ руководство мы выбрали Шлоссера, но читали Бокля, Маколея и другихъ. Занимались мы этимъ предметомъ серьезно, разумѣется, на столько, на сколько мы были подготовлены въ корпусѣ

нашими преподавателями по учебникамъ, утвержденнымъ совѣтомъ военно-учебныхъ заведеній.

Когда мы подошли къ изученію историческихъ фактовъ польскаго государства и особенно его отношеній къ Россіи и стали сравнивать ихъ съ тѣмъ изложеніемъ и тѣми выводами, которые имѣютъ мѣсто въ учебникахъ, по которымъ насъ учили, мы натолкнулись на полное извращеніе и фактовъ и мотивовъ этихъ историческихъ событій. Объ исторической правдѣ эти составители учебниковъ не заботились. Когда насъ учили этому историческому вздору, несмотря на наши дѣтскіе еще умишки, мы тѣмъ не менѣе чутьемъ понимали, что ложь ихъ имѣла цѣлю, съ одной стороны, посѣять вражду между двумя славянскими народами, что, конечно, достигнуто во вредъ обоимъ этимъ народамъ, и обезславить прошлое народа. Кому нуженъ былъ этотъ историческій шантажъ и для чего? Неужели для того, чтобы озлоблять души юношей, послѣдствіемъ чего было много горя и страданій. Для другой цѣли эта историческая ложь никуда не годилась, она была слишкомъ груба, даже дѣтей не могла ввести въ заблужденіе. Сѣяла только вѣтеръ, чтобы потомъ собрать бурю, послѣ которой въ полвѣка еще оправиться трудно. Скажутъ исторія—не математика. Какъ бы ни безпристрастно и объективно историкъ изучалъ свой предметъ, онъ самъ, охваченный волною жизни, и имѣя дѣло съ повѣствованіемъ о жизни, неизбѣжно вносить въ изслѣдованіе какія-либо „патріотическія“, какъ обыкновенно говорятъ, или субъективныя идеи и побужденія. Можно, а пожалуй даже и должно, руководствоваться въ историческомъ изслѣдованіи тѣми или другими политическими соображеніями, но лгать все-таки не слѣдовало, потому что такая ложь въ концѣ-концовъ приноситъ результаты, обратные тѣмъ, какіе имѣлись въ виду. И вотъ доказательства. Въ нашемъ кружкѣ было девять человѣкъ. Только я одинъ былъ полякъ, остальные все русскіе. Убѣдившись, что все то, чему насъ учили о польскомъ народѣ, была завѣдомая и неблагоприятная ложь, они разъ на всегда покончили съ такими источниками, мало того они перестали вѣрить вообще источникамъ русскимъ и изучали польскую исторію по капитальнымъ сочиненіямъ польскихъ и иностранныхъ историковъ, и вслѣдствіе этого польско-русскія отношенія, особенно конца восемнадцатаго и первой половины девятнадцатаго вѣка, явились въ совершенно иномъ свѣтѣ, какъ то намъ старались представить въ корпусѣ. И когда началось въ 1863 году польское возстаніе, двое изъ нашего кружка вышли въ отставку и примкнули къ возстанію, а трое занимаются литературой и хотя изрѣдка, но печатно разоблачаютъ ложь и невѣжество по польскимъ вопросамъ „патріотическихъ“ исторіографовъ... Вредъ, который при-

чипяется юношеству опорочиваніемъ польскаго народа въ учебникахъ исторіи, назначенныхъ для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, давно замѣченъ компетентными учеными, и пора эту глупую недобросовѣстную и вредную затѣю оставить. Польскій народъ дѣлалъ ошибки, но дѣлалъ и великія дѣла, съ этимъ согласиться нужно, и этому учить слѣдуетъ, потому что это правда.

Живя въ Муромѣ и будучи совершенно еще молодыми людьми, мы, офицеры, помимо научныхъ занятій, не отказывались пользоваться и тѣми удовольствіями, которыя можно было получить въ такомъ неприхотливомъ уѣздномъ городкѣ, какимъ былъ въ то время Муромъ, родина Ильи Муромца, такъ какъ село Карачарово, гдѣ родился Муромецъ, находится въ верстѣ отъ города. Какая это была въ то время трущоба, окруженная со всѣхъ сторонъ дремучими, непроходимыми лѣсами, достаточно сказать, что по большому тракту отъ Мурома, чрезъ г. Судогду во Владимірѣ, въ двухъ верстахъ разстоянія одинъ отъ другаго, стояли вооруженные крестьянскіе пикеты, оберегающіе транспорты, слѣдующіе на нижегородскую макарьевскую ярмарку, а также почту, проѣзжихъ и прохожихъ отъ грабежа и разбоевъ „добрыхъ молодцевъ“, которыхъ и въ муромскихъ лѣсахъ и по всему тракту было довольно.

Почта въ Муромѣ приходила только два раза въ недѣлю, а осенью и весною во время разлитія рѣкъ и дождей въ двѣ недѣли одинъ разъ. Муромъ и тогда уже былъ значительнымъ фабричнымъ городомъ: фабриковали канаты, буксиры, троссы, парусину, равендукъ и даже высшіе сорта полотна. Купцы, въ числѣ которыхъ было очень много крупныхъ капиталистовъ, но совсѣмъ мало людей грамотныхъ, ходили въ сибирскихъ кафталахъ, въ высокихъ пояровыхъ шляпахъ, такъ называемыхъ гречушникахъ, въ сапогахъ съ высокими голенищами. Женщины лѣтомъ и зимою наряжались въ шубейки разнаго цвѣта изъ шелка и бархата, а нерѣдко изъ очень дорогой парчи.

Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь въ великорусскихъ губерніяхъ я встрѣтилъ женщинъ красивѣе муромскихъ мѣщанокъ. У меня сохранились типы, срисованные съ натуры съ нѣкоторыхъ мѣщанокъ, отличающихся выдающеюся красотою,—вообще муромская горожанка, не особенно большого роста, деликатнаго, нѣсколько даже сухопараго, сложенія, почти всегда съ блѣднымъ, но не болѣзненнымъ лицомъ, съ мелкими чертами, умными, плутоватыми глазами и вздернутымъ носомъ. Если бы любую изъ этихъ „бабъ“ или дѣвокъ одѣтъ въ настоящій салонный туалетъ, она, пожалуй, сразу бы превратилась въ свѣтскую шикарную даму, до такой степени во всѣхъ ихъ была выдержка, порядочность, даже нѣкоторая виртуозность, особенно въ

интонаціяхъ голоса и въ манерѣ говорить, которая пріобрѣтала особенную прелесть отъ великорусскаго акцента на—о.

Муромъ, главнымъ образомъ, раскинулся по нагорному берегу Оки. Это было неудобно въ смыслѣ его длинноты, но зато выходило очень живописно, особенно по причинѣ множества садовъ, церквей, красивыхъ кунеческихъ домовъ и громадныхъ фабрикъ съ красными и зелеными крышами. Осенью и весною грязи на улицахъ сколько угодно.

Несмотря на дурную репутацію муромскихъ лѣсовъ, окружающихъ городъ со всѣхъ сторонъ, въ описываемое мною время, Муромъ былъ самымъ безопаснымъ, мирнымъ и спокойнымъ городомъ. Съ семи часовъ, особенно зимою, во всѣхъ кунеческихъ и мѣщанскихъ домахъ и на большинствѣ фабрикъ начали уже гасить огни, а въ ту минуту, когда на соборной колокольнѣ било восемь часовъ—большинство жителей Мурома покоились въ объятіяхъ Морфея.

Лѣтъ пять тому я, по дѣламъ, побывалъ въ Муромѣ. Городъ расширился и застроился, обыватели уже не ложатся спать съ восьми часовъ, а время проводятъ въ кафешантанахъ, театрахъ и садахъ, гдѣ гремитъ музыка и поютъ пѣвчички,—пароходы и желѣзная дорога сдѣлали изъ него большой торговый пунктъ. Купцы не посятъ уже длиннополыхъ кафтановъ и сибирокъ, а жены ихъ душегрѣекъ, но за это время Ока сѣззилась почти на половину и сильно обмелѣла, отчего прежній живописный видъ городъ утратилъ. Вспоминая прежнее наше житѣе въ этомъ городѣ, мнѣ показалось, что теперь жить хуже; слишкомъ много разгула.

Несмотря на то, что сорокъ лѣтъ тому большая часть жителей Мурома спали съ восьми часовъ сномъ праведниковъ и самъ городъ погруженъ былъ въ полную тишину и непроглядную темъ, такъ какъ фонарей на улицахъ не было, только передъ квартирой горodничаго,—офицерство, дворянство и уѣздное высшее чиновничество, котораго тогда было въ десять разъ меньше, чѣмъ теперь, проводили время весело.

Общества, въ широкомъ смыслѣ этого слова, собственно говоря, въ Муромѣ, какъ и вообще въ Россіи, не существовало. Тогда, въ дореформенное время даже привилегированные классы были замкнуты въ приказныя формы управленія, общественнаго голоса не слышно было даже въ дворянскихъ собраніяхъ, не было его на судѣ, при формахъ прежняго процесса, не было въ печати, стѣсненной до послѣднихъ предѣловъ, не было въ учрежденіяхъ, гдѣ всѣ сословія совѣщались бы о своихъ нуждахъ, не было и самыхъ учреждений общественныхъ. Каждый осужденъ былъ жить особо, самъ по себѣ, каждый уходилъ въ свою скорлупу, въ свой кружокъ, не имѣющій никакихъ общихъ цѣлей и стремленій, а лишь общія привычки, обычаи и общіе нравы.

Центры этихъ кружковъ, такъ сказать ядро, какъ въ городѣ, такъ и по деревнямъ составляли дворяне, около которыхъ группировались чиновники и офицерство.

Жизнь вели безсодержательную и пустую, но ѣли и пили на славу, и любознательный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ могъ съ полнымъ правомъ говорить, „что, разъѣзжая отъ Ноздрева къ Собакевичу и отъ Коробочки къ Манилову, обѣдая съ ними, выпивая и поигрывая въ шашки, опъ изучаетъ жизнь благороднаго дворянства“. И дѣйствительно ничего другаго ему дѣлать тамъ не приходилось.

И по моимъ личнымъ наблюденіямъ, хотя посѣщалъ благородное дворянство много позже Чичикова, но и тогда и въ обширныхъ барскихъ палатахъ и среди дворянства, средняго по состоянію, дѣлали одно и то же, съ тою лишь разницей, что въ усадьбахъ съ утра до вечера играли въ карты, въ палатахъ играли въ крокетъ, въ усадьбахъ сплетничали про Анну Ивановну, Елизавету Петровну, интересовались дѣлами и помыслами Матрены Карповны, ругали Ивана Ивановича; въ палатахъ рассказывали *faits et gestes* какой-нибудь княжны Вава, графини Тата и если не ругали, то осуждали какого-нибудь князя Мишу, графа Нику, ахали и умилялись падѣ добродѣтели какой-нибудь Бети. Въ усадьбахъ никогда не дѣлали никакихъ *parties de plaisir*, а просто ходили въ лѣсъ за грибами, или къ сосѣдямъ; живущіе въ палатахъ постоянно ѣздили въ липейкахъ тюльберн, верхомъ, но интереса въ этихъ поѣздкахъ было не больше, чѣмъ въ хожденіи за грибами. Читали ли что-нибудь,—я, право, затрудняюсь сказать, потому что мнѣ никогда не приходилось слышать ни споровъ, ни разсужденій по поводу прочитаннаго, да и кингъ я что-то мало гдѣ видалъ.

Такъ ли жили дворяне польскіе? Нѣтъ, не такъ. У нихъ были общіе интересы, о которыхъ нужно было думать и ради которыхъ работать...

Насъ, офицеровъ, всюду принимали хорошо и въ палатахъ, и въ усадьбахъ, особенно мы были свои люди тамъ, гдѣ были барышни. ѣздили мы обыкновенно гуртомъ и тогда въ самомъ скучномъ домѣ становилось весело. И дѣйствительно, скучать рѣшительно было некогда. Утромъ охота, потомъ вкусный обѣдъ съ изрядными винами, вечеромъ игра на фортепiano и пѣніе, а тамъ танцы, до утра. Приходилось мнѣ бывать у помѣщиковъ на званыхъ годовыхъ праздникахъ,—это были или именины, или рожденіе кого-либо изъ семьи. Праздники эти справлялись обыкновенно съ большою торжественностью. Къ такому празднику съѣзжались гости изъ далека, даже верста за сто. Въ этихъ случаяхъ гостили обыкновенно дня по три, по четыре, и гдѣ только не спали: и на сѣновалахъ, и въ банѣ, и

въ ткацкихъ, и на сушильнѣ, точно ярмарка! Въ тотъ день въ домѣ, гдѣ бывали праздники, всѣ подымались съ пастухами: суматоха, суета, горничныя бѣгають черезъ дворъ съ юбками, всѣ озабочены, въ столовой разставляютъ посуду, вынимають серебро. Часамъ къ двумъ въ гостиной уже полно. Тамъ тихо и церемонно, дамы одна около другой сидятъ возлѣ стѣнъ, многія молчатъ, нѣкоторыя разговариваютъ вполголоса съ сосѣдками. На диванѣ и около дивана на креслахъ, сидятъ самыя почетныя дамы, тутъ же съ ними предводители и кто-нибудь изъ отставныхъ генераловъ съ орденами, прилизанный и важный. На балконѣ, если это было лѣто, сидятъ дамы помоложе, разговоры тамъ оживленнѣе и даже слышенъ звонкій смѣхъ. Всѣ разряжены, но туалеты ихъ нѣсколько странны, мѣстной моды. Пынѣшнимъ дамамъ костюмы того времени показались бы каррикатурными, но зато онѣ, навѣрно бы, позавидовали брилліантамъ; смѣло можно поручиться, что поддѣльныхъ не было.

Мужчины собрались въ кабинетъ и толкуютъ о предстоящей „волю“, о кормѣ скота, о собакахъ, о лошадяхъ и, нечего грѣхъ таить, о смазливыхъ бабенкахъ. Первые слухи о крестьянской реформѣ встревожили всѣхъ, хотя мало кто хотѣлъ этому вѣрить. Только и слышно было въ отвѣтъ на передаваемые слухи: „да вы всѣ, кажется, съ ума сошли“. Старыя помѣщицы по-своему разсуждали объ этомъ: „можетъ ли статься“, говорили онѣ, „чтобы могло быть такъ, что бабы не будутъ больше приносить мнѣ яицъ, циплять и домоткапнаго холста, а горничныхъ, кухарокъ я буду нанимать за деньги“. Тѣ, которые вѣрили въ возможность реформы, утѣшали себя тѣмъ, что крестьянамъ дадутъ волю безъ земли:—„крестьяне,—разсуждали они,—не птицы небесныя, имъ нужно будетъ и пить, и ѣсть, и они рады будутъ работать за очень дешевую плату“. Очень мало было людей, желающихъ реформы, вообще же всѣ были настроены мрачно и боялись неизбежнаго разоренія. Были и такіе, которые утверждали, что „волю“ затѣяли поляки, которые хотятъ взбунтовать народъ противъ властей и помѣщиковъ. Я тогда не зналъ, что сваливаніе на поляковъ „этой затѣи“ имѣло нѣкоторую долю основанія, такъ какъ первое всеподданнѣйшее обращеніе къ государю о дарованіи крестьянамъ свободы дѣйствительно воспылѣло отъ помѣщиковъ литовскихъ губерній.

Барышни подъ руки ливіями ходятъ по дорожкамъ, а болѣе всего на площадкѣ передъ окнами столовой, гдѣ съ утра стоятъ закуски и сидятъ мужчины. Барышни, проходя мимо нихъ, смѣются звучнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ и ведутъ невинные разговоры. Онѣ показываютъ нѣкоторое, не то, чтобы пренебреженіе, а скорѣе невниманіе къ мужчинамъ, когда тѣ смотрятъ на нихъ. Вообще, ба-

рышни того времени были крайне наивны и хотя въ умѣніи кокетничать имъ отказать нельзя было и тогда, но кокетство это было невинное по формѣ и не опасное по результатамъ.

О женской эмансипаціи никто тогда еще не думалъ и даже слова этого не существовало. Женщины въ дореформенное время рѣдко воспитывались въ институтахъ, а если и воспитывались, то весьма немногія. Это были или дочери вельможъ, или важныхъ чиновниковъ. Большинство же росли дома, въ обществѣ нянекъ и горничныхъ, всѣ познанія получали отъ священника и „мамзелей“, личности, занимавшей средину между прислугой и гувернанткой. Чадолюбивые родители, даже изъ числа образованныхъ, преслѣдовали своихъ дочерей моралью о приличныхъ манерахъ и требовали, чтобы онѣ береглись отъ загара, читать же имъ особенно много не позволяли, боясь, что онѣ, зачитавшись, создадутъ свой мечтательный міръ и будутъ рваться изъ того, въ которомъ ихъ держатъ. Я знавалъ очень много русскихъ женщинъ отъ природы умныхъ, даже талантливыхъ, но, за отсутствіемъ образованія и совершеннаго обезличенія, ни къ чему не пригодныхъ и вѣчно недовольныхъ жизнью. Даже воспитаніе женщинъ высшаго круга все сводилось на то, чтобы сдѣлать ее барышней очень нарядной, очень чопорной, брянчащей на фортепiano, равнодушной ко всему и ко всѣмъ, любящей только блистать въ свѣтѣ, стремящейся только къ блестящему замужеству. Польская образованная женщина того времени безспорно стояла много выше. Оставаясь хорошею матерью и хозяйкой, воспитывая дѣтей въ религіозныхъ и патріотическихъ началахъ, она въ то же время умѣла жить и работать для общества и даже, въ случаѣ необходимости, и жертвовать собою. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы въ это же время не было русскихъ женщинъ съ высокими и святыми побужденіями, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ жены декабристовъ, послѣдовавшія за своими мужьями въ ссылку, но ихъ было такъ немного, и онѣ принадлежали къ такому обществу, что вполне естественно, что ихъ поступокъ былъ окруженъ ореоломъ героизма и воспѣтъ поэтами. Тысячи польскихъ женщинъ, почти побираясь, шли также въ ссылку за своими отцами, мужьями, братьями, исполняя также свою святую обязанность, не рассчитывая ни на связи, ни на протекціи, а имѣя въ перспективѣ лишь нужду и страданія.

Въ самомъ городѣ Муромѣ былъ дворянскій клубъ; въ то время, привилегію устройства клубовъ имѣли только одни дворяне, англичане и нѣмцы. Въ этомъ клубѣ, въ будни, засѣдали картежники, въ праздники, по вечерамъ, являлась молодежь, пріѣзжали маменьки съ дочерьми и, подъ звуки прекрасной полковой музыки,—танцевали до

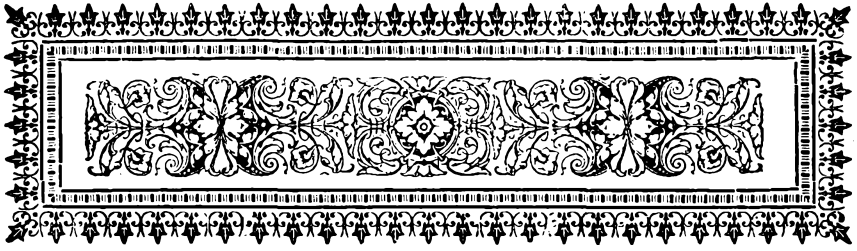
зари. Послѣ такихъ вечеровъ сердце то того, то другаго изъ моихъ товарищей оказалось побѣжденнымъ; годовое мое пребываніе въ Муромѣ на моемъ сердцѣ не оставило никакихъ слѣдовъ, оно было еще свободно „отъ постоя“, какъ говорили у насъ въ полку.

Въ 70 верстахъ отъ Мурома былъ огромный чугуноплавильный и желѣзодѣлательный Выкосинскій заводъ, принадлежащій Шепелевымъ. Шепелевы жили, какъ владѣтельные князья: богато, широко и весело. Они содержали прекрасный драматическій и оперный театръ и имѣли превосходную музыку, исключительно организованную изъ дворовыхъ людей. На сценѣ драматическаго театра за годъ до моего приѣзда въ Муромъ, въ первый разъ, разыграна была „Свадьба Кречинскаго“, авторъ которой Сухово-Кобылинъ былъ главноуправляющимъ дѣлами Шепелевыхъ. Во время моего пребыванія въ Муромѣ дѣла Шепелева шли къ упадку, но театръ все-таки еще довольно долго существовалъ. Сухово-Кобылина я нѣсколько разъ видѣлъ въ Муромѣ; ходилъ слухъ, что „Свадьба Кречинскаго“ написана не Сухово-Кобылинымъ, а его любовницей С—ной. Я знавалъ эту С—ну, это была вовсе не такъ развитая женщина, чтобы ей было подъ силу написать такую капитальную вещь, и думаю, что слухъ этотъ не больше, какъ сплетня.

Заканчивая мои воспоминанія о нашемъ пребываніи въ Муромѣ, я долженъ сказать, что мнѣ тамъ жилось очень хорошо. Это была жизнь простая, веселая, запытая и на то время вполне удовлетворяющая меня. Мы, поляки, о русской общественной жизни имѣли самое плохое представленіе. Причинъ этому было много, и всѣ онѣ имѣли одно основаніе—національную вражду, а нѣтъ на свѣтѣ порока слѣпѣе и опаснѣе этой вражды, и нѣтъ предрасудковъ глупѣе тѣхъ, которые на ней держатся. Но это грѣхъ не однихъ поляковъ. Повинны въ немъ и русскіе!..

Осенью 1860 года полкъ нашъ выступилъ въ Москву.





Мысли и воспоминанія поляка.

III ¹⁾.

Классическая грязь Москвы.—Захватъ купцами бывшихъ барскихъ палатъ.— Постепенное обѣднѣніе дворянства.—Москва не интересуется реформами, а наживаетъ деньги.—Остатки дворянства, кружки ученыхъ университетскихъ и военная молодежь.—Переходъ изъ Мурома въ Москву.—Квартирный хозяинъ.— Мой сосѣдь по комнатѣ.— Стихотворенія генеральши.—„Женская муза“.—Мой литературный заработокъ.—Приглашеніе моего сосѣда къ сотрудничеству въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—Его profession de foi.—Катковъ и польскій вопросъ.— Непріятныя послѣдствія моего сотрудничества въ польской газетѣ „Krai“.— Аудіенція у Каткова.—Нападенія Каткова на всѣ реформы.—Коренной переворотъ въ русскомъ обществѣ, послѣ 1863 года.—Лажечниковъ и его повѣсть „Внучка панцирнаго боярина“.—Романъ моего сосѣда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—Обличительная литература.

Москва въ 1860 году, несмотря на множество проживающихъ въ ней иностранцевъ, несмотря на сотни заграничныхъ торговыхъ и промышленныхъ конторъ и магазиновъ, имѣла характеръ стариннаго, чисто великорусскаго города. И въ крупныхъ, и въ самыхъ мелкихъ чертахъ этого многолюднаго города все напоминало чисто русскую жизнь, съ особымъ складомъ старины, простоты, раздолья и разгула. Шумъ кипящихъ народомъ улицъ, особенно въ торговыхъ частяхъ города, крикъ, брань и давка на рыбныхъ, мясныхъ и овощныхъ площадяхъ, классическая грязь и нечистоты, попадающіеся очистки даже на самыхъ лучшихъ улицахъ, „египетскія пирамиды“, какъ ни вурьебно звучитъ это названіе, но въ Москвѣ подобныя пирамиды были, ихъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1906 г.

„должность исполняли“ всю зиму бодрствующія кучи грязнаго снѣга, никѣмъ не свозимаго и лишь уносимыя весенними потоками въ Москву-рѣку—все это свидѣтельствовало о невѣжествѣ и скверныхъ привычкахъ москвичей и о плохомъ, въ то время, благоустройствѣ древней русской столицы.

Видъ московскихъ улицъ поражалъ меня самыми неожиданными перспективами. То шли, извиваясь, кривыя, узкія и шумныя улицы въ старыхъ частяхъ города: на Варваркѣ, Китай-городѣ, въ Рогожской, съ домами старинной архитектуры, то тянулись широкія, прямыя улицы Арбата и Замоскворѣчья, съ роскошными, затѣйливой архитектуры домами. Сорокъ-сороковъ московскихъ церквей не поражали меня ни своимъ наружнымъ видомъ, ни внутренней отдѣлкой, ни величіемъ. Полное однообразіе архитектурное, много золота и блеска внутри, и, въ то же время, полное отсутствіе вкуса. Живопись большинства московскихъ церквей могла нравиться людямъ стараго склада, мнѣ же она казалась не естественной и не изящной. Храмъ Христа Спасителя, въ то время, еще строился. Производилъ на меня сильное впечатлѣніе могучій и торжественный звонъ московскихъ колоколовъ, особенно на Пасху. Римъ и тотъ не можетъ похвалиться такимъ прославленіемъ Христа.

Въ шестидесятыхъ годахъ уже ясно было видно, что Москва изъ древне-барскаго города мало-по-малу преобразовывалась въ городъ чисто купеческій. Аристократія доживала свой вѣкъ. Въ Нѣмецкой слободѣ и на Басманной, гдѣ въ 18-омъ столѣтіи воздвигали свои палаты и петербургскіе вельможи, пріѣзжающіе въ Москву, доживать свой вѣкъ на покоѣ, и всѣ крупные представители московской дворянской знати, перевелись почти совершенно, и ихъ померкшія палаты или опустѣли, или достались новымъ богачамъ, новымъ людямъ, знающимъ ранѣе Замоскворѣчье, Рогожскую, Вшивую-горку и другія московскія окраины. Эти новые люди, это первостатейное купечество, вносили условія своей мѣщанской среды и въ жизнь, и въ прежнія великолѣпныя палаты. Домовитая и откормленная купчиха устраивала свою гардеробную и кладовую, и отмѣривала ситецъ, и отвѣшивала сахаръ и хвастала своимъ богатствомъ передъ приходской протопопицей... тамъ, гдѣ съ замирающимъ сердцемъ красавица въ пудрѣ и мушкахъ выслушивала признанія и клятвы... Грустно было смотрѣть на совершающуюся перемѣну, тѣмъ болѣе, что послѣдствія такой перемѣны могли быть только неблагопріятныя. И дѣйствительно, знакомясь съ разными слоями общества и всматриваясь поближе въ московскую жизнь того времени, безъ преувеличенія могу сказать, что вся дѣятельность большинства гражданъ этого многолюднаго центра ограничивалась, главнымъ образомъ, заботой о деньгахъ. Вся-

кая самая благороднѣйшая мысль, направленная на общую пользу, откуда бы она ни шла, дойдя до Москвы, гложла, такъ какъ она большинства не интересовала. Несмотря на то, что это было такое время, когда не только въ Петербургѣ, не только въ губернскихъ, но даже въ уѣздныхъ городахъ, въ каждой почти семьѣ шли разговоры и пренія, интересовались разными проектами всевозможныхъ реформъ и важныхъ нововведеній—Москва занята была одной заботой—наживать деньги. Если когда-то Москва играла передовую роль въ жизни русскаго народа—безотраднѣй того направленія, какое было въ шестидесятыхъ годахъ среди московскихъ гражданъ,—нельзя ничего себѣ представить. Если бы не остатки дворянства, не кружки людей ученыхъ, если бы не университетская и военная молодежь—живя въ Москвѣ, можно было бы ничего не знать, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ; даже московскія газеты того времени были и немногочисленны и скудны по содержанію. Многочисленное населеніе купцовъ, мѣщанъ, даже чиновниковъ, не говоря уже о низшемъ классѣ населенія—все это было окружено непроницаемой тьмой. Ограниченность круга мышленія всѣхъ этихъ слоевъ населенія была поразительна и обидна; она почти лишала васъ возможности какимъ бы то ни было путемъ возбудить ихъ вниманіе къ какому-нибудь общественному вопросу. Надо было начинать бесѣду съ появленія новаго діакона съ громкимъ басомъ и тянуть эту канитель, прежде нежели получится возможность завести рѣчь о какомъ-нибудь вопросѣ, интересующемъ всю Россію. И едва только голосистый діаконъ пересталъ быть главнымъ предметомъ разговора—весь интересъ къ разговору исчезалъ, васъ слушали изъ приличія, зѣвая и не желая понимать. Эти выводы сдѣланы мною на основаніи лишь поверхностныхъ наблюденій—въ положеніи человѣка чужаго это было бы съ моей стороны недобросовѣстно. По выходѣ изъ военной службы, я служилъ въ московской семигласной думѣ, тамъ я близко познакомился и съ купечествомъ, и съ мѣщанскимъ, и цеховымъ обществомъ, и вынесъ прискорбное впечатлѣніе, что даже купецъ изъ тузовъ недалеко ушелъ отъ его тысячелѣтняго предка.

Господство капитала всегда развращаетъ общественную нравственность,—вотъ почему, во время самаго сильнаго хода реформъ, Москва не только не принимала въ нихъ должнаго участія, но даже ихъ тормозила, и, когда вся Россія занята была реформами императора Александра II, Москва устраивала банки, организовала всевозможныя спекуляціи, кинулась въ подряды. Почти всѣ желѣзнодорожныя линіи, строящіяся въ то время въ Россіи, были въ рукахъ московскихъ дѣльцовъ. Акціонерныя предпріятія выростали, какъ грибы и въ то же время число банкротствъ, часто не честныхъ, достигало невѣроят-

ныхъ размѣровъ и банкротство въ глазахъ большинства ни мало не клеймило человѣка. Въ такъ называемой „Ямѣ“ (московская долговая тюрьма) у Иверскихъ воротъ, гдѣ мнѣ приходилось неоднократно стоять въ караулѣ, сидѣли одновременно до 500 человѣкъ обанкротившихся купцовъ, изъ которыхъ добрая половина дѣлали изъ этого свое ремесло и поощряли другихъ къ тому же. Тамъ съ утра до ночи стоялъ гамъ, пьянство, азартныя игры, совершались подкупы и подлоги. Словомъ, общія условія жизни Москвы того времени совершенно не гармонировали съ жизнерадостнымъ направленіемъ остальной Россіи. Москва на все совершающееся смотрѣла, какъ выразился Гоголь „ковыряя въ носу“, она какъ-будто не понимала, что русскому народу жизнь предъявляла роковые вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣла его судьба.

Когда я упрекалъ моихъ знакомыхъ москвичей въ такомъ индифферентизмѣ, они почти въ одинъ голосъ отвѣчали такъ: „а кому и для кого нужно наше вмѣшательство, наши симпатіи? Мы знаемъ, что разсуждай, не разсуждай, вмѣшивайся и симпатизируй, сколько хочешь,—всегда выйдетъ по-другому, а, пожалуй, это другое и выйдетъ настоящимъ дѣломъ, а за твои разсужденія и симпатіи еще дадутъ „по шапкѣ“. Когда не вѣришь въ силу и толкъ своихъ мыслей, такъ лучше молчать о такихъ высокихъ матеріяхъ, не разсуждать“. Пожалуй, въ такомъ отвѣтѣ было много правды, и онъ можетъ служить для москвичей нѣкоторымъ оправданіемъ.

Въ моемъ полувѣковомъ знакомствѣ съ русскимъ обществомъ я убѣдился, что взгляды всего русскаго общества на тотъ или другой общественный вопросъ были крайне сбивчивые, и никто не могъ или не хотѣлъ дать себѣ яснаго отчета, что онъ можетъ желать, и потому всѣ придерживались правила: „куда-де намъ гоняться за лучшимъ? для насъ ладно и то, что имѣемъ“ и дѣйствительно ничего лучшаго не желали. И если являлась крайность что-нибудь исправить—русское общество не затрудняло своихъ мозговъ, чтобы выработать свое, а предоставляло дѣлать чиновникамъ, а тѣ валили по пробитымъ западно-европейскимъ дорожкамъ: по нимъ покатали судебная, земская, цензурная, военная и др. реформы и когда случилась такая телѣга, какъ, напримѣръ, поземельная и общинная, которыя не влѣзали въ западно-европейскія колѣи, волею-неволею пришлось пробивать свою собственную дорогу, дѣлать самое непривычное дѣло—шевелить мозгами—вышло плохо:—вопросы эти и до сихъ поръ остаются вопросами не разрѣшенными...

Въ описываемое мною время походы совершались пѣшкомъ. Въ предѣлахъ великихъ русскихъ губерній въ то время существовало только четыре желѣзныхъ дороги: отъ Петербурга до Москвы; отъ

Петербурга до Варшавы и до Царскаго Села, отъ Царицына на Волгѣ до Калача на Дону. Отъ Муромѣ до Москвы шли мы чуть ли не мѣсяцъ, шли не спѣша, съ дневками и если бы не знойное лѣто, которое выпало на нашу долю въ 1860 г. походъ, этотъ походилъ бы болѣе на прогулку. По прибытіи въ Москву полкъ нашъ расположился въ Покровскихъ казармахъ. Я подыскалъ себѣ небольшую квартиру въ меблированныхъ комнатахъ у Чистыхъ Прудовъ. Хозяинъ этихъ меблированныхъ комнатъ очень любезно и обязательно обѣщалъ мнѣ сдѣлать все, о чемъ я его просилъ: вымыть шторы и окна, перемѣнить на столахъ засаленныя салфетки, дать другое приличное зеркало, починить мебель, потому что изъ дюжины стульевъ—два только стояли крѣпко на ногахъ, а всѣ остальные ходили ходуномъ, словомъ, посулили все устроить „въ лучшемъ видѣ“.

За двѣ комнатки съ передней и уголь въ кухнѣ для моего Якова онъ взялъ съ меня за мѣсяцъ впередъ двадцать пять рублей. Когда я на другой день переѣхалъ въ квартиру—никакихъ обѣщаній хозяинъ не исполнилъ. Я сталъ требовать—исполнить все по договору, но видя его неизмѣнную улыбку и слыша все тѣ же обѣщанія, я плюнулъ на всю эту канитель и.... покорился.

Гдѣ-нибудь за границей ничего подобнаго случиться не могло бы, въ этомъ я впоследствии убѣдился и отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ рѣдко кто будетъ имѣть смѣлость уклониться. Въ Россіи, сколько я наблюдалъ и раньше и теперь, повсемѣстно и вѣчно одна и та же исторія: кто понахальнѣе, тотъ норовитъ обязательства своихъ не исполнять. Хозяева и квартиръ, и меблированныхъ комнатъ,—я касаюсь только этихъ двухъ вопросовъ,—съ своими жильцами вели и ведутъ вѣчную войну. Хозяинъ возьметъ впередъ деньги, дастъ взамѣнъ ихъ неустроенную квартиру и этимъ ограничится. Если захочетъ, не будетъ освѣщать вашей лѣстницы, не позволитъ дворнику вынести соръ изъ квартиры; если вы живете въ меблированныхъ номерахъ—содержатель можетъ взять отъ васъ половину вашей мебели, не дать посуды, самовара и т. п. или будетъ давать все это не во время. Кто ему указъ? Словомъ, съ одной стороны самая безцеремонная эксплуатація,—съ другой,—постоянная уступчивость и покорность, если хозяинъ квартиры или номеровъ дружно жилъ съ полиціей и кому нужно платилъ—управы найти нельзя было.

Вообще русскій человѣкъ чрезвычайно сговорчивый и покладистый, даже въ частной своей жизни онъ рѣдко самъ себѣ дѣлаетъ положеніе, большею частью ему дѣлаютъ его другіе, а онъ только его беретъ и приспособляется, и ничего, а потомъ даже совсѣмъ входитъ въ назначенную ему роль. Только не надо съ нимъ круто поступать. Потихоньку, полегче, помягче, и можно все заставить его

сдѣлать, все перетерпѣть. И это хорошо знаютъ тѣ, кому это знать нужно. Издай, кто хочетъ, кто имѣетъ хоть на вершокъ власти, будь онъ хоть хозяинъ дома или меблированныхъ комнатъ, гдѣ вы живете, или даже старшій дворникъ, какія угодно правила и постановленія и введи ихъ только полегче и незамѣтно, всѣ покорятся непремѣнно. Нѣкоторые, конечно, будутъ сначала фрондировать, слегка ворчать, либеральничать, но мало-по-малу обойдутся и все исполнять. Поэтому русскій человѣкъ никогда не посоветуетъ вамъ протестовать противъ того, кто сильнѣе, какъ бы тотъ ни обижалъ, а всегда посоветуетъ подчиниться. И дѣлаетъ онъ это не столько по трусости, сколько по добродушію и лѣни.

Въ концѣ концовъ я устроился на новой моей квартирѣ недурно, благодаря тому, что у меня былъ свой денщикъ; иначе мнѣ было бы очень трудно, что въ номерахъ былъ большой недостатокъ прислуги. Несуразная горничная наша Татьяна постоянно летала, тяжело стуча каблуками по коридору. „Татьяна, слышалось здѣсь, „Татьяна“—слышалось тамъ; „Татьяна, подай, самоваръ“. И Татьяна всюду бросалась и у самой двери вашей слышалось: „чтобы тебѣ лопнуть, окаянный“, „ишь разорался!“ Но она никуда не поспѣвала и ничего дѣльнаго не дѣлала, она только огрызалась, бѣгала, какъ угорѣлая отъ одного жильца къ другому и все съ однимъ и тѣмъ же самоваромъ; вполнѣдствіи мой денщикъ Яковъ выручалъ Татьяну во всѣхъ трудныхъ случаяхъ и часто даже въ ущербъ прямымъ своимъ обязанностямъ по отношенію меня.

По сосѣдству со мною, черезъ номеръ, проживалъ пролетарій газетныхъ и журнальныхъ фабрикъ, существованіе которыхъ въ шестидесятыхъ годахъ было крайне бѣдственное. Въ настоящее время подобныя моему сосѣду работники живутъ сравнительно припѣваючи. Я съ нимъ скоро познакомился и сошелся: это былъ блѣдный, измученный работою молодой человѣкъ, образованный и даровитый. Ради нужды и любви къ литературному труду онъ бралъ всякую литературную работу, какую ему давали, и всякую цѣну, которую предлагали, работы же въ это время было и мало, и работа дешевая. Довольно сказать, что книгопродавецъ Сытинъ за переводъ съ нѣмецкаго языка платилъ моему сосѣду по 18 руб. за печатный листъ, съ условіемъ работу приготовить къ сроку. Лучшіе гонорары за переводы давалъ Кожанчиковъ и то отъ 25 до 30 руб. за печатный листъ. Служалась у моего сосѣда работа, какъ онъ называлъ, „частная“. Это было исправленіе разныхъ рукописей повѣстей, романовъ, стиховъ и пр., и эта работа давала ему сравнительно лучший заработокъ: въ то время безграмотныхъ писакъ развелось много. Быть хоть плохимъ литераторомъ это было занятіе модное, либеральное. Одинъ разъ ве-

черомъ явился къ моему сосѣду какой-то военный, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, генералъ, съ маленькимъ сверткомъ почтовой бумаги, обвязанной розовой ленточкой. Въ свертокѣ были стихи, авторомъ которыхъ была жена генерала; по рекомендаціи Ѳедора Богдановича Миллера, редактора „Развлеченія“, генеральша стихотворенія свои послала къ моему знакомому литератору для исправленія и пополненія ихъ римами, которыхъ мѣстами недоставало. Отдавая свертокъ, генералъ просилъ, чтобы имя его жены осталось въ секретѣ, прибавивъ: „понимаете, она мать семейства“. За эту работу, сдѣланную имъ добросовѣстно и при томъ въ теченіе двухъ дней, генералъ заплатилъ пятьдесятъ руб. и просилъ бывать у нихъ. Стихи генеральши вскорѣ вышли въ очень изящномъ изданіи, подъ заглавіемъ „Женская муза“. Сумма, полученная отъ генерала, поправила финансовыя дѣла моего сосѣда на столько, что въ день полученія гонорара онъ угостилъ меня ужиномъ въ лучшемъ въ то время московскомъ ресторанѣ „Саратовъ“.

Съ легкой руки генерала, для исправленія литературныхъ произведеній всякихъ формъ,—и прозою, и стихами—стали являться „сочинители“, сначала рѣдко, но потомъ просто отбою не было, такъ что мой сосѣдъ черезъ полгода, со дня моего съ нимъ знакомства, матеріально поправился, спилъ себѣ модный костюмъ, купилъ хорошую шубу и сталъ принимать у себя литераторовъ изъ разныхъ редакцій. Онъ самъ уже не могъ справляться съ корректурной работой, такъ было ея много, и часть отдавалъ мнѣ, такъ что и я зарабатывалъ не мало.

Бывали случаи, что онъ являющихся къ нему съ рукописями направлялъ прямо ко мнѣ. Однажды, часа въ четыре, пришли ко мнѣ двѣ дамы съ ливрейнымъ лакеемъ. Онѣ принесли съ собою цѣлый ворохъ тетрадей,—это были переводы съ французскаго какихъ-то романовъ. Мнѣ бы нужно было условиться съ ними въ цѣнѣ за исправленіе и этимъ дѣло покончить, а я съ дуру началъ вести съ ними какой-то литературный разговоръ и что-то сказалъ о Жоржъ-Зандъ. Самъ потомъ былъ не радъ, да спохватился поздно. Какъ начали онѣ тараторить, до десяти часовъ вечера просидѣли. Я думалъ, что всю ночь просидятъ. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался осторожнѣе съ „сочинительницами“.

Сотрудники московскихъ газетъ и журналовъ, съ которыми я встрѣчался у моего сосѣда, за исключеніемъ двухъ — трехъ, смотрѣли на свое призваніе какъ-то узко. Ихъ коньками было искусство, филологическія теоріи до санскритскаго языка включительно, да беллетристическая реномистика, а настоящаго дѣла у нихъ не было. Они какъ-то долго не понимали, что у русскаго общества на умѣ

были вещи другого рода, и что оно ждало отъ литературы разрѣшенія вопросовъ громадной важности, между тѣмъ они тратили и время, и трудъ на мелкіе споры о вопросахъ отжившей науки и дряхлой, лепечущей старыя пѣсни—поэзіи... Я не ставлю имъ этого въ вину, ибо въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ русская журналистика не вышла тогда еще изъ періода юношескаго броженія, не умѣла и не могла развиваться правильно, чему не мало мѣшали ей и строгіе цензурные порядки... Ни въ Петербургѣ, ни, особенно, въ Москвѣ не было еще такой прессы, которая служила бы живому дѣлу и представляла собой интересы русскаго общества или какой-либо партіи. Какъ исключеніе можно развѣ признать до нѣкоторой степени органы славянофиловъ, но кругъ ихъ вліянія былъ такъ незначителенъ, что русское общество, за исключеніемъ небольшой группы людей, славянофильскими вопросами совсѣмъ не интересовалось, да едва-ли они были ему симпатичны, по крайней мѣрѣ, я постоянно слышалъ неодобрительные отзывы стремленіямъ славянофиловъ. Славянофильскій вопросъ меня интересовалъ, и я старался близко ознакомиться съ его задачами. На мой взглядъ, несмотря на великую основную задачу славянофильства—единеніе славянъ,—ошибка ихъ заключалась въ томъ, что ими весь этотъ славянскій вопросъ поставленъ былъ не только не серьезно, но и ложно. Ложь была въ томъ, что они брали его съ чисто внѣшней, международной стороны, и старались отдѣлать какъ нѣчто совсѣмъ особенное и отличное отъ другихъ вопросовъ, между тѣмъ какъ онъ въ сущности очень мало отъ нихъ отличался. Старались, на примѣръ, увѣрить, что какой-нибудь сербъ, словакъ или чехъ страдаетъ единственно въ силу своей политической зависимости отъ иноплеменика—и что стоитъ имъ только принять православіе, примкнуть къ большому славянскому центру, признать одинъ для всѣхъ общій языкъ, чтобы сдѣлаться разомъ счастливыми изъ людей. Словомъ, русскіе славянофилы мечтали православіемъ и языкомъ большинства, не принимая въ расчетъ даже его культуры, осчастливить все многомилліонное славянство. Это были несбыточныя фантазіи хорошихъ, но кабинетныхъ людей. Славянскій съѣздъ въ Москвѣ, гдѣ, за исключеніемъ поляковъ, были представители всѣхъ славянскихъ народностей, развѣялъ всѣ эти иллюзіи, и перспективы съ православіемъ, общеславянскимъ языкомъ и общимъ центромъ не принималъ. Славянофилы забывали, что есть еще иная сила, которая называется экономическимъ бытомъ народа, и что если этотъ бытъ плохъ, ни православіе, ни славянскій центръ, ни общій языкъ счастливыми не славянъ сдѣлаетъ. Славянофилы требовали, чтобы и словакъ, и чехъ, и уніатъ-русинъ играли какія-то комедіи съ переодѣваніемъ, но играть комедіи—это дѣло доухижихъ людей, а

не народа, вѣчно воюющаго за кусокъ насущнаго хлѣба, за право существованія на землѣ, за право не быть раздавленнымъ въ колесѣ той воздушной машины, которою управляютъ экономическія силы. Поляковъ считаютъ плохими славянами и обвиняютъ ихъ, что они никогда не симпатизировали славянофиламъ. Да, помилуйте, какъ же было симпатизировать? Вѣдь чтобы сдѣлаться поляку „счастливымъ славяниномъ“, нужно было по рецепту славянофиловъ обратиться въ младенца и начинать все съ азовъ. Такимъ путемъ „славянскіе ручьи“ никогда не могли слиться „въ одну славянскую рѣку“,— отъ этого сліянія не выиграла бы даже и рѣка. Чтобы строить такіе воздушные замки, славянофиламъ нужно было пустое пространство, къ чему-нибудь положительному теоріи ихъ прикосаться не могли, и отъ прикосновенія съ твердыми реальными основаніями дѣйствительной жизни—разсыпались въ прахъ.

Однажды сосѣдъ мой явился ко мнѣ въ померъ, противъ обыкновенія, раньше. На немъ былъ фракъ по послѣдней модѣ, бѣлье и перчатки первѣйшей свѣжести, шляпа-циммерманъ и сапоги блестяли, какъ зеркало. На мой вопросъ: не на свиданіе ли онъ собирается,—сосѣдъ мой подалъ мнѣ листъ почтовой бумажки съ бланкомъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“, на которомъ мелкимъ, но четкимъ почеркомъ было написано приглашеніе явиться въ контору редакціи для личныхъ переговоровъ.

Письмо написано было собственноручно М. Н. Катковымъ.

Я былъ чрезвычайно доволенъ за моего сосѣда, такъ какъ М. Н. Катковъ началъ въ то время входить въ славу и могъ дать ему хорошую и хорошо оплачиваемую работу. Вечеромъ я побывалъ у сосѣда, чтобы узнать о результатахъ его визита. Результаты оказались блестящіе. Каткову понравился его чистоплотный и представительный видъ. Онъ далъ ему это понять, заявивъ, что не любитъ сотрудниковъ грубыхъ, дерзкихъ и грязныхъ. Я нѣсколько разъ бывалъ въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ на Страстномъ Бульварѣ и, дѣйствительно, всегда встрѣчалъ тамъ сотрудниковъ и служащихъ опрятно и даже элегантно одѣтыхъ и крайне вѣжливыхъ. Контора этихъ редакцій походила въ миниатюрѣ на петербургскіе департаменты. Наружность Каткова (до того я его никогда не видѣлъ) моему сосѣду не понравилась. По его мнѣнію, это былъ человѣкъ крутой и жесткій, въ манерахъ грубоватый и на первый взглядъ не интеллигентный.

Катковъ заявилъ сосѣду моему, что онъ хотѣлъ бы имѣть его своимъ сотрудникомъ, такъ какъ онъ много слышалъ хорошаго о его литературныхъ способностяхъ. Затѣмъ они говорили о прогрессѣ, объ освобожденіи крестьянъ, о присяжныхъ въ Англіи, о мировомъ инсти-

тутъ, о самоуправленіи и проч., и видно было, что все, о чемъ онъ говорилъ, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ.

Въ этой бесѣдѣ выяснилось, что Катковъ не любитъ узкихъ рубрикъ, стоитъ во всемъ за самую широкую терпимость, хочетъ быть послѣдовательнымъ и никогда не противорѣчитъ своимъ принципамъ. Это *profession de foi* чрезвычайно понравилось моему сосѣду, такъ какъ и онъ былъ болѣе или менѣе такихъ же взглядовъ. Такъ проговорили они около получаса и разстались друзьями. Катковъ просилъ приготовить какую-нибудь работу къ слѣдующей книжкѣ „Русскаго Вѣстника“, назначивъ, относительно, солидный гонораръ.

Скоро сосѣдъ мой переселился на новую квартиру поближе къ Страстному Бульвару, и мнѣ жаль было разставаться съ этимъ милымъ и умнымъ человѣкомъ.

Изъ разсказа моего сосѣда о пріемѣ его Катковымъ я вывелъ заключеніе, что мой сосѣдъ, должно быть, дѣйствительно, былъ способный литераторъ и нужный Каткову человѣкъ, такъ какъ о Катковѣ ходили слухи, что онъ даже съ лучшими своими сотрудниками не любилъ подолгу объясняться, боясь уронить свое достоинство и свой авторитетъ, въ то время пока только профессорскій. Впослѣдствіи я получилъ свѣдѣнія о Катковѣ нѣсколько больше и, сколько помню, отзывы о немъ, какъ среди студентовъ, такъ и между людьми, имѣющими соприкосновеніе къ наукѣ и къ литературѣ, были вообще для Каткова не особенно симпатичны. Я часто бывалъ у профессора исторіи Московскаго университета Выдинскаго. У него, кажется, по четвергамъ устраивались бесѣды и въ числѣ присутствующихъ было много ученыхъ и профессоровъ. Бесѣдовали открыто, не чинясь и не важничая и при этомъ разсказывали такую пропасть въ высшей степени интересныхъ вещей, что бесѣды эти снабжали меня огромнымъ запасомъ знаній. Однажды по поводу какой-то статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ зашелъ разговоръ о Катковѣ. Между различными отзывами, по большей части не въ пользу Каткова, вотъ что говорилъ о немъ профессоръ М—гаузенъ: „Онъ никогда и ничѣмъ не хочетъ себя связывать. На серьезный открытый споръ его никогда не вызовешь и послѣдняго слова отъ него не добьешься, потому что у него нѣтъ никакихъ основныхъ убѣжденій, на которыя онъ могъ бы упереться твердо. Это человѣкъ, который считаетъ себя превыше всѣхъ и всего. На всѣ ваши аргументы онъ отвѣчаетъ: или насмѣшкой, или бравится. Сила Каткова заключается въ томъ, что онъ умѣетъ ловить моменты, умѣетъ нападать врасплохъ, бьетъ даже лежачаго и производитъ тревогу“.

Такъ или иначе, вслѣдствіе ли недюжиннаго ума, или вслѣдствіе умѣнья „ловить моменты“, но Катковъ, въ свое время, представлялъ

могущественную общественную силу. Въ обществѣ, проснувшемся къ новой жизни, онъ первый заговорилъ и заговорилъ смѣло о пользѣ свободы и самоуправленія. Всѣ внимали ему и восторгались, ибо всѣ хотѣли того же, чего, новидимому, хотѣлъ и Катковъ. Но скоро произошелъ въ немъ быстрый переворотъ, „пойманъ былъ новый моментъ“. Оказалось, что идеи свободы и самоуправленія и всего того, что съ ними связано, были для самого Каткова такими же невыношенными идеями, какія, по его увѣренію, были въ устахъ его противниковъ разныя другія идеи..

Такія противорѣчія во взглядахъ были и очень часты и очень рѣзки. Я помню недоумѣіе, вызванное статью Каткова (кажется, въ 1862 г.), въ которой онъ, подъ вліяніемъ своихъ англоманскихъ идей, знать ничего не хотѣлъ о русской народности и смѣялся надъ толками о ней, называя сумасбродами тѣхъ, кто говорилъ о высшихъ судьбахъ русской земли въ будущемъ и приводилъ противъ нихъ аргументъ, сдѣлавшійся знаменитымъ: „будущее потому и будущее, что его въ наличности не имѣется“. Спустя два года, онъ писалъ уже иначе: „Намъ позволительно думать, что русская народность имѣетъ свои великія судьбы, имѣетъ свое всемірное назначеніе“.

Такая сбивчивость во взглядахъ лишила, мало-по-малу, Каткова значенія серьезной общественной силы и если въ 1863 году выручило его польское возстаніе, давши ему возможность сдѣлаться даже однимъ изъ главныхъ дѣятелей при „разрѣшеніи“ польскаго вопроса, то, однако, не вернуло ему прошлаго значенія общественнаго дѣятеля. Польское возстаніе — это былъ моментъ самый подходящий и вполне отвѣчающій свойствамъ публицистической дѣятельности Каткова, и онъ имъ воспользовался съ большимъ умѣніемъ. Тутъ какихъ-либо твердыхъ убѣжденій не требовалось; можно было мнѣять ихъ хотя каждый день, надо было только шумѣть. И Катковъ шумѣлъ, кричалъ, билъ тревогу, лупилъ безъ толку и безъ разбору по всему, что ему подъ руку попадало и по всѣмъ, не шадя даже своихъ, кто съ нимъ хоть на волосъ былъ несогласенъ. Я недавно прочиталъ полный сборникъ статей Каткова по польскому вопросу. Меня, свидетеля всей этой потрясающей драмы, ужаснула безцеремонность, ложь и злоба, заключающаяся въ этихъ статьяхъ. Какъ будто человѣкъ ошалѣлъ отъ дурману и кусалъ, кусалъ безъ конца... Между тѣмъ, злоба тутъ была и лишняя и бесполезная.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ была помѣщена въ петербургской польской газетѣ „Kraj“ моя корреспонденція съ Дона. Въ этой корреспонденціи, совершенно невинной по содержанію, „Московскія Вѣдомости“ усмотрѣли вредную политическую тенденцію, приравливши

къ тому, что я обратилъ вниманіе читателей „Края“, что на Дону названія нѣкоторыхъ предметовъ тождественны съ названіями польскими и что много казаковъ хорошо говорятъ по-польски, что было совершенно естественно, такъ какъ казаки отбывали свою службу по преимуществу въ Польшѣ. Замѣтка „Московскихъ Вѣдомостей“, написанная въ довольно рѣзкой формѣ, имѣла нѣкоторыя непріятныя для меня послѣдствія въ томъ смыслѣ, что я долженъ былъ объясняться тамъ, гдѣ я бы вовсе не желалъ. Въ іюлѣ 1880 года, будучи въ Москвѣ, я хотѣлъ лично обратить вниманіе редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ на то, что такого рода инсинуаціи, не говоря уже о ихъ неосновательности, вредно отзываются на репутаціи лицъ, ими затронутыхъ. Явился я въ редакцію въ 12 часовъ утра; большая пріемная была полна народомъ. Тамъ сидѣли и стояли чело­вѣкъ около тридцати въ мундирахъ съ орденами, во фракахъ, дамы въ нарядныхъ платьяхъ, совсѣмъ какъ въ пріемной министра. Въ числѣ присутствующихъ я замѣтилъ двухъ генераловъ, нѣсколько офицеровъ, студентовъ, редактора одной Львовской газеты, которому протежировалъ Катковъ, и какого-то красиваго мужчину въ національномъ костюмѣ, оказавшимся далматинцемъ.

Отъ секретаря редакціи, очень изящнаго молодого чело­вѣка, я узналъ, что М. Н. находится въ конторѣ. Я просилъ секретаря устроить мнѣ самую короткую „аудиенцію“ (свиданіе съ Катковымъ всѣ называли „аудиенціей“.) Секретарь любезно сообщилъ, „что г. редакторъ“ у себя въ кабинетѣ припимаетъ только по очень важнымъ дѣламъ, а черезъ полчаса явится въ пріемную, гдѣ я могу сообщить ему, что мнѣ нужно. Предъявляя удостовѣреніе редакціи „Края“, что я состою ея сотрудникомъ, я вновь убѣдительно просилъ секретаря устроить для меня „аудиенцію“ у редактора, въ виду конфиденціального характера моего дѣла. Послѣ пріема „просителей“ прошло не болѣе получаса, и я былъ приглашенъ въ кабинетъ. Когда я вошелъ, Катковъ привсталъ со своего стула и, отвѣтивъ кивкомъ головы на мой поклонъ, жестомъ руки указалъ мнѣ на кресло, стоящее съ противоположной стороны большаго письменнаго стола, буквально заваленнаго книгами, брошюрами и бумагами. До того я Каткова не видѣлъ никогда. На видъ М. Н. можно было дать не болѣе 50 лѣтъ. Я полагалъ въ его фізіономіи найти признаки той внутренней силы, которую долженъ имѣть воинъ мысли, представитель движенія и прогресса, какимъ я его тогда считалъ, я полагалъ, что подмѣчу отблескъ того ореола, которымъ его окружали почитатели, но откровенно признаюсь, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе концессіонера, милліонщика, золотопромышленника, но не литератора и ученаго. Когда я объяснилъ ему суть моего дѣла и сказалъ, что

при такой постоянной „травлѣ“ (я употребилъ это выраженіе) „поляковъ“ „Московскими Вѣдомостями“ и другими органами русской печати полякамъ не представляется никакой возможности заняться какимъ-либо дѣломъ, ничего общаго съ политикой не имѣющимъ, вездѣ хотятъ видѣть „интригу“ и злонамѣренность,—на его сжатыхъ губахъ появилось выраженіе тонкой ироніи, онъ смотрѣлъ на меня пристально, нѣсколько прищурившись и послѣ нѣкоторой паузы, вертя большимъ ножомъ изъ слоновой кости, растягивая слова, сказалъ:

— Послѣ 63 года мы, русскіе, имѣемъ полное право вамъ не довѣрять и, какія бы ни были ваши задачи и стремленія, я буду считать ихъ опасными для насъ и всегда имъ буду противодѣйствовать, такъ какъ вы, поляки, ничего не дѣлаете безъ задней мысли вредить намъ. Я давно уже обратилъ вниманіе на ваши корреспонденціи „въ Краѣ“ изъ Приволжскихъ губерній и Нижегородской ярмарки. Я понимаю цѣль Пильца ¹⁾. Онъ стремится указать польскимъ промышленникамъ на этотъ край, чтобы они захватили его въ свои цѣпкія руки, для сбыта своихъ фабрикатовъ, а этого допустить нельзя. Не удалось вамъ смутить Волгу бунтомъ, хотите завоевать ее торговлей.

— Простите меня. Намекъ о польскихъ затѣяхъ вооруженнаго бунта на Волгѣ—это обвиненіе не солидное. Поляки не могутъ отвѣчать за фантазіи нѣсколькихъ шальныхъ головъ, большинство которыхъ, какъ вамъ извѣстно, были русскіе: Максимъ Чернякъ, Михайловъ, Орловъ и др.

— Если же польскіе товары будутъ имѣть сбытъ на волжскихъ рынкахъ, то какой же въ этомъ вредъ, это будетъ значить, что они хороши, дешевы и удовлетворяютъ потребностямъ населенія. Польскихъ товаровъ на Волгѣ ежегодно продается на нѣсколько милліоновъ рублей, и профессоръ Янжулъ, послѣ подробнаго изслѣдованія этого вопроса, призналъ за польскими товарами громадныя преимущества не только въ смыслѣ добротности, но и дешевизны. А профессоръ Янжулъ не полякъ,—возразилъ я.—Неужели ради какихъ-то воображаемыхъ польскихъ интригъ и не существующихъ опасностей—можно бить по карману русскій народъ.

— Я не хуже Янжула знакомъ съ этимъ вопросомъ и утверждаю, и Россія мнѣ вѣрить, что, если пустить васъ свободно съ товарами на Волгу и вообще въ русскія губерніи, черезъ годъ, много черезъ два, поляки „Моисеева Закона“, какъ вы ихъ величаете, заполонятъ насъ своими фабрикатами и сами полѣзутъ, какъ саранча, а такое нашествіе хуже голода и чумы.

¹⁾ Пильцъ—редакторъ „Края“.

И хотѣлъ было возражать, но это мнѣ не удавалось, такъ какъ Катковъ началъ импровизировать на прежнюю тему, что полякамъ довѣрять нельзя. Онъ говорилъ хорошо, краснорѣчиво, но въ томъ диктаторскомъ, непогрѣшимомъ тонѣ, въ какомъ онъ писалъ свои передовицы.

Интересенъ былъ его взглядъ на петербургскую польскую газету „Край“ и на ея редактора Пильца:

— Газету эту я считаю безусловно вредною и ее давно слѣдовало бы закрыть, о чемъ я неоднократно писалъ и кому слѣдуетъ говорить. Пильцъ—человѣкъ умный и потому опасный.

Рѣчь его была переполнена ссылками на статьи „Краю“, въ дѣйствительности самаго миролюбиваго характера, и при этомъ рѣчь его пополнялась множествомъ ѣдкихъ выходокъ противъ Пильца и попутно противъ Спасовича, какъ будто бы и Пильцъ и Спасовичъ были его злѣйшими личными врагами. По временамъ рѣчь его принимала не дѣловой, желчный тонъ, который былъ въ данномъ случаѣ совсѣмъ неумѣстенъ, тѣмъ болѣе, что я не обнаруживалъ ни малѣйшаго расположенія ему возражать и, когда онъ кончилъ говорить о „Краѣ“, я нашель нужнымъ сказать.

— Виноватъ, М. Н., но мнѣ непонятнымъ становится вашъ отзывъ о „Краѣ“, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что газета эта редактируется г. Пильцемъ въ духѣ лояльномъ и примирительномъ и въдобавокъ подъ предварительной цензурной, а этого послѣдняго факта уже совершенно достаточно, чтобы газета не имѣла вреднаго направленія.

— Намъ парламентаровъ не надо,—сказалъ Катковъ, усиливая голосъ,—мира мы заключать не будемъ, а будемъ воевать, до тѣхъ поръ, пока польскаго вопроса не похоронимъ и не поставимъ надъ нимъ креста.

— Но вѣдь русскіе, въ томъ числѣ я, имѣютъ данныя сослаться и на васъ, постоянно твердятъ всему свѣту, что смерти польскаго народа они не желаютъ, если не изъ благорасположенія къ нему, то вникнувши въ необходимыя дурныя послѣдствія разложенія и гніенія каждаго народнаго тѣла... И дѣйствительно, эти милліоны людей, лишенныхъ отечества, эти милліоны отступниковъ, умственно развитыхъ, а нравственно уничтоженныхъ, грозили бы и Россіи и всему славянству весьма опаснымъ пролетаріатомъ. Слава Богу, однако, что какія бы силы ни хотѣли поставить креста на могилѣ польскаго народа—эта задача невыполнимая. Вамъ, М. Н., хорошо извѣстно, что польскій народъ, несмотря на политическія невыгоды своего существованія, не слабѣетъ, а растетъ и укрѣпляется и каждое поколѣніе сдаетъ общественныя дѣла слѣдующему поколѣнію безъ ущерба и недочета.

— Это неисправимое польское самообольщеніе. Исторія намъ показала, что вы къ разумной и легальной борьбѣ не способны, а во всякой другой вы будете побѣждены, и славянскій міръ поблагодарить насъ за то, что мы сняли польскій наростъ съ его здороваго тѣла.

Дальше продолжать разговоръ становилось неудобно, и я всталъ, чтобы откланяться. Катковъ, пожимая мнѣ руку, сказалъ:

— Я невиноватъ, если разговоръ нашъ былъ вамъ непріятенъ. Онъ и меня давитъ, раздражаетъ до того, что я часто бываю боленъ, но бороться съ вами все-таки я не перестану—это цѣль моей жизни.

Если бы Катковъ воскресъ изъ мертвыхъ и увидѣлъ теперь результаты своей работы—можно поручиться, что онъ жить не хотѣлъ бы дальше. А, впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ это былъ бы для него „новый моментъ“, которымъ онъ умѣлъ бы воспользоваться съ пользою для себя.

Вотъ почти слово въ слово все, что сказано было Катковымъ и мною.

Несмотря на крайне-щекотливый предметъ нашей бесѣды и на несдержанный тонъ Каткова, я былъ очень доволенъ, что мнѣ удалось съ нимъ побесѣдовать. Впечатлѣніе этой „аудіенціи“ въ общемъ было таково, что я ясно увидѣлъ, что Катковъ для поляковъ вовсе не такъ страшенъ, какъ объ немъ составилось мнѣніе, и что онъ больше умѣетъ злиться, чѣмъ вредить и, разсуждая совершенно спокойно, война, которую онъ такъ зло и страстно велъ противъ поляковъ въ теченіе 20 лѣтъ, рѣшеніе польскаго вопроса не только не подвинула впередъ, но, напротивъ, запутала его. Какъ ни былъ Катковъ въ свое время силенъ, какое онъ ни имѣлъ большое вліяніе на тѣ или другія мѣры для разрѣшенія польскаго вопроса, онъ забывалъ, что не только его передовицы, но даже мечъ этого вопроса не разрѣшить и что онъ можетъ быть разрѣшенъ исключительно мирными и безобидными для поляковъ мѣрами. Поэтому Катковъ дурно дѣлалъ, и исторія за это его осудить, что онъ постоянно волновалъ русское общество призраками польскихъ мятежей, вмѣсто того, чтобы развивать и въ русскомъ обществѣ и среди народа то убѣжденіе, что неуваженіе чужой народности, есть презрѣніе своей, что посягательство на чужія права есть сильнѣйшій деспотизмъ и если бы онъ работалъ въ такомъ направленіи между двумя враждующими народностями, давно положенъ былъ бы конецъ для дальнѣйшей вражды и она лишилась бы всякой пищи.

Занимаясь исключительно польскимъ вопросомъ, котораго тѣмъ не менѣе онъ разрѣшить не былъ въ состояніи, Катковъ пересаливалъ и, естественно, надоѣдалъ. Чувствуя перемѣну въ настроеніи

общества, онъ съ половины семидесятыхъ годовъ началъ усваивать въ своихъ изданіяхъ такіе нечистоплотные приемы, такіа возмутительныя точки зрѣнія и такіа выходы ретроградства, что возбудилъ негодованіе даже прежнихъ своихъ поклонниковъ. Совершенно достоверный фактъ, что во всѣхъ почти приволжскихъ городахъ въ общественныхъ собраніяхъ и клубахъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ было постановлено, чтобы „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ не выписывать. Я читалъ подлинный протоколъ общаго собранія членовъ клуба одного изъ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ приволжскихъ городовъ. Тамъ буквально сказано такъ: „Въ виду усвоенныхъ газетою „Московскія Вѣдомости“ и журналомъ „Русскій Вѣстникъ“ полицейскихъ приемовъ и полицейской точки зрѣнія, въ виду ежедневныхъ выходовъ ретроградства противъ общества, земства и суда и незаслуженныхъ и ничѣмъ не доказанныхъ инсинуаций противъ уважаемыхъ личностей, общее собраніе гг. членовъ единогласно постановило въ будущемъ году газету „Московскія Вѣдомости“ и журналъ „Русскій Вѣстникъ“ для библіотеки общественнаго собранія не выписывать“.

Несомнѣнно, что, временно, Катковъ имѣлъ огромное вліяніе на русскую публику. „Московскія Вѣдомости“ особенно съ 1863 года распространены были особенно въ провинціи въ колоссальныхъ размѣрахъ. Газета же была политическимъ евангеліемъ чуть ли не большинства. Русская провинціальная масса въ то время на значеніе литературы смотрѣла поверхностно. Тамъ рѣдко можно было встрѣтить людей, которые были проникнуты сознаніемъ необходимости выработать опредѣленные взгляды на тотъ или другой вопросъ жизненный или политическій и опереться въ этихъ своихъ взглядахъ на содѣйствіе и сочувствіе единомыслящаго съ нимъ журнала или газеты. Я зналъ завзятыхъ ретроградовъ, которые выписывали и читали, несомнѣнно, либеральный журналъ и похваливали его. Вся тайна успѣха „Московскихъ Вѣдомостей“ заключалась въ томъ, что прежняя провинція привыкла въ газетѣ интересоваться почти исключительно эффектными событіями иностранной политики и вообще событіями такого свойства, какъ бунты, заговоры, политическіе и сенсационные уголовные процессы, чѣмъ „Московскія Вѣдомости“ пользовались широко и при томъ ратуя постоянно, нужно ли это было, или не нужно, противъ нѣмцевъ, англичанъ, турокъ и лсты національному самолюбію, приобрѣли репутацію „патріотической газеты“, что заслоняло долгое время отъ публики всѣ ея другіе недостатки и обезпечивало газетѣ огромный контингентъ провинціального читателя. Какихъ-нибудь спокойныхъ, разумныхъ взглядовъ газета эта среди своихъ читателей не вырабатывала. Жиня на Волгѣ, во время самаго

большаго успѣха „Московскихъ Вѣдомостей“, и интересуясь взглядами русскаго народа на польскій вопросъ, я былъ пораженъ самыми ужасными обвиненіями, сыпавшимися на поляковъ, не имѣющими въ основаніи своемъ не только правды, но даже и смысла, съ постоянными ссылками, что такъ пишутъ „Московскія Вѣдомости“. Можно быть фанатикомъ, можно быть пропагандистомъ, но нельзя деморализировать людей обманомъ и натравливать однихъ гражданъ на другихъ. Но для Каткова законовъ не существовало. Для травли поляковъ — ему позволено было все.

Приобрѣтя извѣстность, — и стыдно сказать, было время, что даже почетъ и уваженіе страстною бранью, нетерпимостью и ненавистью къ полякамъ, — Катковъ хотѣлъ привить эти свойства къ русскому народу, но, благодаря Бога, это удалось ему на короткое только время. Онъ не зналъ души русскаго народа. Въ русскомъ народѣ задатковъ къ усвоенію такихъ гадкихъ качествъ не имѣется, и онъ долго не навидѣтъ не умѣетъ. Неужели Каткову ни разу не приходилось видѣть русскаго крестьянина, не говоря уже о людяхъ интеллигентныхъ, когда онъ идетъ объ руку съ татаринѣмъ, нѣмцемъ, полякомъ, англичаниномъ, чувашемъ, жидомъ, когда онъ набожно снимаетъ шапку и крестится при встрѣчѣ съ гробомъ католика или протестанта, при чемъ въ первомъ случаѣ скажетъ: „хоронять поляка“, а во второмъ „хоронять нѣмца“. Это-то Катковъ и прозѣвалъ.

И помню такой случай въ Нижнемъ-Новгородѣ во время ярмарки. Въ засѣданіи ярмарочнаго комитета, въ которомъ и я принималъ участіе, разбиралась статья „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу ограниченій, которыя Катковъ рекомендовалъ ярмарочному купечеству сдѣлать для польскихъ фабрикантовъ, отправляющихъ свои товары на ярмарку. Во время дебатовъ по этому поводу одинъ изъ членовъ комитета сказалъ буквально такъ: „что нужно этимъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“? Чего онѣ шумятъ безъ толку и мѣшаютъ работать честно. Поляки такіе же подданные нашего царя. Было время, поляки провинились и мы ихъ били, но время это, слава Богу, давно миновало; не въ нашихъ обычаяхъ помнить зло и вѣкъ враждовать. Наступило время сказать имъ: милости просимъ, гг. поляки, съ нами въ кабакъ — выпьемъ мировую“. Эта простая и честная рѣчь вызвала восторгъ и никакихъ ограниченій для польскихъ фабрикантовъ ярмарочный комитетъ не сдѣлалъ. Фактъ этотъ я въ то же время засвидѣтельствовалъ въ одной изъ моихъ корреспонденцій изъ Нижняго въ польской газетѣ „Край“.

Да проститъ меня русскій читатель, что я такъ долго останавливалъ его вниманіе на „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и ихъ редакторѣ М. Н. Катковѣ. Но настало время, когда и намъ можно сказать правду.

Время съ 1860 по 1863 годъ на долго останется памятнымъ въ исторіи русскаго развитія. Это были годы того кризиса, когда идеи, до того господствовавшія въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, должны были выдержать практическое испытаніе, годы перелома, когда жизнью поставленъ былъ передъ русскимъ обществомъ роковой вопросъ о степени его умственной и нравственной зрѣлости, о ближайшихъ судьбахъ общественнаго развитія, о первенствѣ и господствѣ того или другаго направленія въ ближайшемъ будущемъ. То были самые критическіе моменты мутнаго броженія въ русской жизни, изъ котораго должно было явиться или „свѣтлое вино“, или получиться осадокъ горькій, противный. Къ чести русскаго общества надо сказать, что оно всегда дотолѣ апатичное обнаруживало въ эти годы необходимыя данныя для зрѣлой дѣятельности и если оно ничѣмъ исторически-важнымъ себя не заявило, въ этомъ уже вина не русскаго общества.

Литература, которая до 1860 года совершенно не занималась вопросами общественной жизни, а тратила и время, и трудъ на отвлеченные споры, вдругъ получила могучій импульсъ и приобрѣла громадное вліяніе на общество.... Смѣлость, даже дерзость мысли, полнота и цѣлость убѣжденія, сила и искренность чувства, стремленіе всесторонне ознакомиться съ насущными вопросами жизни—таковы были основныя черты литературы 60—63 годовъ. Несмотря на наклонность къ общимъ идеямъ, несмотря на кажущійся идеализмъ, ея тенденціи были не только несравненно шире, но и несравненно жизненнѣе и реальнѣе литературы послѣ 1863 г. Правильны, или неправильны были воззрѣнія людей этого короткаго періода,—эти воззрѣнія были близки ихъ сердцу, они жили ими: послѣ же 1863 г., говоря словами Щедрина: писателю не хотѣлось писать, читателю противно читать. И въ этомъ не было ничего удивительнаго, въ виду тѣхъ предметовъ, анализъ которыхъ служилъ главнымъ содержаніемъ слѣдующей за 63 годомъ литературы. Только великія идеи могутъ вдохновить человѣка, только широкій идеалъ можетъ привязать его къ себѣ. Можно быть фанатикомъ, напримѣръ, идеи братства, солидарности людей, но фанатизмъ, требующій истребленія людей, стѣсненія ихъ религіи, запрещенія ихъ языка, или въ вопросѣ направленія той или другой желѣзной дороги, жалокъ и комиченъ. Литература, начиная съ 63 года, утратила содержательность, поучительность, и вмѣсто произведеній, какія мы привыкли встрѣчать въ литературѣ первыхъ трехъ лѣтъ шестидесятыхъ годовъ, произведеній, въ которыхъ каждая страница свидѣтельствовала о присутствіи въ авторѣ глубокаго и живаго убѣжденія, мы постоянно наталкивались на рядъ докладовъ, можетъ быть, очень дѣловитыхъ, ум-

выхъ, но рѣшительно не способныхъ ни расшевелить мысль читателя, ни пробудить его нравственнаго чувства. Идеалы потускнѣли, тенденціи обезцвѣтились, сѣзулись, вмѣсто прежней энергіи—уныніе и апатія, вмѣсто прежней „горы двигающей вѣры“,—вялый индифферентизмъ, для котораго хоть трава не рости. Традиціи минувшаго, быть можетъ, не исчезли въ обществѣ вовсе, но исчезъ духъ, когда то оживотворявшій русскую литературу, или, говоря прекрасными стихами Беранже

Любовь, какъ пѣсня рая,
Живетъ въ сердцахъ, но смыслъ ея пропалъ....
Нѣтъ божества, стоитъ лишь пьедесталь,
И грязь на немъ наплывла вѣковая!

Таковы факты. Они, какъ явленія, очень печальны, но какъ факты не подлежатъ, къ несчастію, никакому сомнѣнію. Фактъ безжизненности и маловліятельности литературы, начиная съ 63 года, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. На него указывало общество, о немъ единодушно свидѣтельствовала и сама литература. Лучшіе литераторы перестали писать, одни поневолѣ, другіе по совѣсти, не имѣя возможности писать такъ, какъ бы хотѣлось. Цензура дебоширствовала безъ всякой церемоніи и стѣсненія, какъ палачъ. Къ тому же съ этого времени явилось въ литературѣ и раздвоеніе. Сначала это раздвоеніе походило на раздѣленіе труда въ одномъ и томъ же дѣлѣ, на распредѣленіе ролей; впоследствии это раздвоеніе вызвало массу пререканій, инсинуацій, ввело въ литературу страсти и нежелательные элементы, вслѣдствіе чего общая работа литературы на пользу духовнаго роста народа—ослабѣла. И говорю о западничествѣ и народничествѣ въ русской литературѣ.

Западники думали, что народъ растетъ и мужаетъ, знакомясь съ жизнью другихъ народовъ, заимствуя отъ нихъ взгляды, нравы, познанія, обогащаясь всею суммою общечеловѣческаго опыта. Благоразумно приспособляя къ своей жизни все, что далъ опытъ чужихъ народовъ — народъ идетъ впередъ правильнымъ и прочнымъ путемъ.

Народники полагали, что народъ можетъ расти и мужаться только подъ условіемъ своихъ собственныхъ природныхъ свойствъ, своего органическаго духовнаго типа.

Оба эти направленія были одинаково почтенны, одинаково разумны, но то, что отличается логикою и опредѣленностью въ области сужденія, на практикѣ, смѣшиваясь съ разными политическими тенденціями и недобросовѣстностью, съ завистью и съ другими нежелательными и часто не чистоплотными элементами, затемняется, въ силу чего представители одного направленія стали въ враждебное отношеніе къ представителямъ другаго направленія, возгорѣлась

война, въ которой западниковъ обвиняли въ измѣнѣ русскому дѣлу, русской народности, а народниковъ въ ретроградствѣ и невѣжествѣ.

Мы, поляки, симпатіями своими были на сторонѣ западниковъ и выражали это открыто при каждомъ удобномъ случаѣ и, вѣроятно, поэтому литературные органы съ западническимъ направленіемъ получили отъ народниковъ кличку, въ то время не совсѣмъ лестную, а по крайней мѣрѣ дискредитирующую въ глазахъ большинства русскаго общества „полякующихъ“. Органы этого направленія, относясь ко всему справедливо, безъ предвзятыхъ тенденцій и съ большимъ знаніемъ дѣла относились и къ польскому вопросу добросовѣстнѣе, а къ полякамъ человѣчнѣе и брани отъ нихъ, такъ часто допускаемой органами народниковъ, мы отъ западниковъ никогда не слышали.

Выразителемъ западнаго направленія была по преимуществу петербургская пресса. Московская школа литературы сдѣлалась представительницей и выразительницей сознанія русской народности, но, воспользовавшись польскимъ возстаніемъ и другими политическими обстоятельствами, а также смутю, начавшеюся съ 63 года, выработала такой ярый національный оптимизмъ, который, къ несчастью, составляетъ роковое свойство этого направленія, продолжающееся, въ меньшей, конечно, степени и съ ничтожнымъ вліяніемъ и по настоящее время. Гонясь за популярностью и—что еще хуже—за наживой, льстиво подлаживаясь сильнымъ міра сего, а также—подъ слабости массы, ребячески утѣшая ея самолюбіе и лицемерно напѣвая ей въ уши о ея мнимой силѣ, совершенно исказило народные идеалы, поселило рознь въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, а въ массѣ развило самоослѣпленіе и самохвальство, способствуя увѣковѣченію національныхъ слабостей и недостатковъ.

Было бы, съ моей стороны, несправедливо и, по меньшей мѣрѣ, опрометчиво унижать заслуги всей народнической русской прессы. Я говорю только о той, имѣвшей въ свое время огромное вліяніе, которая все прикидывала на базарнымъ вѣсахъ ихъ торговой выгоды или невыгоды и даже изъ ненависти дѣлала себѣ барыши.

Да простятъ меня читатели, что я такъ часто касаюсь польскаго вопроса. Но какъ не задать вопроса наболѣвшему сердцу, чѣмъ объяснить, напримѣръ, ту ненависть, то озлобленіе, которыми дышали всѣ статьи въ большинствѣ народническихъ органовъ, противъ поляковъ и Польши. Для этого не было даже политическихъ причинъ, такъ какъ противникъ былъ уничтоженъ и не могъ уже защищаться. Неужели имъ хотѣлось, чтобы поляки молили о пощадѣ? Но этого, слава Богу, они не дождались!

Такимъ озлобленіемъ и ненавистью были заражены, въ то время, даже лучшіе русскіе люди.

Я лично и хорошо зналъ еще съ 1859 года И. И. Лажечникова—этого добродушнаго и умнаго старика, „Ледянымъ домомъ“ и „Новикомъ“ котораго мы такъ восхищались еще на школьной скамьѣ. Бывать на его воскресныхъ вечернихъ собраніяхъ для меня было просто наслажденіемъ; Лажечниковъ любилъ говорить и говорилъ очень интересно. Его рассказы представляли живую лѣтопись литературы, онъ былъ свидѣтелемъ отдаленнаго прошлаго; онъ лично зналъ Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Мицкевича, во время пребыванія послѣдняго въ Москвѣ и др., и во всѣхъ его взглядахъ чувствовались традиціи сороковыхъ годовъ. Поэтому, всѣ были изумлены, когда въ 1867 году появилась въ печати его повѣсть „Внучка панцырнаго боярина“. Вся эта повѣсть была сплошная сказка на фонѣ жизни польскаго общества въ Москвѣ. При этомъ Лажечниковъ не постѣснялся и дѣйствующими лицами въ повѣсти вывелъ нѣкоторыхъ поляковъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ, замѣнивъ лишь одну букву въ ихъ фамиліяхъ, выставляя ихъ не только опасными людьми въ политическомъ отношеніи, но негодяями и мошенниками. Послѣдствіемъ сего было, что нѣсколько лицъ, заподозрѣнныхъ администраціей по сходству фамилій, были арестованы и высланы изъ Москвы. Такъ доктора Гудвиловича, котораго подозрѣвали, что онъ фигурируетъ въ повѣсти подъ фамиліей Людвиговича—сослали въ Колу.

Встрѣтивъ однажды И. И. Лажечникова, я скромно и вѣжливо обратилъ его вниманіе на то, что ему не слѣдовало бы писать повѣстей вроде „Внучки панцырнаго боярина“, онъ мнѣ съ добродушной улыбкой отвѣтилъ: „Правда, мой дорогой, правда, но что подѣлаешь, когда вы, поляки, нынче у насъ въ такой модѣ, а наша пресса такъ ошалѣла, преслѣдуя васъ, что, если не будешь писать повѣстей вроде „Внучки“, ничего не заработаешь. Зла же я никому сдѣлать не хотѣлъ“. И. И. Лажечниковъ никогда фанатикомъ не былъ и потому его объясненіе слѣдуетъ считать правдивымъ.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, кажется, въ 1868 году, была напечатана повѣсть, какихъ въ этомъ журналѣ было почти въ каждомъ номерѣ, на тему польскихъ интригъ и польскаго коварства. Дѣйствіе происходитъ отчасти въ Польшѣ, отчасти въ одномъ приволжскомъ городѣ, котораго авторъ, хотя не называетъ по имени, но по намекамъ можно безошибочно догадываться, что это г. Саратовъ. Тутъ уже дѣло не ограничивается Людвиговичемъ, а въ интригѣ, коварствѣ и даже въ измѣнѣ въ пользу „польской sprawy“ фигурируютъ губернаторъ Барановскій съ семействомъ, губернскій жандармскій начальникъ и всѣ, кто только носилъ польскую фамилію. Повѣсть написана смѣло, бойко и не безъ таланта. Авторомъ повѣсти, подписавшимъ свою фамилію полностью, былъ бывшій мой сосѣдъ по но-

меру въ мебелированныхъ комнатахъ у Чистыхъ Прудовъ, до того времени, совсѣмъ не занимавшійся польскимъ вопросомъ.

При первомъ удобномъ случаѣ я отправился къ нему, чтобы разъяснить эту поразившую меня метаморфозу. Квартира прекрасная, мебельровка и обстановка блестящая, самъ сіяетъ. Принялъ меня покровительственно, съ оттѣнкомъ государственнаго дѣятеля. Лишь только я намекнулъ на его повѣсть, онъ торжественно, смотря мнѣ смѣло въ глаза, сказалъ: „Да, милостивый государь, въ этихъ разоблаченіяхъ мое призваніе, тутъ я брата роднаго не пощажу“. Когда же я ему сказалъ, какъ онъ можетъ писать такія повѣсти, когда мнѣ извѣстно, что онъ польскимъ вопросомъ не только серьезно, но даже поверхностно никогда не занимался, онъ мнѣ, улыбаясь, сказалъ: „Въ этомъ нѣтъ никакой надобности. У насъ въ редакціи имѣется цѣлый архивъ всевозможныхъ доносовъ. Выбирай, что тебѣ вздумается и пиши, чѣмъ хуже будетъ для поляковъ, тѣмъ лучше для автора. Каткова хлѣбомъ не корми, а такія повѣсти, какъ послѣдняя моя—ему подавай. И хвалить будетъ и деньги платить. Безпокоиться же о томъ, на сколько въ этихъ разоблаченіяхъ будетъ правды—никто объ этомъ не заботится, не то время—всѣ и на слово повѣрять. Впрочемъ, на полякахъ нынче не только „Русскій Вѣстникъ“, но много другихъ журналовъ выѣзжаютъ“. Всѣмъ извѣстенъ такой фактъ, когда одинъ издатель просилъ у Каткова дать ему совѣтъ, какимъ способомъ увеличить число подписчиковъ на его изданіе, онъ ему сказалъ: „побольше ругайте поляковъ и успѣхъ вашей газеты обезпеченъ“. Вотъ какое это было гнусное время! Между тѣмъ я лично видѣлъ подлинное письмо М. Н. Каткова къ Безобразову, въ которомъ онъ проситъ послѣдняго пріискать ему репетитора для его сына „изъ студентовъ поляковъ“, такъ какъ они „въ стократъ добросовѣстнѣе“ исполняютъ свои обязанности, „чѣмъ наши русскіе“. Это очень характерный фактъ, доказывающій, до какой степени Катковъ заботился о своихъ выгодахъ, если ему это удобно было.

Къ лагерю народниковъ принадлежали и славянофилы, и поэтому мнѣ вторично придется сказать нѣсколько словъ о нихъ. Славянофилы также вели борьбу съ западниками, но съ тою разницею, что борьба эта была обоюдно безкорыстная, не полицейская, борьба философскихъ началъ, научныхъ взглядовъ, литературныхъ и гражданскихъ идеаловъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ личныя, временныя и партійныя увлеченія, весь, такъ сказать, мистическій и лирический элементъ славянофильства, нельзя не признать, что онъ глубоко повлиялъ на ходъ русской научной и общественной мысли и на отношенія русскаго общества къ народу. Славянофилы первые водрузили въ русской литературѣ знамя русской народности, они первые обра-

тили русскіе умы и таланты на глубокое и всестороннее изученіе всего русскаго. Славянофилы ошибались во многихъ взглядахъ своихъ, во многихъ средствахъ, но въ этой основной идеѣ своей славянофильство было исполнено самой плодотворной правды. И потому пенять на славянофиловъ никто права не имѣеть. Это были люди убѣжденные!

Кромѣ народниковъ и западниковъ со второй половины шестидесятыхъ годовъ развился еще особый типъ литературы, такъ называемый обличительный, получившій огромное развитіе, подчасъ доходившее до безобразія. Всѣ обличали и оптомъ и въ розницу, и въ толстыхъ журналахъ, и въ „Развлеченіи“, и въ „Искрѣ“, не стѣсняясь даже подписываться подъ обличительными статьями. Каждый, по примѣру Добчинскаго, хотѣлъ заявить о себѣ, что вотъ, молъ, есть на свѣтѣ и такой-то... и втайнѣ скорбѣли и недоумѣвали, почему нельзя прибавить къ подписанной фамиліи чинъ и даже слово „кавалеръ“. Обличителями являлась и учащаяся молодежь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ развѣ одного воспитательнаго дома.

IV.

Переѣзжа мои отношенія къ товарищамъ. — Тяжелая служба въ Москвѣ. — Преступники, содержавшіеся въ Бутырской тюрьмѣ. — Лавровъ. — Фальшивая продажа за 50 тысячъ генераль-губернаторскаго дома англійскому спидникату. — Ограбленіе на 390 тысячъ на Рогожскомъ кладбищѣ. — Преображенская тюрьма и больница для сумасшедшихъ. — Московскій пророкъ Иванъ Яковлевичъ. — Стремленіе военныхъ въ высшія спеціальныя заведенія. — Организація земствъ и кружковъ. — „Свободная любовь“ и „гражданскіе браки“. — Вліяніе семинаристовъ на молодежь. — Неришество въ костюмахъ студентовъ и учащихся женщинъ. — Грубость въ обхожденіи. — Сходки. — Студенты-поляки въ Московскомъ университетѣ. — Постановленіе группы польскихъ студентовъ во время безпорядковъ въ 1861 году. — Союзъ свободнаго русскаго и польскаго народа. — Польскія надежды. — Вечернее собраніе у московской барыни А., сотрудницы „Колокола“ и „Полярной Звѣзды“. — Людвигъ Жвирядовскій. — Впечатленіе этого вечера. — TeKa Wilenska. — Новые люди. — Попытка вооруженнаго возстанія на Волгѣ. — Инициаторы этого проекта. — Политическая программа русскихъ и поляковъ въ 1820 году.

Мои отношенія къ товарищамъ полка и къ тому кружку офицеровъ, съ которыми я былъ ближе и съ которыми въ Мугомѣ мы составляли почти одну семью, совсѣмъ измѣнились, когда мы перешли въ Москву. Въ Москвѣ мы видѣлись между собою очень рѣдко, разъ потому, что квартировали одинъ отъ другаго далеко, и каждый оба-

велся своимъ кружкомъ знакомыхъ, а затѣмъ, и это главное,—всѣ были заняты службой, не то что въ Муромѣ, гдѣ службой мы со-всѣмъ обременены не были. Одни караулы въ Москвѣ—чего стоили! Ежедневно цѣлый почти полкъ выступалъ въ караулъ, а для исполненія караульной службы стояла въ Москвѣ только одна пѣхотная дивизія, такъ что приходилось каждый четвертый день вступать въ караулъ, что было особенно трудно зимою. Въ теченіе цѣлыхъ сутокъ приходилось сидѣть въ душевой караульной комнатѣ, не снимая теплаго пальто и аммуниціи, такъ какъ дѣлать этого не разрѣшалось, да на это и времени не было, тѣмъ болѣе, что каждую минуту можно было ожидать или пріѣзда дежурнаго по карауламъ, или коменданта, или прѣзда мимо гауптвахты какого-либо генерала, для встрѣчи котораго, по звонку, долженъ былъ выходить весь караулъ, съ офицеромъ. кромѣ часовыхъ, для отданія воинской чести. Теперь, кажется, порядка этого не существуетъ, да онъ дѣйствительно былъ лишній. Эти частыя выбѣганія изъ душевой комнаты на холодный воздухъ способствовали простудѣ, и бывали случаи, что это кончалось смертью. Тогда, впрочемъ, на военного человѣка, смотрѣли, что онъ простуживаться не имѣлъ права. На смотрахъ, на парадахъ при 25" морозѣ войска стояли безъ движенія по нѣсколько часовъ въ однихъ лишь мундирахъ, кромѣ того, были такіе караульные посты, гдѣ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ нельзя было уснуть ни на одну минуту, какъ, напримѣръ, въ тюрьмахъ. Въ тюрьмѣ у Бутырской заставы, особенно въ дни пересылки арестантовъ, когда ихъ скоплялось, особенно съ 1861 г.—съ начала демонстрацій въ Польшѣ и Литвѣ, до трехъ тысячъ человѣкъ, приходилось цѣлыя сутки быть на ногахъ. На обязанности караульнаго офицера лежало, кромѣ надзора за порядкомъ и постами присутствовать при заковкѣ, при клейменіи (въ то время бродягъ и не помнящихъ родства еще клеймили), къ тому же вѣчный звонъ цѣпей, брань, плачь дѣтей и женщинъ,—все это до такой степени раздражало нервы, что я, послѣ проведенныхъ такимъ образомъ сутокъ, всегда былъ боленъ.

Въ мое время были чрезвычайно интересны типы арестантовъ. Кромѣ Ланцова, о которомъ я вспоминалъ, вѣчно содержавшагося въ Пугачевской башнѣ, сырой, холодной и темной, закованнаго въ кандалахъ, долгое время сидѣлъ въ тюрьмѣ нѣкто Лавровъ, дворянинъ. человѣкъ представительный и образованный; этотъ Лавровъ ухитрился на большую сумму продать разнымъ лицамъ мѣдныя опилки за золотыя, а также три какихъ-то ловкача, Петровъ, Евтихievъ и Соболевъ, которые сдумали продать какому-то англійскому синдикату и получить по нотаріальному акту 50 тысячъ въ задатокъ — генераль-губернаторскій домъ въ Москвѣ съ мебелью и со всѣмъ му-

ществомъ, при чемъ исхлопотали разрѣшеніе генераль-губернатора Офросимова, подъ предлогомъ осмотра дома какими-то знатными туристами, осмотрѣть домъ. Нотаріусъ, инженеры и другіе необходимые люди при этой операціи—всѣ были подставные.

Содержалась тоже цѣлая команда жандармовъ, съ офицеромъ, унтеръ-офицерами и рядовыми, которые, являсь съ предписаніемъ отъ генераль-губернатора въ правленіе Рогожскаго Старообрядческаго кладбища, произвели обыскъ по подозрѣнію въ поддѣлкѣ фальшивыхъ денегъ, опечатали всѣ сундуки и захватили триста восемьдесятъ тысячъ руб. Когда на другой день явились къ генераль-губернатору члены правленія, дѣло выяснилось и вскорѣ всю эту сыскную команду арестовали. Изъ числа 380 тысячъ возвращены были 325 тысячъ, остальная сумма такъ и пропала безслѣдно.

Не менѣе тяжело было караулить и въ Калымажныхъ казармахъ, тюрьмѣ, предназначенной для пересыльныхъ поляковъ во время польскаго возстанія. Ихъ прибывало ежедневно такое множество, что то и дѣло приходилось принимать, сортировать, размѣщать, такъ что и офицеръ и солдаты къ вечеру уже были буквально безъ ногъ.

Я помню, какую необычайную тревогу произвелъ въ Москвѣ побѣгъ изъ Калымажныхъ казармъ Ярослава Домбровскаго, завѣдывающаго военною частью народнаго фонда. Особенно злился Катковъ, когда Домбровскій прислалъ ему письмо изъ Копенгагена, и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Катковъ обвинялъ все начальство Калымажной тюрьмы въ способствованіи этому побѣгу. Бѣжалъ Домбровскій во время караула поручика Эльриха, и мнѣ извѣстно, что Эльрихъ въ побѣгѣ никакого участія не принималъ. Эльрихъ былъ офицеръ въ высшей степени честный и по службѣ исполнительный. Домбровскій добрался до Парижа, во время франко-прусской войны командовалъ вольными стрѣлками, затѣмъ принялъ начальство надъ войсками коммуны противъ версальцевъ, и въ одной изъ битвъ погибъ на баррикадахъ. До польскаго возстанія Домбровскій служилъ въ рядахъ русской арміи на Кавказѣ. Я зналъ его очень хорошо, такъ какъ онъ воспитывался въ одномъ со мною корпусѣ.

Легче всего было караулить въ Преображенской тюрьмѣ, гдѣ, какъ я сообщалъ выше, содержались исключительно старообрядцы, и гдѣ въ особомъ отдѣленіи для умалишенныхъ имѣлъ свой пріютъ знаменитый московскій „пророкъ“ Иванъ Яковлевичъ Корейша, о которомъ для характеристики того времени необходимо сказать нѣсколько словъ.

Съ увѣренностью можно сказать, что не существовало въ Россіи, въ то время, ни одного города, а, пожалуй, ни одной деревни, а въ Москвѣ ни одной улицы, ни одного переулка, гдѣ бы не знали и гдѣ

бы не вѣрили въ пророческую силу Ивана Яковлевича. Ежедневно съ девяти часовъ до четырехъ не только простонародье, не только купечество, но даже интеллигенція и духовенство въ каретахъ, коляскахъ и пѣшкомъ толпами являлись въ больницу для поклоненія Ивану Яковлевичу. Говоря правду, мы, поляки, не далеко отстали въ суевѣріи отъ русскихъ; но то, что было въ Москвѣ съ этимъ „пророкомъ“, превосходило всякую мѣру. У Ивана Яковлевича было столько кліентовъ, что тѣми подаваніями, которыя поступали ежедневно отъ посѣтителей въ пользу его, которыхъ онъ, какъ подобало „пророку“, себѣ не присваивалъ, содержался обширный домъ умалишенныхъ. Разсказывали съ полной вѣрой, что пророчества Ивана Яковлевича исполнялись всегда, и что не было человѣка, который ушелъ бы отъ него, не получивъ удовлетворенія и успокоенія. Я неоднократно изъ любопытства, будучи въ караулѣ, бывалъ у Ивана Яковлевича. Обширная комната, занимаемая Иваномъ Яковлевичемъ въ домѣ умалишенныхъ, была вся сверху до низу уставлена иконами въ золоченыхъ и серебряныхъ ризахъ, — все приношенія вѣрующихъ, со множествомъ лампадъ, горѣвшихъ днемъ и ночью, и походила болѣе на часовню, чѣмъ на комнату больного. На полу, на соломенномъ грязномъ тюфякѣ, въ клѣтчатомъ халатѣ, много лѣтъ разбитый параличемъ, лежалъ этотъ, по общему убѣжденію „святой угодникъ“. Когда я въ первый разъ увидалъ Ивана Яковлевича, въ 1861 году ему было около 60 лѣтъ. Его худое осунувшееся лицо, мертвенная, землистая блѣдность, которая обыкновенно характеризуетъ людей, изстрадавшихся тяжелыми недугами, голова большая, совершенно лысая, бороды не было, но на щекахъ и на подбородкѣ торчала полусѣдая короткая щетина, что придавало его лицу неряшливый и отталкивающий видъ. При каждомъ движеніи его сухой, тонкой шеи на ней образовывались сухожилья, точно на лапѣ мертвой курицы, сухія и худыя руки безсильно лежали вдоль тѣла. Его темные глаза все время перебѣгали съ одного предмета на другой, не останавливаясь ни на мгновеніе, въ нихъ дѣйствительно крылось выраженіе какой-то таинственности. На всѣ вопросы, которые ему задавали посѣтители, обыкновенно въ такой формѣ: „рабъ божій (слѣдуетъ имя) просить (излагается просьба)“, — Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ или въ мистическихъ, или въ кабалистическихъ изреченіяхъ, но всегда загадочно, при чемъ употреблялъ языки: русскій, польскій и латинскій. До своего прибытія въ Москву Иванъ Яковлевичъ проживалъ въ Смоленскѣ, гдѣ учился въ духовной семинаріи; этимъ объясняли знаніе языковъ, — польскаго и латинскаго. На нѣкоторые вопросы онъ ничего не отвѣчалъ и только задумчиво и пристально смотрѣлъ на „раба божія“. Иванъ Яковлевичъ говорилъ низкимъ, глухимъ голо-

сомъ со вздохами и охами, однимъ изъ тѣхъ голосовъ, которые заставляютъ трепетать душу суетѣрныхъ людей.

На меня И. Я. производилъ впечатлѣніе совершенно разслабленнаго идіота, и это впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что его содержали въ домѣ умалишенныхъ крайне неопытно, хотя при немъ и днемъ и ночью находилась монахиня, но она плохо смотрѣла за чистотою около больного, а ограничивала свои занятія тѣмъ, что читала псалтырь такимъ однообразнымъ, заунывнымъ голосомъ, какъ будто читала отходную. Была ли это дѣйствительно монахиня или добровольная черница, которыхъ, въ то время, можно было встрѣтить въ Москвѣ на каждомъ шагу, я не допытывался. Кормили И. Я. при посѣтителяхъ, ѣлъ онъ руками и крайне нечистоплотно. Я былъ свидѣтелемъ такого случая. Одной очень изящной, но вѣрующей въ него дамѣ онъ предложилъ раздѣлить съ нимъ его трапезу. Прикрывъ деревянную миску съ какимъ-то варевомъ, своимъ грязнымъ носовымъ платкомъ, онъ потребовалъ, чтобы она пила изъ этой миски черезъ платокъ, и та требованіе это съ особымъ священнодѣйствіемъ исполнила и была счастлива этимъ особымъ отличіемъ.

Вообще, посѣтители, повинувшись вліянію суетѣрной силы, часто имѣющей могущественное вліяніе на людей, являлись съ какой-то тревогой. На всѣхъ лицахъ отразилась глубокая вѣра и благоговѣніе, всѣ крестились, многіе плакали. Каждому слову И. Я. вѣрили, какъ слову пророка, и истолковывали ихъ въ удобномъ для себя смыслѣ. Напримѣръ, на мой вопросъ, что ожидаетъ меня въ жизни, онъ громко крикнулъ: „тра-та, тра-та-та“. Бывшій при этомъ какой-то старикъ, вдобавокъ со звѣздой, объяснилъ мнѣ, что это надо понимать такимъ образомъ: „что я буду на войнѣ и пріобрѣту славу“. На войнѣ я былъ, но славы не пріобрѣлъ.

Я съ умысломъ нѣсколько дольше остановился на Иванѣ Яковлевичѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что Иванъ Яковлевичъ былъ такой выдающейся силой не только въ Москвѣ, но далеко за Москвою, что безъ его пророческихъ совѣтовъ безусловно ничего не дѣлалось, не только среди простаго народа, не только среди купечества, но даже въ обширныхъ слояхъ интеллигенціи. Само собою разумѣется, что такое суетѣріе могло имѣть только отрицательные результаты на народъ и общество.

Изъ моей караульной службы мнѣ припомнился слѣдующій неприятный для меня случай. Я стоялъ въ караулѣ на одной изъ дворцовыхъ гауптвахтъ, у Боровицкихъ воротъ. Часть дворца, въ которыхъ помѣщалась кордегардія гауптвахты, примыкала къ Грановитой палатѣ. Разсказывали, что въ помѣщеніи этомъ проживалъ отецъ Марины Мпишекъ. Правда ли это, я не знаю, но тѣмъ не менѣе, пре-

даніями. исторіей, а кто знаетъ, можетъ быть, и кровью, вѣяло подъ этими мрачными сводами. Помѣщеніе для солдатъ было темно, стѣны покрыты плѣсенью, сыростью и копотью, воздухъ былъ пропитанъ табачнымъ дымомъ махорки. Офицерская комната выглядѣла нѣсколько чище и свѣтлѣе, на темномъ фонѣ стѣпъ виднѣлись болѣе или менѣе явственно надписи; стекла оконъ тоже испещрены были узорами. Строфы Пушкина, Лермонтова, Фета, самодѣльные вирши какого-нибудь военнаго поэта, таинственныя числа, имена Надя, Оля, Берта...

Мучительно тоскливо прошелъ для меня день въ постоянномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ раздастся порывистый, горячешный ударъ караульнаго колокола, и надо бѣжать, надо командовать: „шагай на караулъ“. Наступилъ вечеръ, па дворѣ снѣжная вьюга, въ комнатѣ холодно, ни раздѣться, ни отдохнуть. Я приказалъ вѣстовому затопить печку и подавать самоваръ. Шипить пузатенькій самоварчикъ, весело играютъ огненные языки въ печи и пріятная теплота разливается по тѣлу. Въ ожиданіи, пока будетъ готовъ чай, я прилегъ на диванѣ и погрузился въ думу. Много, очень много приходитъ въ голову мыслей человѣку, когда онъ одиноко сидитъ въ караульной комнатѣ, особенно въ вечерній часъ. Въ этомъ положеніи смертный кажется какъ будто отрѣшеннымъ отъ міра и изолированнымъ. Какъ долго я промечталъ, я не знаю, но, наконецъ, уснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, и такъ проспалъ до утра въ ватномъ пальто и въ аммуниціи. Вдругъ слышу звонъ караульнаго колокола, встаю, бѣгу, путаюсь за ножны сабли, спотыкаюсь и о, ужасъ! въ ножнахъ нѣтъ клинка, кэпи мое куда-то пропало. Безъ сабли и безъ кэпи выскакиваю на платцформу, вижу: солдаты стоятъ во фронтѣ и кто-то ими командуетъ. Подхожу къ правому флангу, на моемъ мѣстѣ стоитъ московскій комендантъ, генералъ баронъ Саморуго и салютуетъ моей саблей. Я былъ офицеръ исполнительный, и вы, читатель, можете себя представить мой конфузъ и мое безвыходное положеніе. Благодаря доброму и снисходительному генералу Саморуго я поплатился за это только трехдневнымъ арестомъ. Въ приказѣ по комендантству не были даже подробно изложены причины моего ареста, а сказано глухо: „за обнаруженный безпорядокъ по караулу“. Въ то строгое время, будь другой комендантъ, меня отдали бы подъ судъ.

Неудачи, хищенія и безобразія Крымской войны низвели военныхъ съ прежняго пьедестала, на которомъ они долго покоились. Это чувствовали всѣ, и потому, очень много военныхъ, особенно молодыхъ, покидали военную службу и пристраивались то тамъ, то сямъ. Не имѣя, однако, никакой солидной подготовки для какого-либо другаго дѣла, кромѣ военной службы, они почти поголовно кинулись учиться. Стали посѣщать спеціальныя заведенія: технологическій институтъ,

институтъ путей сообщенія и особенно много поступали вольнослушателями—или въ университеты, не оставляя, если это удавалось, военной службы. Было ли разрѣшено поступать въ университетъ, я этого сказать не могу, но начальство не только не препятствовало, но какъ будто поощряло. По крайней мѣрѣ, такъ было въ Москвѣ, и я помню, что на лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ, особенно на юридическомъ и физико-математическомъ факультетахъ, особенно на послѣднемъ, было гораздо больше военныхъ, чѣмъ студентовъ. И я не скажу, чтобы это было только увлеченіе новизною, большинство занимались серьезно, и, когда послѣ студенческихъ безпорядковъ въ 1861—1862 годахъ, воспрещено было офицерамъ посѣщать университеты, многіе вышли въ отставку и продолжали факультетскія занятія, окончивъ затѣмъ курсъ.

Съ этихъ поръ начинается сближеніе военной молодежи съ учащеюся молодежью высшихъ учебныхъ заведеній, что послужило къ развитію среди военныхъ интереса къ общественной жизни и болѣе либеральныхъ взглядовъ, чѣмъ это было раньше, и мало-по-малу изгладило антагонизмъ, существующій между военнымъ и другими сословіями. Офицеры стали писать въ газетахъ и журналахъ, заниматься общественными дѣлами, и даже издавать журналы и газеты. „Военный Сборникъ“ того времени можетъ служить образцомъ свободомыслящаго и гуманнаго направленія въ военныхъ сферахъ.

Такое сближеніе и солидарность молодежи имѣли то послѣдствіе, что молодежь начала пріобрѣтать громадное вліяніе среди новыхъ условій жизни, особенно въ столицахъ. Приливъ же молодежи въ столицы, особенно въ Москву, сталъ необыкновенный. Одинъ членъ семейства попадалъ въ Москву или въ Петербургъ и всѣ его, не только братья, но и сестры, хотя бы пѣшкомъ, добирались до Москвы, или до Петербурга съ цѣлью учиться. Алчущихъ и жаждающихъ образованія было много, между тѣмъ, мѣстъ, гдѣ можно было бы учиться, почти не было. Женщины, чуть не поголовно, поступали на акушерскіе курсы, существовавшіе, въ то время, только при воспитательномъ домѣ, такъ какъ это былъ единственно практическій выходъ, единственное доступное женщинѣ дѣло.

Женщину давила пустота ея жизни, ей было противно считать себя только самкой, она хотѣла самостоятельной жизни, самостоятельнаго дѣла, работы и труда. Въ этой массѣ молодежи, скопляющейся въ столицахъ, бѣдняковъ, конечно, было много больше, чѣмъ людей со средствами. Чтобы помочь другъ другу, организовались землячества, всевозможныя кассы, общія квартиры, дешевыя столовыя, нейтральныя комнаты и тому подобныя ассоціаціи. Учащаяся женщина была допущена во всѣ эти ассоціаціи на равныхъ правахъ

съ мужчинами. Все это въ теоріи было хорошо, во всемъ этомъ были задатки самыя чистыя, самыя возвышенныя, но, къ несчастію, незнакомство съ практическою жизнью, идеализація, стремленіе къ болѣе воображаемому, чѣмъ къ дѣйствительному—составляютъ одну изъ главныхъ причинъ человѣческихъ бѣдствій.

Въ этомъ хаосѣ людей съ неустойчивыми взглядами, разнаго воспитанія и происхожденія и часто съ необлагороженными инстинктами начали проявляться присущіе человѣку пороки, тѣмъ болѣе опасныя, что они прикрывались соблазнительными именами: свободы, равенства, „свободной любви“, гражданскаго брака и т. п. Женщина больше всѣхъ платилась за свои попытки учиться и пріобщиться къ новой свободной жизни.

Надо отдать, однако, справедливость, что русская женщина, отдавшись съ особенной страстью чувству свободы, выказала гораздо больше энергіи, чѣмъ мужчина въ осуществленіи разныхъ порывовъ проснувшейся и разыгравшейся общественной фантазіи. Если она погибала, то, благодаря только своему увлеченію и тѣмъ дурно воспитаннымъ и нечестнымъ молодымъ людямъ, которые рисуя молодой дѣвушкѣ картины иной свободной жизни, призывая ее на работу, на трудъ, отуманивая экзальтированную голову красивыми фразами, имѣли гнусную и развратную цѣль.

Я знакомъ былъ близко съ этимъ движеніемъ, и русская женщина оставила во мнѣ чувство глубокаго къ себѣ уваженія и симпатіи. Погибая, она искренно вѣрила, что приноситъ себя въ жертву свободной любви и никогда не теряла присущаго ей чувства стыдливости. Она сочеталась гражданскимъ бракомъ, считая его идеаломъ отношеній мужчины къ женщинѣ, родила дѣтей, и я не знаю такого случая, чтобы она ихъ бросала на произволъ судьбы. Брошенная мужчиной, страдая отъ бѣдности, она воспитывала дѣтей, какъ это ей ни было трудно. Словомъ, русская женщина съ честью оставила поле борьбы, когда миновало время увлеченій, и завоевала себѣ право на довѣріе общества неусыпнымъ трудомъ, самопожертвованіемъ и чистою идеаломъ, она выработала себѣ нервенствующее положеніе среди женщинъ всего цивилизованнаго міра. Да будетъ ей вѣчная честь и благодарность!

Я близко зналъ очень многихъ студентовъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ, послѣднихъ въ Московскомъ университетѣ было очень много. Проживая долгое время во Владимірской губерніи, я зналъ много студентовъ-владимірцевъ, былъ принятъ соучастникомъ въ ихъ землячества, посѣщалъ какъ польскія, такъ и русскія студенческія столовыя, общія квартиры, бывалъ на сходкахъ, былъ найщикомъ польскихъ и русскихъ студенческихъ библіотекъ, словомъ, съ жизнью

студентовъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ я былъ знакомъ очень хорошо.

Не изъ пристрастія, а по чистой совѣсти я долженъ сказать, что студенты-поляки и въ отношеніяхъ между собою и въ житейскомъ обиходѣ, и по своимъ вкусамъ и привычкамъ, по костюму и чистоплотности, несмотря на одинаковую бѣдность, стояли тогда выше своихъ товарищей, студентовъ русскихъ.

Нерящество среди большинства русскихъ студентовъ было поразительное. Опрятность считалась отсталостью, на нее могли обращать вниманіе только „бѣлоручки“, а истый студентъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть всегда такъ занятъ, что ему некогда было думать о подобныхъ пустякахъ. Бѣлое бѣлье считалось неудобнымъ, скоро грязнилось и часто мѣнять надо, цвѣтную рубашку можно было носить, пока не разлѣзется. Всѣ почти надѣли длинные смазные сапоги, кафтаны, поярковые шляпы съ длинными полями, по нѣскольку мѣсяцевъ не стриглись и, вдобавокъ ко всему, почти всѣ обзавелись толстыми суковатыми палками.

Въ подражаніе имъ и женщины, слушавшія акушерскіе курсы, или готовившіяся посвятить себя этому искусству, упростили свой костюмъ до чрезвычайности. Обрѣзали волосы, сняли всѣ юбки, облеклись въ черныя платья съ кожанымъ поясомъ. Близорукія стали носить очки. Я не скажу, чтобы это было не красиво, напротивъ, костюмъ такой шелъ ко многимъ, опъ дѣлалъ ихъ интересными и граціозными, но дѣло въ томъ, что все это у большинства было неопратно: ботинки не чищены, чулки грязные, платье измятое.

Большинство учащейся русской молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были дѣти мелкаго и бѣднаго дворянства, духовенства, мѣщанства и даже крестьяне, и первенствующую роль среди нихъ играли семинаристы, какъ молодежь самая даровитая и самая либеральная, но въ то же время самая невоспитанная. Поэтому, въ общемъ, обхожденіе среди студентовъ было можно сказать грубое, чуждое традиционнымъ общественнымъ приличіямъ и уваженію къ личности.

На всѣхъ сходкахъ русскихъ студентовъ говорилось много о свободѣ и во имя свободы, но все это было смутно и неясно. При этомъ всѣ, чуть не поголовно, объявились атеистами, особенно же студенты изъ семинаристовъ. Надъ храмомъ, надъ священниками, надъ обрядомъ, надъ молитвой посмѣивались и глумились. И случилось это очень скоро, такъ сразу, словно рубашку перемѣнили. Ни сомнѣній, ни борьбы.... Какъ будто до того не было у нихъ ничего зафѣтнаго. На мою душу все это ложилось очень скверно; я инстинктивно чувствовалъ, что такого рода движеніе среди русской молоде-

жи задавить идеальную сторону жизни и ограничить прогрессъ общества грубой мѣркою матеріальныхъ и животныхъ потребностей. Старыхъ традицій, старыхъ идеаловъ безнаказанно топтать нельзя!

Всѣ студенческія собранія, на которыхъ бывали не только студенты и студентки, а много офицеровъ и чиновниковъ, и молодыхъ и постарше, оканчивались обыкновенно легкой выпивкой и пѣніемъ народныхъ и циганскихъ пѣсенъ, входившихъ тогда въ большую моду.

Я всегда любилъ русскія пѣсни!... Когда я, живя въ центральной Россіи и на Волгѣ, слушалъ эти задушевные звуки русской пѣсни, мнѣ всегда припоминалась моя далекая родина на берегахъ Вислы. Днѣпра, Припяти, Нѣмана, Виліи. Какъ бы полякъ и русскій ни враждовали между собою, какъ бы ни старались ихъ разъединить—звуки народныхъ ихъ пѣсенъ будутъ вѣчно напоминать имъ о братствѣ. Есть въ нихъ общая душа! Но, увы! на студенческихъ сходкахъ эти пѣсни приводили меня въ отчаяніе. Пѣли, главнымъ образомъ, ради того, чтобы только орать, чтобы накричаться вдоволь до хрипоты, до осиплости.

Были, впрочемъ, кружки, гдѣ говорили тихо, спокойно и умно. Столько всякаго рода новыхъ идей, новыхъ воззрѣній и совершенно новыхъ словъ пришлось выслушать, такъ что къ концу споровъ въ головѣ все шло кругомъ. Видно было, что всѣ около чего-то вертятся, куда-то стремятся, но куда именно, есть ли какой-нибудь одинъ общій пунктъ, на который все это направляется—я усвоить себѣ не могъ. Въ этой путаницѣ понятій, въ этомъ правдоискательствѣ трудно было разобраться, кто что думаетъ и кому что нужно. Что меня особенно поражало въ этихъ спорахъ, это какая-то подвижность и неустойчивость во взглядахъ, всѣмъ казалось, какъ будто его взгляды не совсѣмъ еще либеральны. Всякій боялся, чтобы его не поймали стоящимъ на чемъ-нибудь слишкомъ твердо. Если кто и настаивалъ на своемъ, то дѣлалъ это слегка и такъ равнодушно, какъ будто хотѣлъ отстранить отъ себя подозрѣніе, что онъ придаетъ какую-нибудь особенную важность своимъ словамъ, какъ будто хотѣлъ дать почувствовать, что ему это все равно, что это совсѣмъ не главный его аргументъ и что съ какой-нибудь высшей точки зрѣнія онъ, пожалуй, готовъ и самъ наплевать на все то, что раньше защищалъ и за что ратовалъ. Всякій хотѣлъ, чтобы его мнѣніе было самое крайнее, самое либеральное.

Прежде, бывало, молодой человѣкъ съ либеральными взглядами, попадая въ общество солидныхъ людей, жметя, боится и лавируетъ, чтобы высказать свою мысль помягче, такъ, чтобы уже не слишкомъ шокировать и себя и общественное мнѣніе, а то вдругъ настало

время совершенно другое. Роли перемѣнились. Просто было смѣшно смотрѣть, какъ-какойнибудь сѣдой господинъ, чиновникъ-тузъ, въ кругу молодежи вертится, какъ на иглокахъ, поддакиваетъ, въ постоянной тревогѣ, чтобы его не отдѣляли, боится, чтобы противъ шерсти кому не пришлось..... А если какой-нибудь безбородый юноша отрѣжетъ какую-нибудь, даже уже черезчуръ либеральную штуку, смотришь: нашъ тузъ начинаетъ подлаживаться, что въ извѣстномъ смыслѣ и до нѣкоторой степени онъ самъ такъ думаетъ, но что, если смотрѣть съ другой точки, и принять во вниманіе то, да то.... или, что молодымъ людямъ свойственно увлеченіе, что ему это нравится, что онъ любитъ искренность, благородную прямоту и проч., и этимъ путемъ только отвиливалъ. Такъ молодежь постепенно стала во главѣ общественнаго мнѣнія и современныхъ взглядовъ. Подъ влияніемъ какихъ причинъ и идей эта руководящая роль выпала на ея долю, я объяснить не могу, но все, что я объ этомъ пишу, такъ дѣйствительно и было.

На двѣ слишкомъ тысячи студентовъ въ Московскомъ университетѣ было около восьмисотъ поляковъ. У польской женщины гораздо позже, чѣмъ у русской, явилась потребность къ эмансипаціи на почвѣ научнаго и профессиональнаго труда. Она занята была, въ описываемое мною время, другимъ дѣломъ; поэтому въ средѣ польскихъ студентовъ студентокъ-женщинъ не находилось. Польское общество эта эмансипація еще не прельщала. Въ формѣ одежды студенты-поляки никакихъ внѣшнихъ отличій не допускали и только, впоследствии, ближе къ возстанію 63 года начали носить чамарки. Среди польскаго студенчества объ атеизмѣ и рѣчи быть не можетъ; это была молодежь вѣрующая и, само собою разумѣется, глумленія надъ религіей, надъ обрядами въ ихъ обществѣ не допускалось. Между поляками дѣленія на землячества не было, они всѣ принадлежали къ одной общей группѣ и только въ видахъ удобства для сбора взносов на общественныя нужды и другихъ манипуляцій по взаимопомощи они дѣлились на кружки. Жили они группами по 8—10 человекъ, преимущественно на Грачевкѣ, Козихѣ и у Патріаршихъ врудовъ. Столовались въ общихъ столовыхъ за очень дешевую цѣну. Я нисколько не преувеличу и я увѣренъ, что это засвидѣтельствуютъ всѣ, кто былъ знакомъ съ бытомъ студентовъ того времени, что польскіе студенты вели себя трезво, нравственно и серьезно занимались наукой.

Въ то время, когда среди русскихъ студентовъ въ хаосѣ всяческихъ убѣжденій, отрипаній и правдоискательства трудно было доискаться чего-либо конкретнаго и опредѣленнаго, у студентовъ-поляковъ была ясная и великая идея—работать на пользу своей несчаст-

ной родины, своего общества. Они хорошо знали, для чего работали, приносили ли они этой своей работой пользу, или вред родинѣ, было ли это хорошо или дурно — этого вопроса я не касаюсь, а восстанавливаю лишь то, что было. Одно можно сказать, что они не путались въ своихъ взглядахъ.

Университетскую польскую молодежь обвиняли въ томъ, что она въ 1861 г. была рычагомъ и душою тогдашнихъ волненій въ университетахъ. Я близко былъ знакомъ съ тогдашнимъ движеніемъ въ Московскомъ университетѣ и утверждаю, что обвиненіе это не вѣрно. Не буду отрицать того факта, что либеральному движенію русской молодежи польская молодежь не могла не сочувствовать и всѣми зависящими отъ нея мѣрами такое движеніе поддерживала, такъ сказать, теоретически, но, имѣя во главѣ опытныхъ и солидныхъ руководителей, она до 1863 года была противна всякимъ волненіямъ и если часть польской молодежи тѣмъ не менѣе принимала въ нихъ участіе, то только потому, что того требовала товарищеская солидарность. И знаю, что въ теченіе августа и сентября 1861 года на всѣхъ сходкахъ польскихъ студентовъ было рѣшено не только не участвовать въ беспорядкахъ, но всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами препятствовать этому, какъ мѣрамъ, которыя не могли принести существенной пользы для дѣла. На одной изъ такихъ сходокъ, самой многочисленной, происходившей въ саду стараго университета, было постановлено и это постановленіе за подписью 500 человекъ сообщено русскимъ студентамъ, что студенты-поляки, вслѣдствіе тяжелаго положенія ихъ родины, не имѣютъ права ухудшать этого положенія и приносить жертвы для дѣла, которое въ результатѣ можетъ принести только вредъ для всѣхъ студентовъ и въ особенности для студентовъ-поляковъ. Постановленіе это было приобщено къ слѣдственному производству по университетскимъ беспорядкамъ 1861 года.

Несмотря на существованіе такого документа и въ официальныхъ сферахъ, и въ прессѣ, всю вину за беспорядки въ Московскомъ университетѣ, бывшіе въ сентябрѣ 1861 года, свалили на поляковъ, какъ на главныхъ зачинщиковъ.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что, когда революціонное движеніе въ Польшѣ приближалось къ роковой развязкѣ, польская университетская молодежь мало того, что охотно участвовала во всѣхъ беспорядкахъ студентовъ, но старалась направить ихъ въ смыслѣ проявленія симпатій русской молодежи къ Польшѣ. Это было тогда не трудно. Принципъ свободы, которымъ бредила въ то время вся русская не только молодежь, но и интеллигенція, имѣлъ въ виду не однихъ только русскихъ, но и всѣхъ безъ различія, а тѣмъ болѣе поляковъ. Въ средѣ русской и польской молодежи въ Москвѣ былъ

даже организованъ: „Союзъ свободнаго польскаго и русскаго народа“. Русскіе члены этого союза до того стали усердно проповѣдывать о братствѣ съ поляками, о необходимости совершенно освободить Польшу, какъ о нравственномъ долгѣ исправленія преступленія своихъ предковъ, что безусловно перешеголяли даже самихъ поляковъ. Намъ, конечно, оставалось благодарить ихъ за такія возвышенныя стремленія, но серьезнаго разсчета на эти симпатіи мы въ то время имѣть еще не могли.

Катковъ и другіе главари органовъ народнической печати обвиняли въ такомъ настроеніи и русской молодежи и интеллигенціи опять тѣхъ же поляковъ, которые, будучи твердо организованы въ одну стройную партію, умѣли ловко запутывать всѣхъ и раскидывать свои сѣти и въ администраціи, и въ полиціи, и во всѣхъ вліятельныхъ и интеллигентныхъ кругахъ.

Я не буду спорить, что такое всемогущее вліяніе поляки, благодаря своей организаціи, могли имѣть на полицію, администрацію и на нѣкоторыя русскія интеллигентныя сферы въ Польшѣ, въ Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ, а, пожалуй, даже въ Петербургѣ, гдѣ жили и служили очень много поляковъ, но спрашивается, какое вліяніе могли имѣть поляки въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ польской университетской молодежи—поляковъ интеллигентныхъ и вліятельныхъ людей было очень немного, развѣ изъ числа „бывшихъ“ поляковъ-ренегатовъ.

Когда хотять представить поляковъ, какъ опасную и вредную силу въ государствѣ, о нихъ говорятъ, какъ о людяхъ умныхъ, способныхъ, энергичныхъ и ловкихъ. Съ этимъ согласиться крайне лестно для насъ, но если это такъ, то неужели же эти умные люди могли основывать какія-нибудь надежды на помощь русскаго общества ихъ отечеству только на томъ основаніи, что оно заволновалось, засуетилось, что въ немъ явилось нѣкоторое, небывалое, впрочемъ, до сихъ поръ, одушевленіе, вслѣдствіе измѣненія и то крайне сомнительнаго нѣкоторыхъ сторонъ ихъ жизни, тѣмъ болѣе, что въ этихъ-то измѣненіяхъ своей собственной жизни они сами ровно никакого участія не принимали? Неужели для этихъ „умныхъ, энергичныхъ и ловкихъ“ поляковъ достаточно было, чтобы основать свои надежды, только потому, что повсюду раздавались громкія, либеральныя фразы о борьбѣ съ деспотизмомъ, чтобы повѣрить не только въ твердость, но въ длительность такого настроенія. Поляки прекрасно знали, что какъ быстро и неожиданно явился этотъ сумбуръ всевозможныхъ либеральныхъ вѣяній, такъ быстро эти вѣянія пройдутъ и наступитъ реакція. Такъ и случилось. И большинство свободомыслящихъ и либеральныхъ русскихъ въ 1861 году послѣ 1863 года сдѣлались самыми завзятыми и неисправимыми реакціонерами.

Несомнѣнно, время оживленія русскаго общества гуманными и либеральными теченіями было очень хорошее время, много добраго и честнаго сдѣлано въ этотъ короткій періодъ, но движеніе это было ненадежное, такъ какъ оно, кромѣ репрессивнаго воздѣйствія извнѣ, заключало въ себѣ много утопій, сразу много отрицаній и непрактическихъ бредней.

Незадолго до польскаго возстанія, мнѣ пришлось попасть на одно вечернее собраніе, которое устраивала, разъ въ недѣлю, у себя въ домѣ, одна богатая московская барыня г-жа А—ва. Это была очень красивая, не первой, впрочемъ, молодости, барыня, умная, образованная и передовая. Мужъ ея занималъ важную должность, но съ мужемъ она не жила. Говорили, что онъ разошелся съ нею оттого, что она была въ дружеской перепискѣ съ Герценомъ и сообщала въ его „Колоколъ“ разныя обличительныя свѣдѣнія, не щадя и того вѣдомства, которымъ управлялъ ея мужъ. Живя долгое время за границей, среди совершенно другихъ условій жизни, она приобрѣла новыя идеи и новыя взгляды на состояніе своей родины, и, какъ женщина энергичная и послѣдовательная, вернувшись въ Россію, начала въ этомъ направленіи работать, на столько, разумѣется, на сколько это позволяли окружающія условія. Кружокъ, который сформировался вокругъ нея, скромно назывался „Кружкомъ содѣйствія труду“. Задача кружка была довольно неопредѣленная и неясная, но зато поглощала праздное время, быть можетъ, въ безцѣльной, но добросовѣстной работѣ. Всѣ участники кружка обязались въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ сократить прислугу, уменьшить роскошь костюмовъ и, вообще, завести новые порядки для сокращенія расходовъ по дому и увеличить свой личный трудъ, а сбереженія, которыя окажутся отъ этой экономіи, ежемѣсячно вносить въ общую кассу на какое-либо полезное, общее дѣло. Повидимому, въ началѣ организаціи кружка никакими политическими цѣлями не задавались, но, въ то время, самая невинная въ основаніи цѣль какого-либо кружка, въ концѣ-концовъ, принимала отбѣнокъ политической. Такую, по крайней мѣрѣ, характеристику дала ему администрація, что имѣло очень много дурныхъ послѣдствій для г-жи А. Въ этотъ-то кружокъ на званый вечеръ понавѣ и я съ двумя моими хорошими знакомыми—капитаномъ генеральнаго штаба Людовикомъ Жверждовскимъ, командовавшимъ въ возстаніи отрядомъ повстанцевъ и погибшимъ подъ Опатовомъ, и военнымъ инженеръ - капитаномъ Я*. Оба они были люди образованные, просвѣщенные и интересующіеся современнымъ движеніемъ въ Россіи.

Когда мы вошли, огромный залъ собственнаго дома г-жи А., прекрасно и богато меблированный, былъ полонъ гостей. Въ немъ собралось человѣкъ около ста разныхъ возрастовъ и профессій, было много

офицеровъ, даже въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, нѣсколько писателей и художниковъ, нѣкоторые изъ нихъ и сейчасъ еще здравствуютъ, много студентовъ и всякой другой молодежи, мужчинъ и женщинъ. Поляковъ, вмѣстѣ съ нами, было не болѣе десяти человекъ. Въ залѣ былъ шумъ, говоръ и громкіе споры. Говорили о злобѣ дня, о польскомъ движеніи, о демонстраціяхъ въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, о жертвахъ „насилія“. Отовсюду слышны были возгласы—„вѣдь они хотятъ свободы отчизнѣ!“ „Мы имъ должны помочь не только своими симпатіями, но и жертвами!“ „Надоѣла намъ эта подлая роль угнетателей!“ Подъ аккомпаниментъ рояля, офицеръ, пріѣхавшій изъ Вильны, пропѣлъ извѣстный въ то время, польскій революціонный гимнъ „z dymem rozagow“ съ интонаціей, захватывающей душу. Громкіе аплодисменты раздались по окончаніи пѣнія. Затѣмъ, какой-то писатель прочиталъ, сначала по-польски, потомъ перевелъ по-русски стихотвореніе какого-то польскаго поэта, посвященное Некрасову. Стихотвореніе это по своему трогательно-примирительному тону, я приведу въ переводѣ.

Переводъ: Пой, молодой поэтъ, пой! ты счастливъ, ты имѣешь миллионъ слушателей. Твой народъ ждетъ поэтовъ, высматриваетъ ихъ жадно—и плететъ для нихъ вѣнки... У насъ же... тяжелѣй и иначе... Могущественное прошлое гнететъ насъ... А людямъ больнымъ отъ печали, тоски, униженія и горя—что можно снѣть этимъ людямъ? Пой, молодой поэтъ! Передъ тобою простирается будущее. Пой, чѣмъ сердце твое полно. Пусть старики и молодежь упиваются пѣснью твоею... Пусть вся русская земля упивается ею. Но если ты вспомнишь когда-нибудь меня, какъ вспоминаютъ брата, сдѣлай это, я прошу тебя, сдѣлай это для меня. Пусть твоя пѣснь насъ не проклинаетъ! Довольно братская ненависть пролила слезъ и крови, довольно бой насыпалъ могильныхъ холмовъ... Пусть лучше—пѣснь мира пронесется надъ тою землею, которая орошена кровавымъ дождемъ! Пой, я тебѣ славы, вѣнковъ, желаю сочувствія людей, рукоплесканій... Намъ же остаются только молитвы, вздохи и тайнымъ слезы... Смерть безъ славы и блеску!

Я былъ молодъ, я вѣрилъ, я благословлялъ всѣхъ этихъ честныхъ людей за справедливость и симпатію, которую они оказывали моей бѣдной родинѣ, я чувствовалъ, какъ сердце мое роднилось съ русскимъ сердцемъ, и съ трудомъ сдерживалъ слезы.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе вынесли Жверждовскій и Я*. Они были старше меня, они лучше знали тогдашнее русское общество. Когда мы вышли отъ А., Жверждовскій сказалъ буквально такъ: „И я вѣрю въ искренность того, что я видѣлъ и слышалъ, но, къ несчастью, эти симпатіи не долговѣчны. Не пройдетъ и года, какъ

большинство этихъ людей будутъ нашими врагами. Русское общество въковой исторіей воспитано въ принципахъ, ничего общаго не имѣющихъ съ свободою. Это люди очень хорошіе, и въ отношеніяхъ обыденныхъ, житейскихъ съ ними жить можно, но о высшихъ цѣляхъ, о высшихъ потребностяхъ, они не задумываются и съ ними столкнуться трудно. Разумѣется, исключенія были и есть, и я говорю только вообще о всей интеллигенціи русской. И дѣйствительно, не прошло года, тотъ офицеръ, который пѣлъ на вечерѣ у А. гимнъ „z думет рогаѡ“, былъ военнымъ начальникомъ въ одномъ уѣздѣ Минской губерніи при Муравьевѣ, преслѣдовалъ и разорялъ поляковъ, и правыхъ и виноватыхъ, и оставилъ по себѣ самую дурную память, зато теперь владѣетъ имѣніемъ свыше восьми тысячъ десятинъ, изъ тѣхъ, которыя, по его милости, были конфискованы. Другой же, ратовавшій на томъ же вечерѣ за поляковъ, и, какъ я слышалъ, готовившійся самъ примкнуть къ возстанію, полякъ по происхожденію, но православный по вѣрѣ, что давало ему право, впоследствии, отрицать свое польское происхожденіе, будучи начальникомъ одного высшаго учебнаго заведенія, преслѣдовалъ поляковъ до такой степени, что всѣми мѣрами старался не допускать ихъ въ это заведеніе, и если бы не его добрая жена, ни одинъ полякъ не попалъ бы въ эту школу.

Съ 1863 года такія метаморфозы были явленіемъ зауряднымъ. Когда Киркоръ въ 1861 г. приступилъ къ изданію въ Вильнѣ журнала „TeKa Wileńska“, Катковъ написалъ собственноручное ему письмо по-польски съ пожеланіемъ успѣха и, спустя три года, былъ самымъ злѣйшимъ врагомъ не только всего польскаго, но и самого Киркора, и по милости Каткова, была закрыта и „TeKa Wileńska“. Мнѣ скажутъ: если бы не возстаніе, симпатіи русскихъ къ полякамъ не только не измѣнились бы, но, напротивъ, росли, но эта ссылка будетъ не вѣрна. Симпатіи русскаго общества къ полякамъ были именно на почвѣ революціоннаго движенія за освобожденіе. Если бы не было возстанія, русское общество знало бы о полякахъ только какъ о хорошихъ мазуристахъ, и больше бы ими не интересовалось. Тѣ симпатіи, которыя проявились съ 1861 года, создалъ Герценъ, онъ ихъ и поддерживалъ, и по мѣрѣ того, какъ росло вліяніе Герцена, росли и симпатіи. Но вліяніе Герцена было непродолжительно, его умѣли парализовать, и тогда достаточно было, чтобы правительство поманило всѣхъ этихъ праздныхъ либераловъ на доходныя мѣста въ Польшу, Литву и Юго-Западный край, вмѣсто выгнанныхъ и сосланныхъ поляковъ, чтобы симпатіи эти не только замолкли, но обратились въ гоненіе. Прежніе quasi-друзья обратились въ самыхъ безцеремонныхъ и откровенныхъ враговъ. Въ моей памяти такихъ,

сначала друзей, поющихъ революціонные гимны, а потомъ враговъ, поющихъ похвальные оды Муравьеву и Бергу, я могу насчитать не десятками, а сотнями. Всѣ, кто только имѣлъ возможность пристроиться къ мѣсту къ Муравьеву или Бергу, всѣ слѣпили, какъ мухи на медъ, стали заниматься болѣе практичнымъ и выгоднымъ дѣломъ, за бездѣлою съ приплатой иногда болѣе половины казны къ цѣнѣ, покупали конфискованныя и секвестрованные имѣнія бывшихъ друзей, совсѣмъ перестали либеральничать и пропагандировать о братствѣ польскаго и русскаго народовъ. Мало того, всѣ обратились въ людей благонамѣренныхъ, тѣ, которые жили гражданскимъ бракомъ или повѣнчались, или бросили своихъ гражданскихъ женъ на произволъ судьбы; бывшіе атеисты стали ходить въ церковь, хотя вѣрующими не сдѣлались, но ходили и исполняли обряды, какъ сертификатъ благонамѣренности.

Въ 1865 году я встрѣтилъ въ Петербургѣ одного моего корнуснаго товарища, который во время общаго броженія извѣстенъ былъ, какъ крайній либераль и, казалось, неисправимый атеистъ. Мы шли по улицамъ, и онъ, буквально, около каждой иконы, около каждой церкви останавливался и истово крестился. Меня это удивило, и я полюбопытствовалъ узнать о такой перемѣнѣ въ его религіозныхъ воззрѣніяхъ.

— Перемѣны въ убѣжденіяхъ, собственно, нѣтъ,—сказалъ онъ мнѣ,—но нынче безъ этого нельзя, нынче выѣска эта необходима. Я братъ, дошелъ до такого совершенства, что, когда зѣваю—крещу ротъ. Иначе, останешься за флагомъ, а мнѣ карьера нужна. И онъ, дѣйствительно, за флагомъ не остался и теперь важная персона. Словомъ, „новые люди“, уничтоживши въ себѣ прежніе идеалы, незамѣтно для себя, разнуздали въ себѣ звѣря и звѣрь вышелъ поганенькій, хищный. Страсть къ наживѣ овладѣла всѣми, и многіе наживались, не разбирая средствъ. Энергія, обнаруженная въ этомъ дѣлѣ, была изумительная. Превжнія громкія слова прогрессъ, свобода и т. п., замѣнились терминами другаго, противоположнаго свойства, и для симпатіи къ полякамъ времени уже не доставало и мѣста не было, а, наоборотъ, явилось озлобленіе и жажда преслѣдованія, если не по убѣжденію, то ради того, что это было выгодно. Легче было попасть въ царствіе небесное, чѣмъ, въ то время, поляку достать самое мизерное мѣсто. Никто изъ русскихъ помочь не хотѣлъ даже другу. Были, конечно, исключенія, особенно среди русской аристократіи. Я помню случай такой. По выходѣ въ отставку, я искалъ мѣста въ Москвѣ. Долго я обивалъ пороги и утапывалъ мостовую и вездѣ встрѣчалъ одинъ безстыжій отвѣтъ: „примите православіе и мѣсто получите“. Словно всѣ сдѣлались миссіонерами, или за cadaго по-

ляка, обращеннаго въ православіе, имъ платили деньги. Наконецъ, по рекомендательному письму я обратился къ князю О*, занимающему въ Москвѣ очень важный служебный постъ. На мою просьбу о мѣстѣ я получилъ тотъ же совѣтъ „принять православіе“. Когда я заявилъ князю, что я явился къ нему просить работы и хлѣба, а совѣтовъ, какому Богу я долженъ вѣрить, мнѣ не пужно, и хотѣлъ откланяться,—князь задержалъ меня, извинился передо мною „за учиненную“ имъ „безтактность“, и въ тотъ же день я поступилъ на мѣсто. Но въ то время такихъ деликатныхъ людей было очень немного.

Къ стыду поляковъ, нужно сказать, что въ то время, многіе изъ нихъ принимали православіе. Я говорю—къ стыду, потому что они это дѣлали не изъ убѣжденія, а изъ самыхъ ничтожныхъ выгодъ. Какая польза была для Россіи и для православія отъ этихъ репегатовъ, я понять не могу и удивляюсь, что правительство это безобразіе поощряло, и общество его поддерживало. Никому тогда и въ голову не приходило, что такая замѣна одной религіи на другую изъ-за ничтожныхъ выгодъ деморализировала общество.

Поляки цѣнили симпатіи русскаго общества, но они никогда не возлагали на нихъ какихъ-либо реальныхъ надеждъ, они знали, что въ этихъ симпатіяхъ было больше наивности, больше безпредѣльнаго увлеченія, чѣмъ толку, и нѣкоторые хотятъ свалить вину въ несчастныхъ событіяхъ 1863 г. отчасти на русское общество, какъ будто поощряющее поляковъ, дѣлаютъ неосновательно. Исторія этой связи не найдетъ. Какихъ-либо солидныхъ политическихъ отношеній между поляками и русскими въ 1863 году не было. Попытки поднять вооруженное возстаніе на Волгѣ одновременно съ польскимъ никакой связи съ польской революціей не имѣли. Я лично зналъ Максима Черняка, инициатора этого дѣла, слышалъ и о Михайловѣ, Орловѣ и Иваницкомъ, затѣявшихъ это сумасшедшее предпріятіе и могу удостовѣрить, что у нихъ и въ помыслахъ не было этимъ путемъ помочь польскому движенію, и они никакихъ серьезныхъ отношеній къ польской революціонной партіи не имѣли. Они хотѣли только воспользоваться затрудненіями правительства въ Польшѣ и Литвѣ. Это не то, что было въ 20-хъ годахъ, когда была цѣлая политическая программа, строго обдуманная, гдѣ сообщниками съ русской и польской стороны были люди вліятельные, единодушные, фанатически преданные задуманному дѣлу. И хотя всѣ эти планы разбились о практическую невозможность привести ихъ въ исполненіе, и участники этихъ плановъ сдѣлались жертвами, тѣмъ не менѣе это былъ единственный случай серьезныхъ политическихъ симпатій этихъ двухъ народовъ. И то, одинъ изъ этихъ бывшихъ друзей Польши,

членъ тайнаго общества „союза спасенія“ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, другъ Пестеля, Рылѣва, Лунина, Юшневскаго, кн. Сергѣя Волконскаго, принимавшій участіе въ переговорахъ вмѣстѣ съ своими друзьями съ польскими делегатами съ Ходкевичемъ, Кржижановскимъ и кн. Яблоновскимъ о федераціи Россіи съ Польшей о дарованіи Польшѣ независимаго управленія, при условіи совмѣстной революціи, былъ впослѣдствіи диктаторомъ Литвы и какимъ тогда онъ былъ другомъ Польши—это всѣмъ извѣстно.

Съ августа 1861 года, вслѣдствіе введенія новыхъ порядковъ въ университетахъ начались повсемѣстныя волненія университетской молодежи. Въ Москвѣ волненія эти вначалѣ ограничивались сходками въ аудиторіяхъ, въ университетскомъ саду, на бульварахъ, но никакихъ серьезныхъ безпорядковъ не было, тѣмъ болѣе, что власти, сдерживаемыя тогдашнимъ генераль-губернаторомъ Тучковымъ, относились къ этому движенію спокойно, безъ страстности, такъ что масла въ огонь не подливали, хотя остановить броженія не могли. Въ самое время этихъ безпорядковъ полкъ нашъ ушелъ въ Кострому, а меня прикомандировали въ московскій кадровый баталіонъ, занимающій дворцовыя казармы въ Кремлѣ. По службѣ, какъ я уже говорилъ раньше, я былъ офицеръ исправный. Въ службѣ военной я испыталъ то же, что потомъ испытывалъ во всякой другой. Когда найдутъ исправнаго, усерднаго человѣка, то на него обыкновенно наваливаютъ какъ можно больше работы. Должности адъютанта, напр., мнѣ не давали—эту должность могъ исполнять офицеръ не особенно прилежный къ службѣ, но зато меня назначали въ самые отвѣтственные и трудные караулы, поручали учебныя команды и т. п. Такъ какъ я о командировкѣ меня въ кадровый баталіонъ никого не просилъ, то этому обстоятельству, что я былъ исправный служака, я приписываю это назначеніе и думаю, что командировкой этой не хотѣли меня выжить изъ полка, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, во-1-хъ, потому, что назначеніе это давало нѣкоторыя льготы, во-2-хъ, оно было только на годъ, по истеченіи года я опять вернулся бы въ полкъ и, наконецъ—начальство было ко мнѣ всегда внимательно, товарищи меня любили, а солдаты знали, что я къ нимъ былъ снисходителенъ и справедливъ. Эту аттестацію о себѣ я дѣлаю въ виду непріятности, которая совершенно неожиданно приключилась со мною и о которой я хочу разсказать.

21 сентября 1861 г., около 2-хъ часовъ ночи явился ко мнѣ на квартиру вѣстовой изъ дворцовыхъ казармъ съ приказаніемъ прибыть въ тотъ же день къ четыремъ часамъ утра въ казармы въ полной боевой амуниціи.

Въ назначенный часъ прихожу въ казармы, смотрю и глазамъ

своимъ не вѣрю: солдатамъ раздаютъ боевые патроны. Вслѣдъ за мною стали прибывать и офицеры баталіона. Все это была молодежь на подборъ, лучшіе офицеры — и пѣхотинцы, и артиллеристы, и кавалеристы, такъ какъ въ кадровомъ баталіонѣ были офицеры всѣхъ родовъ оружія. Они столпились въ дежурной комнатѣ, и отъ нихъ я узналъ, что баталіонъ нашъ назначенъ противъ студентовъ, которые собирались, предполагаютъ, произвести демонстрацію противъ генераль-губернаторскаго дома для выраженія своего протеста противъ новаго университетскаго устава. Если это правда, сказалъ я, что насъ отправляютъ противъ студентовъ, то это распоряженіе, по-моему, очень странно. Для усмиренія безоружной толпы студентовъ, существуетъ полиція, а не вооруженныя войска. Съ моимъ мнѣніемъ согласилось нѣсколько офицеровъ, другіе молчали. Я не придавалъ никакого серьезнаго значенія тому, что я сказалъ, и тѣмъ болѣе не ожидалъ никакихъ дурныхъ для себя послѣдствій. Вышло, однако, иначе. Лишь только мы выстроились на плацу противъ фасада казармъ, нашъ баталіонный командиръ полковникъ Святогоръ-Шипинъ вызвалъ меня передъ фронтъ и громко сказалъ: „г. поручикъ Еленскій, я совѣтую вамъ снять мундиръ и надѣть фракъ“. Не понимая, въ чемъ дѣло и будучи озадаченъ такимъ обращеніемъ ко мнѣ баталіоннаго командира, я вѣжливо возразилъ: „г. полковникъ, я не понимаю вашего совѣта, тутъ есть какое-то недоразумѣніе, и я надѣюсь, что по возвращеніи баталіона въ казармы вы соблаговолите объяснить мнѣ причины, вызвавшія такое ваше обращеніе ко мнѣ“. „Вы много разсуждаете, вотъ что я долженъ вамъ сказать“, добавилъ полковникъ. Баталіонъ двинулся, и скоро мы заняли внутренность двора генераль-губернаторскаго дома, гдѣ и расположились въ ожиданіи, когда насъ потребуютъ „въ дѣло“. Въ бесѣдѣ съ товарищами я узналъ, въ чемъ заключалась причина, вызвавшая замѣчаніе, слѣланное мнѣ баталіоннымъ командиромъ.

Около восьми часовъ утра прибылъ на генераль-губернаторскій дворъ командиръ гренадерскаго корпуса генераль-лейтенантъ, баронъ Рамзай. Кромѣ достоинства война, Рамзай имѣлъ всѣ качества честнаго, добраго и благороднаго человѣка. Обходя фронтъ баталіона и дойдя до меня, Рамзай остановился и тихо сказалъ: „г. поручикъ, вы поступили нехорошо, ваше дѣло повиноваться, а не разсуждать“. Такимъ образомъ, одно неосторожное слово создало для меня крайне непріятный инцидентъ, который такъ или иначе долженъ былъ непріятно отразиться на мою дальнѣйшую службу. Несомнѣнно, что сказанная мною фраза была кѣмъ-либо изъ товарищей, бывшихъ въ дежурной комнатѣ, передана Святогору-Шипину. Такъ какъ я впоследствии узналъ, кто мнѣ удружилъ, то я считаю своею обязан-

ностью заявить, что это сдѣлалъ не русскій, не полякъ, не вѣмецъ, не малороссіянинъ (въ баталіонѣ служили офицеры всѣхъ этихъ національностей) и мои товарищи по баталіону, если они еще живы, догадаются, на кого я намекаю. До той же минуты, пока я достоверно не зналъ, кто это былъ, я не смѣлъ никого подозрѣвать въ этомъ доносѣ, такъ какъ мои товарищи были все люди честные. Единодушіе нашего офицерскаго общества было примѣрное по чувству и по святости товарищества. Но семья не безъ урода.

Прошло недѣли три послѣ этого непріятнаго случая. Я успокоился и не ожидалъ уже болѣе никакихъ дурныхъ послѣдствій для себя, особенно послѣ того, какъ получилъ назначеніе быть на балу во дворцѣ, по случаю пріѣзда императора въ Москву. Это было назначеніе чрезвычайно лестное для меня, тѣмъ болѣе, что я никогда на придворныхъ балахъ не бывалъ и приблизительнаго даже понятія о нихъ не имѣлъ. Балъ былъ роскошный. Было весело и танцовали много. Мы, не большаго ранга офицеры, танцовать не рисковали, да вѣроятно, по этикету, намъ танцовать и не полагалось. Богатыхъ и изящныхъ нарядовъ, блестящихъ мундировъ и русскихъ и заграничныхъ было пропасть; женщины одна другой лучше и изящнѣе. Никогда больше я не увижу столько брильянтовъ, сколько видѣлъ ихъ на этомъ балу. Ужинъ былъ на славу. Царскій столъ, особо накрытый посреди столовой для царской семьи, былъ окруженъ и украшенъ цвѣтущими деревьями и множествомъ гіацинтовъ, нарцисовъ, туберозъ, цѣлыя плато фіалокъ, роскошныхъ ползучихъ розъ и тому подобныхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Огня цѣлое море. Офицеры за длинными столами, въ перемежку, не по полкамъ, требовали лучшія вина, ѣли и пили безъ стѣсненія.

На другой день послѣ бала я получилъ повѣстку изъ корпуснаго штаба явиться на другой день въ штабъ для личныхъ объясненій къ дежурному штабъ-офицеру полковнику Моргенштіерну.

Результатъ моего посѣщенія дежурнаго штабъ-офицера былъ тотъ, что имъ было объявлено мнѣ распоряженіе корпуснаго командира объ откомандированіи меня отъ Московскаго кадроваго баталіона и о немедленномъ выѣздѣ къ мѣсту расположенія полка въ г. Кострому, при чемъ отказано мнѣ было въ выдачѣ прогоновъ на эту поѣздку. 6-го октября я прибылъ въ Кострому.

Этою главою я заканчиваю первую часть моихъ записокъ. Если я затѣмъ увижу, что я не надоѣлъ моимъ читателямъ и если я не улягусь еще спать вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ земли, то вскорѣ я начну продолжать вторую часть моихъ воспоминаній.

О. Еленскій.

